

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Немо

ЛИБЕРТАНГО

Михаил Немо
Либертанго

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Немо М.

Либертанго / М. Немо — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Сколько жизней дано человеку? Судьба Максима Островского не предвещала крутых поворотов: университет, карьера, семья, кредиты... И даже эмиграция не вдохнула в его жизнь новизну. Но однажды неодолимый зов побуждает героя отправиться в Путь. Роман основан на реальных событиях. Путешествие сквозь Европу на попутках, служба в иностранной армии, жизнь в маргинальных общинах, война с хулиганами из парижских предместий, поход через океан на парусном катамаране... Герой – альтер эго автора – идет навстречу страху и учится выживать в любых обстоятельствах. Раз за разом он создает свой мир с нуля: робинзонада в лесу с женой и двумя детьми, жизнь в озерном монастыре на плоту, тюрьма на тропическом острове... Но когда борьба за выживание теряет наконец остроту, на первый план выходит по-настоящему важное: избежать смерти духовной. Обретет ли человек новую жизнь? Насколько парадоксальным окажется результат? Содержит нецензурную брань.

© Немо М., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

*	5
Пролог	6
Час 1. На крыше стриптиз	8
Час 2. У какого берега	16
Час 3. Улицы ждут	21
Час 4. Странный стук	29
Час 5. Картонный щит	43
Час 6. Бедный ёж	57
Час 7. Про майора	68
Час 8. Ничего не значил	85
Час 9. Слоновий бок	100
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Михаил Немо Либертанго

*

Поиски истины – детская игра по сравнению с огромной серьезностью задачи – стать истиной самому.

Роберт Музиль, «Человек без свойств»

Это знает моя свобода.

Это знает мое поражение.

Это знает мое торжество.

Егор Летов

Пролог

18 января 2013 г.

Сегодня мне повезло: разжился массой полезных вещей. Один странноватый мужик подарил, просто так. Сказал, ему не нужны, дальше пойдет налегке. Вообще был готов всё отдать. Всё, что у него есть, весь рюкзак. Даже телефон.

Ну, от телефона-то я отказался, наглости не хватило. Хоть он и нужен мне, может, побольше остального: мой-то гаджет, когда через Атлантику шли, за борт смыло, чуть зазевался. «Телефон – это ты сгоряча», – говорю. И еще подумал, что уж налегке-то с таким агрегатом путешествовать можно. Легче даже, чем без него. Ведь он заменяет всё: карты там, компас, фонарик, книги, музыку... Я еще пошутил: давай уж тогда и паспорт до кучи. А он на меня как-то так покосился и головой помотал: ни к чему, мол, тебе мой паспорт...

Мужик и вправду странный. Хотя в то же время, вроде, нормальный. Нормальнее многих других даже. Типичный бродяга, я с такими последнее время в основном и тусуюсь – с тех пор, как путешествовать стал. Разве что стрижка у него короткая. Как и у меня теперь, впрочем. Но у меня сзади тонкий хвостик оставлен – знак, что раньше *хаер* был, чтоб за своего принимали. А ему, похоже, условности эти по барабану.

Когда впервые его увидел, вообще решил, что не старше меня парень: лет двадцать семь, максимум – тридцать. А он говорит: сорок с гаком. Я даже не поверил сперва. Но потом пригляделся: есть что-то такое в глазах... Да и с чего ему врать? На меня чем-то похож, только повыше да поздоровее. На солнце прожаренный: месяц на пляже живет – как раз перед несостоявшимся концом света на острова и пришел.

Меня, кстати, Микеле зовут, я итальянец. Мужик этот, как про Италию речь зашла, стал рассказывать, что во времена его юности у них в России был культ всего итальянского: фильмы, музыка... Имена принялся называть – всяких в основном мастодонтов ископаемых: Челентано там, Пупо... Пупо – это ж надо! Был такой, кажется, попсовый певец, еще до рождения моего, наверное. Челентано – другое дело, конечно. В нём целая эпоха.

Вдобавок он всего Умберто Эко прочел. Мне даже неловко стало: я – итальянец – и то не читал. Только фильм по книге смотрел: «Имя розы».

Еще он сказал, что в России уже наступило 19-е января. Само собой, другой край земли – там уже утро. У них праздник Крещения, и считается, что в этот день вся вода в мире – святая. Лед рубят и лезут в прорубь – и якобы ничего плохого не может случиться. Что ж... Каждому по вере его.

В любом случае «наследство» мне досталось немалое. Я ж на островах собираюсь по джунглям полазить, где еще сохранились. Так что снаряга нужна, а кое-что по пути утрачено. Он, как узнал, так и давай из рюкзака доставать – мне даже неловко стало. Но он сказал, что рюкзак – вроде кармы: полезно вычищать. Так и спине легче, и двигаешься быстрее. И на *границе* (он как-то по-особенному произнес слово «граница», будто имелось в виду иное) не придется за перевес платить. Непонятно только, во что он верит: то Крещение, то карма...

Короче, поломался я для порядка, но всё забрал – грех отказываться. Даже электрический кипятильник необыкновенной (чисто русской, наверное) конструкции. Но главное: палатка двухслойная, очень легкая – прямо то, что нужно; котелок армейский шведский со всякими наворотами; нож отличный французский *Opinel* – складной, с фиксатором (такой через таможеню еще поди провези, но он ведь как-то возил). Короче, теперь можно и в джунгли.

Здесь, на Барбадосе, джунглей-то практически нет: остров маленький, всё окультурено. Угораздило же сюда попасть! Вот на Доминике, я слышал, другое дело: дикость и тропики. Так что через пару дней туда выдвигаюсь: нашел яхту – капитан обещал подбросить, даром почти, только за еду заплачу.

Я и сюда так попал: из Рима перелетел на Канары, а там договорился с одним норвежцем. Ему на яхту напарник понадобился – вахты по очереди стоять. Мне-то без разницы куда плыть, лишь бы через океан. А Барбадос – это уже Карибы. Так что три недели под парусом – и я здесь.

Правда, капитан мне всю душу вымотал, пока шли. Викинг хренов! Сперва, вроде, ничего: общались. А потом замкнулся: бычится, слова не скажет. А яхта-то маленькая, деваться некуда. Да еще свиньей порядочной оказался: пиво выпил – жестянку за борт. Тунца как-то выловили, так он его разделал, ошметки по камбузу раскидал и ходит, топчет. Как будто он здесь и не живет. А ведь у него и дома-то другого нет – вся жизнь на яхте. Я пару раз намекал, что свинячить не стоит – ни у себя, ни вокруг, – да без толку.

Русский этот, кстати, тоже с Канарских островов сюда на яхте пришел – мы еще на Гран-Канарии познакомились, когда в порту околачивались. Безнадега там была страшная: я полтора месяца яхту искал и мужик этот не меньше, наверное.

Там – в Лас-Пальмас-де-Гран-Канария – к концу сезона ураганов вообще целая тусовка «международных бомжей» собирается. Всех мастей: молодые и не очень, девушек много. Каждый подыскивает яхту, чтобы Атлантику перейти. «Гидростоп» называется – этакий автостоп по воде. А пока яхту ищут, живут кто где: одни прямо на пляже, другие за койку в хостеле платят, третьи – «сквоттеры» – пустующие квартиры, а то и целые дома захватывают.

Помню, раз эта братия у моря собралась вокруг костра. Ящик пива приволокли, косяки по кругу пускают... И тут кто-то двинул тему (англичанка, кажется, симпатичная такая, с сережкой в брови): с какой целью, мол, каждый из нас отправляется через океан – *на ту сторону?*

У всех, понятно, своя история: один кругосветку совершает, другому в Патагонии пингинов смотреть занудилось, третьи решили забраться на какую-то пирамиду в Мексике, причем именно 21 декабря, чтобы конец света предотвратить. А я тогда сказал... Нет, тогда я, кажется, ничего не сказал.

А когда до этого русского очередь дошла, он всех и удивил: отправляюсь, говорит, на ту сторону для встречи со Смертью (я прямо-таки расслышал заглавную букву – словно подумевался некто живой). На него как напустились! «Что за пессимизм?! Зачем вообще об этом думать?! Мир прекрасен, живи-радуйся!» Он пытался что-то объяснить: Смерть, мол – тоже часть этого мира, причем одна из важнейших, и тоже прекрасна, если ее понимать и не бояться... Но никто даже слушать не хотел: от одной мысли о смерти всех словно переклинило.

Так мы и жили там – на Гран-Канарии: нарастало ощущение, что мы в ловушке. Пойманы, заперты на острове. Казалось, это не закончится. А ведь и вечно так продолжаться не может! Даже закоренелые оптимисты – и те уставали притворяться, и их одолевало уныние. Иногда – невероятная удача! – кто-нибудь находил яхту и уплывал. Но прибывали всё новые путешественники... Где же яхт на всех напасешься?

И русский этот однажды исчез. А спустя два месяца встречаю его здесь – на Барбадосе, – по другую сторону океана! Впрочем, не удивительно: Барбадос – самый восточный из Карибских островов, сюда многие заходят. Оказалось, ему сказочно повезло: вписался на парусный катамаран. Там и экипаж – четверо, и капитан, вроде, ничего. Вчетвером плыть – не то, что вдвоем: повеселее, наверное. И тоже лишь за еду заплатить пришлось.

Деньги, конечно, вечная заноза – всё время подсчитываю, на сколько еще хватит запасов. Русский этот увидел мои заморочки и говорит: так же, мол, парился, но уже с неделю, как перестал – деньги закончились, а с ними и проблемы. Еда-то здесь есть: он научил, как ее раздобыть.

Я спрашивал, какие у него теперь планы, но он сначала отшучивался, а затем и вовсе отказался об этом говорить. Придумал, наверное, как заработать, а может, яхту себе нашел. Бойся спугнуть удачу.

Час 1. На крыше стриптиз

Выждал, пока последний человек исчез с пляжа. Теперь в отсвете неполной луны угадываются лишь маленькие барашки набегающих волн. За ними – много дальше – одинокие светлячки стоящих на рейде яхт. И совсем уже далеко – огни проходящих танкеров, контейнеровозов и круизных лайнеров.

«В здравом уме и твердой памяти...»

Раздеваюсь и складываю вещи под одной из пальм: футболка, шорты, трусы, сланцы.

Пересекаю полосу песчаного пляжа и медленно захожу в воду: она теплее воздуха, похожа на остывший бульон.

Ноги ощущают морское дно – последнюю земную твердь.

С каждым шагом дно уходит всё дальше. Вода выталкивает, невесомость нарастает. Идти уже трудно, пальцы ног еле цепляются за грунт... На цыпочках... еще чуть-чуть... еще шаг... последнее касание... и – поплыл.

1988 год

Ленинграду уже недолго оставалось быть Ленинградом, но едва ли кто о ту пору об этом догадывался. И подавно не чаяли перемен Макс и трое его друзей, забравшиеся в этот солнечный день на одну из питерских крыш. Друзьям лишь хотелось скрыться от всего мира и хоть на мгновение забыть о школе, родителях, грядущем поступлении в институт, нависшей над ними армии... О нескончаемых обязательствах перед жизнью.

С этих проведенных на крыше часов мы и начнем отсчет Максова иномыслия, обусловившего ход его жизни.

В тот день отменили два последних урока, и, выйдя на улицу, друзья обнаружили великолепнейшую погоду – первое в этом году майское солнце. Тут же договорились, что отправятся по домам, а через час встретятся у магазина, и если там не повезет, то где-нибудь да повезет – в такую погоду вообще не верилось, что бывает иначе. Да и не дома же сидеть, не к экзаменам же готовиться, в самом-то деле!

И повезло: в давке, едва не с дракой была взята за десять рублей бутылка «Русской» – самой, как считалось, паршивой из имеющихся в продаже водок.

Оттуда пошли на Куракину Дачу – бывшее имение князей Куракиных. Теперь это был городской парк, где стояла их родная ненавистная спецшкола с английским уклоном, служившая до революции сиротским приютом. И в этом парке изо дня в день, из года в год друзья разгуливали, отирая скамейки и кусты, топтали тропинки, швыряли коряги в пруд, и каждое дерево, куст, скамейка, тропинка дышали историей. Их историей, важнейшей из всех историй.

По дороге к парку обследовали автоматы газировки в надежде на чудо: вдруг найдется стакан, не украденный до них. Но чуда не случилось, и решили пить из горла.

Уже в самом парке подвезло: обнаружилась старушка в платочке, как с картинки, предложившая граненый стакан из расчета, что так управятся быстрее, она заберет бутылку и двинется дальше – на свою каждодневную охоту за стеклотарой.

Впрочем, Макс не казалось, что здесь им так уж и повезло: пить из стакана, которым пользовалась до них толпа алкашей. Он даже предложил всё-таки пить из горла, как задумывалось. Но друзья урезонили: надо быть выше этого, а бабка – молодец, плохой стакан

не подсунет. Резоны были убийственные, спорить бессмысленно. Веских же причин противопоставлять себя коллективу у Макса пока не имелось.

Питие давалось с трудом: было столь гадко, что прежде, чем залить в себя порцию, требовалась мобилизация всех без остатка душевных сил – как перед прыжком с высоты или в ледяную воду. Закуску не предусмотрели, поэтому водку «закуривали» или занюхивали рукавом (ритуал, подсмотренный в каком-то фильме).

Стакан пускали по кругу. Чокаться, понятное дело, не могли, но тост был произнесен: «За нас с вами и за хрен с ними!» Формула наиболее точно выражала их подростковое мироощущение.

Пили вообще-то втроем: Женя был непьющим и некурящим, но бессленно присутствовал, являясь всегдашним свидетелем и летописцем подвигов друзей. Макс же в силу деликатности психики и организма питие давалось тяжелее, чем остальным, и Женя ему ассистировал: держал сигарету, пока тот собирался с духом, и, как только Макс «опрокидывал» и отдавал стакан следующему, незамедлительно совал бычок ему в руку. Такая бескорыстная верность общему делу дорогого стоила.

Пьянели быстро – не столько от выпитого, сколько от осознания самого факта, что пьют. Старушка околачивалась вблизи, и Леха вообще не к месту расчувствовался:

– Бабка – человек! – почти рыдая от умиления, высказался он. – Надо ей рупь дать!

Леху с легкостью отговорили, тем более что рубля у него, скорее всего, не имелось.

Настало время решать, что дальше. Драгоценные моменты опьянения хотелось провести с толком, и четверка направилась к Максому дому: тамошний чердак облюбовали давно, а сегодня погода располагала и к выходу на крышу.

Дом был сталинский, семиэтажный. Макс жил на пятом. Худшее, что могло произойти сегодня с друзьями – что их «зажопят родаки». Это понимали и боялись. Но было еще не поздно, вероятность досрочного прихода родителей невелика, поэтому Макс даже рискнул зайти в квартиру за водой: сушняк уже давал о себе знать.

Взяв стеклянную трехлитровую банку (их много, родители не заметят) и наполнив из-под крана, он выскочил на лестничную площадку, где нетерпеливо топтались остальные. Компания крадучись поднялась еще на два этажа, затем еще на один пролет и зашла в незапертую чердачную дверь.

Зажимая носы и хрустя голубиным пометом, проследовали по ведущему к слуховому окну дощатому настилу и по очереди вылезли на крышу. Крытая жостью, местами она была замазана черной смолой. Плаваясь на солнце, смола пахла.

Крыша скатывалась к перилам, ржавым и небезопасным на вид. Саня, самый из всех отчаянный, подошел к краю, потряс перила так, что всё зазвенело и загудело, и харкнул в сторону дома напротив. Затем уселся на скате.

Остальные тоже стали устраиваться. Макс, заложив ладони под голову, лег по левую руку от Сани, Леха – по правую. Женя угнезвился повыше – на порожек слухового окна – и поставил рядом банку с водой: ему, как единственному трезвому, поручили ее беречь.

– Женикс, – преувеличенно заплетаясь языком, проговорил Саня, – раз торчишь в слуховом окне, тогда ты на шухере – будешь слушать, если кто зайдет.

– Слуховое окно – от фамилии Слухов: инженер, который такие окна придумал, – блеснул эрудицией подчеркнуто трезвый Женя. – Но послушать можно.

На крыше было хорошо. Было бы, может, еще лучше, если б отсюда наблюдался какой-нибудь знаменитый чисто питерский вид: Адмиралтейство, Петропавловка, Исаакий – что-нибудь в этом роде. Но никакого особенного вида не открывалось. Взгляд через улицу упирался в крышу такого же дома. Правее виднелась Куракина Дача, и за ней – в просветах между деревьями – угадывалась Нева. Слева торчало высотное здание Дома быта.

Но убожество пейзажа не смущало друзей. Важно было, что им удалось наконец спрятаться, и никому в мире неизвестно, где они. Это порождало ощущение единства, обладания общей тайной, сопричастности миру.

Макс закрыл глаза. Голова кружилась. Пахло смолой. Было жарко. Хотелось пить, но вставать за банкой было лень. Просить передать банку – тоже лень, вдобавок всё равно пришлось бы сесть, а любое движение на жестяном скате было чревато соскальзыванием и последующим восползанием на место.

Саня замычал любимую песню: «Я бездельник у-у, мама-мама...». Макс мысленно подпел.

– Жаль, гитары нет, – сказал Леха.

– Да ну, – отозвался Макс. Он боялся, что его вынудят пойти за гитарой, а это было, конечно же, лень до невозможности. Пришлось бы спорить, ссылаться на то, что могут «зажопить»...

Сзади послышалась возня. Макс вывернул шею и увидел, что Женя достал блокнот и в нём строчит.

– Эй, крючоквор! – Макс был рад, что лень всё же не властвует безраздельно, что хоть что-то происходит. – Банку не сверни.

Он вновь закрыл глаза.

– Короче, стихи, – произнес Женя. – Слушайте:

Я зайцем пожрал бы капусту с морковкой,

В небо взлетел бы божьей коровкой,

Волком бы выгрыз бюрократизм

И станцевал бы на крыше стриптиз.

Делал с утра бы себе харакири,

А после стрелял по прохожим, как в тире,

Или угнал бы в Стамбул самолет.

Но... снова прошел, незамеченный, год.

...Да-да, вот так и прошел, и пройдет... Мертвая зыбь лет так и будет колыхаться вялой синусоидой, чьей-то функцией, вверх-вниз, вверх-вниз, и ты болтаешься в этих волнах, на одном месте, и так без конца, и берег не приближается, и ничего не произойдет...

Макс открыл глаза и попытался увидеть небо. Смотреть было больно, во лбу ломило: за долгую зиму глаза отвыкли от настоящего света. Специфическая боль напомнила, как – с десяток уже лет назад, – учась в первом классе, в первую же неделю учебы он разбежался по школьному коридору и въехал лбом в стену.

Зачем? Не нарочно! Собирался устроить «миллиметраж» – затормозить в последний момент. Но то ли не успел, то ли... не захотел. Словно пытался пробить головой стену – вырваться на волю из душных пределов школы.

Мячиком отлетев от стены, он свалился на пол, но тут же вскочил, крича и заливаясь слезами. На лбу вздулась твердая шишка. Учительница переполошилась, уложила Максима на парту и вызвала мать. Та приехала, забрала сына. По дороге его вырвало. Вдобавок нестерпимо болела голова – не там, где шишка, а вся, целиком.

Врач определил тяжелое сотрясение мозга. Месяц строгого постельного режима: полный покой, читать нельзя... Ничего нельзя. Этот «строгий режим» оказался истинной пыткой – даже возвращение в школу представлялось желанным. И Максим получил, что пожелал: десять лет «общего режима» за партией, от звонка до звонка, буквально. И вот уже выпускные экзамены на носу...

При мысли об экзаменах в животе появилась гадостная щекотка. Макс усилием отогнал эти видения. Подступала скука.

– И что дальше? – ни к кому не обращаясь, спросил он.

– Ты о чём? – откликнулся Леха.

– Да так...

– Можно еще взять, – сказал Саня, отлично зная, что у них нет денег, да и в магазине всё давно кончилось.

– Я не о том, – сказал Макс. – Вообще.

– Если вообще, то дальше – ничего, – сказал Леха. – Ничего нового уже не будет.

Леха помолчал. Затем добавил:

– Разве что ебля баб.

До этих пор вопрос взаимоотношений полов не являлся для друзей основополагающим. Интереснее было, например, выяснить, кто кого сильнее, кто сможет кого побить, и как вернее этому научиться. (Крайне важным казалось выявить победителя гипотетической драки между «сильным, но легким» Брюсом Ли и «качком» Шварценеггером.) Были, разумеется, и другие животрепещущие темы. Но женский вопрос неизбежно и неумолимо назревал, тесня остальные.

Опыта у друзей пока не имелось. Всё, касающееся женщин, было *terra incognita* – ребята просто не понимали, как к ним подступить. А подступить хотелось.

Саня, к примеру, использовал амплуа хулигана: матерился в присутствии девочек, задибал юбки, мог плюнуть в одноклассницу или отвесить ей пендель. Девочки негодовали, но по большому счету были рады вниманию.

Леха косил под рубаху-парня: запросто, как с друзьями, разговаривал с одноклассницами на переменах – хвастал, что собирается покупать мотоцикл, или пересказывал виденное по телику.

Женя, случись у него любовь, посвятил бы, наверное, девушке стихи.

Макс же был робок (борясь с этим, он с места хамил учителям). Ни пнуть девушку ногой, ни вести с ней непринужденную беседу он не мог. Стихов не писал, а если бы и писал, то не решился бы кому-нибудь показать. Самый высокий в классе, он мог иметь известную фору, когда бы не чувствовал себя длинным и нескладным.

Между тем, была одноклассница, которая ему нравилась. Красивая, умная и дерзкая – когда в начале десятого класса устроили школьный КВН, Даша стала капитаном команды, не убоившись даже индивидуального конкурса капитанов. Такая смелость казалась Максиму непостижимой. За словом Даша в карман не лезла и, будучи в соответствующем настроении, могла запросто тебя осмеять. Иногда кто-нибудь отваживался посмеяться над ней, но, как правило, бывал уже сам не рад. А однажды у Макса вышла с Дашей история...

За несколько месяцев до того, как поднялось жаркое солнце и друзья оказались на крыше, активисты класса устроили дискотеку в школьном актовом зале. Для Макса основная привлекательность мероприятия заключалась в возможности покурить в туалете с Саней и другими пацанами.

Но постоянно торчать в сортире было не комильфо, полагалось хотя бы символически поучаствовать в дискотеке. Пока большинство одноклассников подергивалось в центре зала под «Модерн Токинг», Макс, засунув руки в карманы, картинно стоял у стенки недалеко от сцены. Танцевать он стеснялся.

Стараясь не особо глазеть, он наблюдал за танцующими. Взгляд произвольно выискивал Дашу: высокая длинноногая брюнетка – она смотрелась эффектно.

Заиграл медляк: «Soli» Челентано. На медленный танец Макс и подавно бы не отважился. Пригласить девушку? Исключено! На такое вообще мало кто решался.

Несколько пар всё же образовалось, одиночки отошли к стенке. Внезапно Макс увидел, что Даша направляется в его сторону. Устремив взгляд мимо нее, он внутренне сжался.

– Пойдем танцевать, – сказала Даша, потягивая Макса за рукав. В лице ее читалось лукавство.

Это была провокация, вне сомнения. Но другого не оставалось, и Макс обреченно последовал за девушкой.

Возле сцены было свободно – там Даша остановилась, положила руки партнеру на плечи, дождалась, пока его ладони утвердятся на ее талии, и закачалась в такт музыке. Макс сосредоточился на том, чтобы не оттоптать девушке ноги. (Потеря концентрации была чревата и другим, поистине ужасным конфузом – эрекцией.)

Челентано закончился, и сразу включился другой медляк – из репертуара «Рикки Э Повери».

– Красивая песня, – проворковала Даша Макс на ухо.

– Итальянцы – молодцы, – находчиво ответил тот, являя способность к обобщениям.

– Ты бывал за кулисами? – внезапно спросила девушка и, не дожидаясь ответа, в танце повлекла его к ведущим на сцену ступенькам.

Противиться было бы смешно. Подтанцевав к лестнице, они поднялись на сцену, и Даша, отогнув край занавеса, втянула партнера за кулисы.

Здесь царствовал полумрак, прореженный пробивающимися из-под занавеса сполохами светомузыки. Явственно ощущался застоявшийся кислый запах.

Улыбаясь, девушка в упор смотрела на Макса. Ее глаза ритмично поблескивали.

– Прикольно, – сказал Макс, демонстрируя владение модным сленгом, и завертел головой. – Ни разу здесь не был.

– А зря, – произнесла Даша со значением.

Продолжая улыбаться, она вновь положила руки ему на плечи.

– Давай же...

– Что? – сказал Макс.

Он и вправду не понимал. Вернее, он понимал. Понимал, но не был уверен, что понимает... Воображение рисовало кошмарную сцену: вот он клонится к девушке, тянется губами, и тут – в последний момент – она отстраняется и начинает презрительно хохотать. Такого бы он не пережил.

– Ты знаешь «что».

– Не знаю, – упрямылся Макс.

Даша всё так же смотрела в упор и улыбалась.

Смотрела и улыбалась.

Музыка прекратилась, и в образовавшейся тишине раздался визгливый голос Игоря Гризина, давнишнего Максова неприятеля:

– А с кем это там Смоленская за кулисы пошла?! Эй, мы всё видели!

Даша убрала руки и отступила на шаг. Улыбка исчезла. В ту же секунду по ведущим на сцену ступенькам затопотало множество ног.

Сейчас ворвутся и станут глумиться и хохотать! Глумиться и хохотать над ними! Чтобы не выглядеть идиотами, необходимо смеяться громче других, а это практически невозможно. Единственный шанс – завладеть инициативой, довести ситуацию до абсурда... Повинуясь наитию, Макс уселся на пол, прислонился к стене и вытянул ноги. Запрокинув голову, он свесил набок язык и закатил глаза.

Щелкнул выключатель, вспыхнула ослепительная после темноты лампа. В тот же миг за кулисы с воплями «всем стоять, полиция нравов!» ворвалось несколько ребят.

Последовала немая сцена.

– Что это? – выдавил кто-то.

Все смотрели куда-то на пол.

Макс скосил глаза и увидел, что в двух шагах от него валяется невесть кем и когда закинутый сюда пол-литровый треугольный молочный пакет. Лужа молока почти касалась его ног.

Раздался взрыв хохота: в подростковом воображении «блюстителей нравов» белесая лужа на полу ассоциировалась с биологическими жидкостями, с распушенностью этих самых нравов.

Макс и Даша хохотали вместе с другими. Возможно, даже громче других.

Прошли месяцы, но при воспоминании о том случае Макса всякий раз передергивало – тело реагировало на целый букет эмоций: сожаление из-за упущенной возможности, неловкость, страх... И навек застрявший в ноздрях тошнотворный запах прокисшего молока.

– Разве что ебля баб, – повторил Леха, смакуя булькающее сочетание звуков.

Макс передернулся. Да, возможно Леха и прав. По крайней мере, он верил в то, что говорил: близость с женщиной придаст жизни новизну. Но Макс догадывался: и это – очень быстро (а может, сразу) – окажется неново. Старо как мир.

Он почувствовал, какие тяжелые у него руки. Возникло предчувствие кошмара – состояние, которое он многократно испытывал во сне – с тех пор, как к нему повадился этот сон.

Началось с десятков лет назад – вероятно, последствием сотрясения мозга. Он кричал во сне, всякий раз одно: «Труба наискосок!». Родители его расталкивали, и, очнувшись в поту, Максим смутно припоминал тёмную, матовую, уходящую под углом вверх, устрашающе толстую металлическую трубу. Помнил и ощущение, делающее сон кошмаром: словно дело всей жизни пошло прахом, словно бы всё напрасно... В этих снах он не был ребенком.

К семнадцати годам такие сны почти прекратились, но нечто похожее стало возникать наяву – кошмарным ощущением неподъемной тяжести рук. Чтобы не дать панике разрастись, следовало совершить действие. Макс поднялся и отпил из банки воды. Потом сел и стрельнул у Сани сигарету.

Запах расплавленной смолы мешался с дымом «Родопи». Плохо набитая болгарская сигарета курилась быстро и неровно, и вскоре Макс ее выбросил. Описав дугу, окурочек исчез за краем крыши.

– Уеду в Америку, – произнес он неожиданно для себя. – Поступлю в институт, закончу и уеду.

Прежде такое в голову не приходило. Он знал, конечно, что есть люди, которые *уезжают*. Это считалось смелым и в то же время расценивалось изменой. Родители иногда вполголоса говорили о ком-то, кто уехал. О каком-нибудь еврее. Кругом вообще было много евреев. Макс сам был евреем.

Он узнал об этом в десятилетнем возрасте – прежде Максим и вовсе не подозревал об их – евреев – существовании. Придя однажды в школу, он встретил неожиданный прием. Несколько мальчиков и девочек, тыча пальцами, принялись дразнить: «Еврей! Еврей!».

Игорю Гризину – самому наглому – он засветил в лоб. Остальные, отбежав на безопасное расстояние, еще подразнились, но, оставшись без заводилы, скоро унялись.

Бросив портфель, Максим подошел к Сане, рисующему во всю доску огромного чёрта.

– Чего это они евреем дразнят?

– Да там... Ираида журнал принесла, сама ухряпала...

Они протолкались через сгрудившихся вокруг учительского стола одноклассников, Саня вырвал из чьих-то рук журнал 3-го «б» и раскрыл в конце.

Список учеников. Напротив каждой фамилии – какие-то данные, отдельным столбцом – национальность. «Русский, русский, русский...» – взгляд бежал по столбцу, пока не споткнулся

о слово «еврей». Переведя взгляд, Максим обнаружил свою фамилию – Островский. Это было удивительно. Наверное, ошибка. Он пробежал глазами весь список – взгляд спотыкался еще дважды: «украинец» (напротив фамилии Пилипчук) и «гречанка» (напротив фамилии Теодориди).

– Дежурный, стереть с доски! – раздался истеричный учительский крик.

Все бросились рассаживаться, пока дежурная девочка лихорадочно уничтожала тряпкой так и не дорисованного чёрта.

На уроке Островский «отсутствовал». До сих пор ему казалось, что слово «еврей» – ничего не значащее ругательство, вроде «дурак», только бессмысленнее и грубее. Он помнил, как пытался исполнить бабушке привезенную из пионерлагеря песенку со словами: «Чемодан не удержался, с полки полетел и какому-то еврею в лысину задел». Бабушка потребовала, чтобы Максим немедленно прекратил. А однажды, совсем еще маленьким, он пришел к маме на кухню, надев через плечо, наподобие солдатской скатки, надувной спасательный круг, и почему-то сказал: «Смотри, я еврей!». Мама одарила его таким взглядом, что стало ясно – он делает и говорит не то. А недавно на автобусной остановке он слышал возмущенное: «Где же этот еврейский автобус?!» Но чтобы лично его обзывали евреем – такого не бывало.

Придя домой, он подступился к маме с расспросами. Та была несколько обескуражена, но быстро нашлась:

– Евреи – обычные люди. Есть русские, американцы, французы... А есть евреи. Все одинаковы, только называются по-разному. Ты – еврей. Но никакой разницы нет.

– А украинцы и греки?

– Украинцы и греки тоже. При чём здесь они?

Максим объяснил. Мама повторила:

– Все одинаковы – украинцы, греки и евреи. Колю с Викторией никто ведь не дразнит?

– Никто.

– Вот видишь.

Но его-то дразнили!

Вечером пришел папа. Мама, очевидно, передала ему разговор, и тот решил добавить от себя:

– Мы не говорили, чтобы не усложнять тебе жизнь. А будут дразнить – просто не обращай внимания. – И уже выходя из комнаты, добавил: – Учительница тоже хороша – журналы где попало раскидывает!

Кое в чём родители тогда слухавили. Терять теперь было нечего, язык у отца развязался, и со временем он поведал сыну, что, хотя все, конечно же, и равны, но у евреев могут возникать трудности при поступлении в институт, приеме на работу, поездках за границу и прочее.

Еще (как вскоре узнал Максим) некоторые евреи уезжают за границу насовсем, бросая тень на оставшихся и усложняя их и без того непростую жизнь. Те, кто уезжают – люди недостойные, фактически предатели. Но, одновременно, заслуживающие уважение за свою смелость.

Впрочем, к последнему классу школы Островский вполне уже разобрался с вопросом. Еврейское происхождение представлялось теперь таким несводимым, хотя и не слишком явным пятном, с которым, в общем-то, можно жить. Фамилия его не была типичной, звучала благородно и не обещала сюрпризов. Вдобавок поговорка, гласящая, что «бьют не по паспорту, а по роже», оказывалась по большей части верна. Будучи высоким сероглазым шатеном с правильными чертами, Макс не попадал под стереотипные представления о евреях. Разве что прячущийся в глубине взгляда отголосок вековой скорби мог намекнуть въедливому физиономусту на его происхождение.

Итак, были люди, которые уезжали. Но на себя Макс такого не примерял, это виделось уделом других, совершенно непохожих на него людей. Те люди представлялись сотворенными из иной плоти и крови, чуть ли не инопланетянами – люди, *принявшие решение*. И вот, произнеся это слово – «уеду», – он разом оказался в категории «инопланетян». Решение было принято и озвучено.

– И кому ты там будешь нужен, – без выражения сказал Леха. Среди его знакомых едва ли были уехавшие, но он откуда-то знал, что подобная реакция общепринята и уместна.

– Люди с образованием там нужны, – с деланной уверенностью произнес Макс. – Там вообще всё иначе.

Впрочем, окажись он даже ненужным – перспектива не пугала. Важным виделось то, что там будет по-другому, появится новое. А вероятная ненужность представлялась даже желанной, овеянной романтикой.

Вот он идет под дождем, в темноте, подняв воротник пальто – никому не нужный. Вообще никому. Он идет и курит, пряча сигарету в кулак. Никто не знает, кто он такой. Никто на свете не знает, где он. Никто его не ждет и не ищет... И это прекрасно – ведь это должно означать, что и ему не нужен никто.

Час 2. У какого берега

Плыву, как умею: не спеша, по-лягушачьи, разводя перед собой воду. Ритмично подскакиваю на невысоких волнах. При каждом движении вокруг рук появляется состоящее из мелких пятен свечение: возбужденный планктон. По мере удаления от берега планктон становится крупнее, пятна – ярче. Волшебная красота.

Такие вот проводы... Интересно, кто же будет встречать?

Берег позади, впереди океан, луна светит в левый глаз – по ней можно ориентироваться. Нужно уплыть подальше от берега... Нет, «нужно» – это в прошлом. Ничего не нужно.

Отдыхаю, становясь в воде вертикально и медленно шевеля ногами и руками.

Снова плыву.

Вновь останавливаюсь и отдыхаю.

В спине появляются признаки усталости. Становится прохладно.

Еще рано.

За несколько дней до нового, 1990-го года к Максy зашел Саня. В его левом ухе болтался металлический крест.

По жизни у Сани вообще был порядок. После школы он поступил в институт железнодорожного транспорта («конкурс» – менее одного человека на место). Через неделю после начала учебы, здраво рассудив, что ж/д транспорт без него только выиграет, Саня покинул стены института.

Правдами и неправдами получив диагноз «шизофрения», он обрел иммунитет от армейской службы и принялся осваивать взрослую жизнь. Попьянствовав с месяц, Саня устроился в ДК Невский подсобным рабочим и уже более года там не без успеха бездельничал. Песня Виктора Цоя «Бездельник У» по-прежнему была его гимном и путеводной звездой.

– Зацени! Круто? – Саня пальцем качнул в ухе крест. – Сам сделал. Бабам нравится! Идем завтра на «Мастера и Маргариту»? К нам театр из Таллина приезжает, на халяву проникнем.

– Театр? Да мне заниматься надо – сессия...

– А забей, – предложил Саня. – Там, говорят, Маргарита голая на свинье летает.

– Если на свинье, то не Маргарита, а Наташа, – сказал Макс, недавно читавший книгу. – И правда, что ли, забить?

Голая женщина по-прежнему была ребятам в диковинку. Саня, правда, рассказывал друзьям байки с активным участием «дворовых блядей», но доверия эти истории не заслуживали (к Саниным рассказам относились как к литературе – весьма, впрочем, захватывающей и складной).

Макс же так и не сблизился до сих пор ни с одной девушкой. Хуже того: он в принципе не видел такой возможности. Было, например, совершенно неясно, о чём с ней говорить (уже само то, что с девушкой *нужно* говорить, вгоняло в ступор).

Тут и там он наблюдал парочки, samozабвенно о чём-то воркующие. Однажды он даже нарочно встал в автобусе позади такой пары, чтобы подслушать, о чём те говорят, но из обрывков беседы ничего не понял. Понял только, что сам так едва ли сможет.

Вдобавок Максy казалось, что ему совершенно нечем девушку заинтересовать. Не было ничего, принципиально отличающего его от других. Подобно большинству сверстников он окончил школу и продолжает учиться, теперь уже в институте. Он ходит в качалку при местном

ДК и обладает в меру развитой мускулатурой (у того же Сани мышцы куда мощнее). Слушает музыку: Гребенщиков, Цой и «Битлы» (все слушают). Играет на гитаре (многие играют). Живет с родителями. У него две руки и две ноги... Разумеется, он обладает уникальным внутренним миром, у него рождаются гениальные мысли. Он тонко чувствует и глубоко понимает... Вот только как это выразить? И кому это нафиг интересно?

По условному стуку служебный вход отперли изнутри, и друзья спустились в подвал, откуда, пройдя бетонным коридором, поднялись к зрительному залу. Чтобы ничего не упустить, они заняли лучшие места впереди.

Спектакль не произвел впечатления: одетая лишь в короткую плиссированную юбку и зажав между ног объемистый тряпичный предмет, «Наташа» пронеслась по сцене, потрясая грудями. В остальном спектакль слишком явно уступал книге. (Роман «Мастер и Маргарита» вышел наконец из подполья, и о нём везде говорили. Спектакль был данью моде – наскоро сляпанная китчевая продукция.)

После спектакля друзья задержались в полуподвальной каптерке, где гостеприимно хозяйничал Санин вечерний сменщик Славик. Он сразу поставил на плитку помятый алюминиевый чайник.

– Чо, интересно было? – Ненамного старше ребят, Славик вел себя авторитетно. – А меня хоть жопой в театр гони – голых баб я не видел?

Почти все пространство каптерки было завалено хламом. В углу находился крашенный облупленный стол, над которым висел другой образец перестроечного китча: оформленный под плакат календарь уходящего 1989-го года. Тычущий пальцем красноармеец на фоне дымящих заводских труб крупными буквами восклицал: «Береги Родину, мать твою!»

– С работой повезло. – В лице Макса Славик нашел благодарного слушателя. – Вон шкаф, видал?

– Видал. Да и шкаф уже виды видал, – в меру способностей балагурия, поддерживал беседу Макс (покосившийся платяной шкаф у стены не выглядел атрибутом везения).

– Разберу и через окно по частям вытащу.

– Зачем?

– «Зачем»? Ну даешь! Продам!

Макс кинул взгляд на Саню. Тот едва заметно мигнул.

– А вот смотри – кросы. Во дворе нашел. – Славик вытянул из-под стола ветхую обувь. – «Адидас», фирма! Только подошва убитая. Протекторы от шин наварю – будут новые. Сотню – как с куста!

Саня опять подмигнул.

Славик открыл ребятам служебный вход, и они двинулись по заснеженной улице к остановке трамвая.

– Прикольный чувак, – сказал Макс. – Что это он гнал про шкаф да кроссовки? Разве такое купят?

Саня хихикнул:

– Это что! Он тут швабру скоммуниздить пытался, так уборщица его застукала, в зад эту швабру грозилась вставить. Теперь на мебель нацелился – зад бережет. А кроссовки... Может, и купят. Сейчас всё покупают.

Это было правдой. За последнее время страна разбилась на два лагеря: одни считали, что нужно срочно всё скупать и делать запасы, потому что скоро ничего не останется (в первую очередь ожидалась пропажа мыла и спичек; спички уже укладывались в коробки как попало, головками в разные стороны – будто кошка прошлась). Другие говорили, что паникеров сле-

дует ставить к стенке, поскольку скоро ничего не останется именно из-за них. И те, и другие лихорадочно скупали последнее, что еще можно было достать.

Макс принципиально относил себя к третьему лагерю. Вернее, к пятой колонне. «Американская мечта», раз возникнув, уже не покидала его – она была фоном или, скорее, основанием его жизни. Но сама жизнь состояла пока из другого: он по-прежнему считал, что должен сперва выучиться и явиться в Новый Свет не с пустыми руками.

Сколько себя помнил, он не хотел никем становиться. Его окружали дети, непостижимым образом сумевшие выбрать свои «сокровенные» желания из стандартного набора профессий: будущие врачи, милиционеры, космонавты... Но Максим не мог представить себя занимающимся всю жизнь одним и тем же – хотя бы даже летающим в космос. Вдобавок ведь он – это *он*, и никто другой! Как может он быть кем-то еще? Шофером? Продавцом? Начальником?.. И когда взрослые задавали свой дежурный вопрос, он терялся. Иногда отвечал «пиратом», чаще – «ником». Настало время, и эти хамские ответы перестали устраивать – пришлось убедить себя, что он хочет стать... инженером. Ну а кем?

И вот теперь учеба не шла. Макс уже сдал две сессии в Политехе, но чем дальше, тем становилось труднее: последняя сессия далась с боем, в зачетке сплошь тройки. Но он продолжал учиться, уповая, что однажды всё-таки станет дипломированным специалистом, чувствуя вместе с тем, что особого смысла в этом нет: такие инженеры вряд ли кому нужны. Особенно в Америке. Но просто взять и бросить учебу означало тут же загреметь в армию: близился весенний призыв.

Оставалось катиться по инерции.

Выйдя из трамвая, ребята отправились по домам.

Спектакль вкупе с последующей беседой в каптерке вызвал у Макса невнятный дискомфорт: внутри что-то зрело.

Придя домой, он заявился на кухню и огорошил родителей, призвав их к действию:

– Надо уезжать!

Ленинградской интеллигенции традиционно полагалось проводить жизнь на кухне. Но кухня, на которой «несли вахту» родители Макса, не была даже прокуренной. Там пахло бульоном. Отец, читающий за столом прогрессивный журнал «Огонек», отреагировал однозначно:

– Ты слышала? – обратился он к жене. – Наш сын психически ненормален, его надо лечить.

Мать же, занятая готовкой, вовсе не отозвалась.

Островский не отследил, когда именно снизошло озарение. Но это, несомненно, случилось во время кратких каникул после зимней сессии. А значит, не обошлось без алкоголя: после пережитого за семестр и особенно в сессию необходим был курс интенсивного лечения. Пили тогда помногу, каждый раз как последний.

Компания была прежней, присоединилась лишь Янка – Лехина подруга, которую тот *подцепил* в своем институте. Янка была тусовщица, играла на гитаре, носила хайратник и косила под другую, знаменитую Янку, на квартирниках которой ей доводилось бывать. Она была «своим парнем», матюгалась и пила с остальными вровень.

Женя тоже вошел во вкус питья, рассудив, что негоже студенту-филологу – взрослому уже человеку – идти на поводу у родителей. Выпив, он обсуждал с Янкой японских поэтов. Леха же, заслышав слово «танка», затягивал песню про веселых танкистов. Он требовал, чтобы Женя и Янка «слезали с умняка». «Хайку – хуяйку!» – возглашал Леха и наливал. «За культуру, блять!» – опрокидывал он стакан. «Басё – колбасё!» Женя злословил за Лехиной спиной, недоумевая, что Янка в нём нашла.

Решение тогда пришло внезапно. Настал день, и Макс осознал свою свободу.

Возле американского консульства улицу загромодила толпа, оказавшаяся очередью за бланками каких-то анкет. Основную массу составляли немолодые люди еврейского облика, и Макс чувствовал, что к нему относятся настороженно: высокий рост и арийская внешность наводили и без того напуганных людей на мысль о провокаторе. Это позабавило: всё лучше, чем быть частью толпы!

Потершись в очереди, удалось выяснить, что те, кому достанутся анкеты, должны их заполнить, отдать в консульство и ожидать. Возможно, несколько лет. Судя по размеру толпы, это могло оказаться правдой.

Ждать несколько лет неизвестно чего Макса не устраивало. В той же очереди он узнал, что существует возможность подать документы на выезд в Израиль: перспективы там более реальны, хотя и менее заманчивы.

Записавшись на всякий случай в какой-то листок (активист со списком окинул «еврея» недоверчивым взглядом), Макс отправился домой. Было над чем поразмыслить.

За недостатком информации приходилось оперировать символами. Америка символизировала «звериный оскал капитализма» и по-прежнему виделась вождельной страной ненужных друг другу людей. Страной, где справедливо царствует невидимая рука свободного рынка, и фактически отсутствует идеология (американская идеология потребления – «джинсы, жвачка и кока-кола» – на фоне подступающего тотального дефицита выглядела невинной и даже желанной; кока-кола и вовсе представлялась божественным напитком, на запредельность коего пепси местного розлива лишь намекала). В Америку очень хотелось.

Про Израиль он знал и того меньше. Подобно Америке, это государство символизировало «запад», «капитализм» и «врага», но, вроде бы, в меньшей степени. Единственно достоверным был ничтожный размер страны, что вызывало ощущение несвободы. Казалось, в подобной тесноте всегда найдется кто-нибудь, чтобы стоять над душой. В Израиль хотелось не так, как в Америку. И всё же отъезд туда стал бы возможностью начать наконец самостоятельную жизнь.

Синица или журавль? Синицу, раз ухватив, трудно отпустить. Это, конечно, был компромисс, но не такой страшный, как продолжение учебы в институте. Учиться Макс вообще больше не собирался. Он предвкушал начало новой, настоящей жизни.

ОВИР, нескончаемый список документов. Среди прочего требуется согласие родителей на его отъезд. Отец, по-прежнему недовольный, намекнул, что согласия может и не дать – из принципа. Макс в ответ тоже намекнул, что если отец пойдет на принцип, то в ОВИРе вместо согласия получат свидетельство о его, отца, смерти. В шутке, несомненно, была огромная доля шутки.

К счастью, отец вскоре свыкся с мыслью, что сын уезжает. Тем более что вокруг теперь многие уезжали, а по мнению отца многие не могли быть совсем уж неправы.

Коммунистическая власть не признавала двурушников: Макса лишили советского гражданства (пришлось написать заявление о добровольном отказе и заплатить изрядную сумму). Но жалеть не стоило: скоро у него будет новое гражданство, получше прежнего.

Помимо родителей в «Пулково» провожали друзья. Все понимали: в этой жизни они уже вряд ли встретятся. Разве что при каких-то небывалых, фантастических обстоятельствах.

Саня пришел «на рогах» и ломился через барьер проводить друга до самолета. Он готов был лететь с ним хоть в Израиль, хоть к чёрту в пекло. Таможенники смотрели строго. Родители Саню удерживали, опасаясь скандала. В последний момент Янка сунула Максиму фотографию, которую тот пихнул в карман брюк.

Пройдя за турникет, он остался один. Было страшно. Голову разрывали крики, сквозь них проступало слово «навсегда».

До рейса оставалось два часа. Макс побродил по залам, поглазел на магазины и бары... На стене – телефон-автомат в овальной капсуле. В кармане обнаружилась мелочь. Родители уже, наверное, дома...

Он снял трубку, набрал номер на диске.

– Привет. Да-да, это я. Я! Вот, передумал лететь, сейчас приеду домой.

Возникла пауза.

– Шучу, шучу, – испугался Макс. – Мелочь в кармане нашел, не пропадать же... Всё нормально, я тут гуляю пока... Нет-нет, не пропущу, не волнуйтесь... Конечно-конечно... Ну всё, давайте. Счастливо...

В самолете, наконец, отпустило: как только затылок впечатало ускорением в подголовник, крики в голове унялись.

Потом была пересадка в Братиславе, ожидание самолета на Будапешт.

В Венгерском аэропорту предстояло провести ночь. Пойдя в туалет, Макс испытал потрясение. Прежде ему при одной мысли об общественном туалете хотелось зажать нос. Здесь же пахло... Нет, здесь вообще не пахло! И играла классическая музыка. И никого не было.

Расстегнув брюки, он навис над писсуаром – сияющий фаянс и сверкающий никель. Долгие часы в сидячем положении сказались: что-то внутри не хотело открываться и выпускать жидкость. Он стоял и едва заметно покачивался. Пятка – носок. Носок – пятка. Пятка – носок... Левая рука безвольно свисала, но ей хотелось иного – упокоиться, спрятаться, согреться. Тогда, из последних сил, она проникла в карман брюк.

Мятая картонка.

Вытащил, поднес к глазам. Взгляд едва фокусировался. Черно-белый снимок: Янка в хайратнике и с гитарой. На обороте, с трудом удерживая фокус, прочел:

Желтый лист плывет.

У какого берега, цикада,

Вдруг проснешься ты?

Час 3. Улицы ждут

Берег превратился в узкую полосу огней, видимую лишь с гребня волны. На таком расстоянии от берега уже ходят все эти морские гиганты – лайнеры, сухогрузы, танкеры... Справа и слева видны их движущиеся огни.

Воображение рисует жуткие сцены: гигантская, расходящаяся от судна волна накрывает, перехлестывает и закручивает в удушающем водовороте. Корабельный винт рубит тело в куски, акулы яростно кидаются пировать...

Привычные страхи – глупы, но простительны.

Плыву.

Вряд ли меня подберет корабль: в темноте среди волн голову никак не заметишь, тем более с высоты палубы. Чудес, впрочем, никто не отменял...

Но если и подберут, то пускай не сейчас, а позже – когда буду плыть достаточно долго. Когда забуду, откуда плыву. Забуду, кто я, откуда родом, имя, возраст, семью, язык... Забуду, что делал. А главное, что мог сделать. Забуду всё, что только можно забыть. Забуду самого себя...

Вот тогда – пускай вытаскивают и везут, куда угодно. А я буду лишь смотреть в изумлении, как новорожденный.

На небе россыпь. Одна из звезд становится ярче, стремительно приближается. Несется прямо сюда!

Ура! Меня встречают пришельцы – пришли за мной! С пришельцами я готов – прямо сейчас – хоть куда, на любой край Вселенной. Всё, что я пока еще помню, в их мире не будет иметь значения.

«Э-э-й, я здесь! Давайте сюда! Сюда!!!»

Позади ослепительного луча появляется красный огонек, и крестообразная махина, снижаясь, с ревом проносится надо мной: самолет идет на посадку в единственный на острове аэропорт.

«Уважаемые репатрианты! Наш самолет приземлился в аэропорту имени Бен-Гуриона. Местное время 23 часа 17 минут, 16 июля. Температура за бортом 32 градуса по Цельсию. Добро пожаловать на историческую родину».

С толпой новоиспеченных израильтян Макс вышел на площадку трапа. Обдало паром, и всё – одежда, волосы, кожа – моментально покрылось влагой. Темнота, туман, характерный свистящий гул аэродрома и, наконец, усталость – всё это сложилось в единое ощущение: словно он герой шпионского романа, прибыл в страну с миссией – опасной и важной. Его ждут приключения, а в конце – награда. И всё теперь зависит лишь от него.

Ощущение быстро развеялось: сзади напирали, спереди перетапывались затылки и спины. Но вскоре и вправду начались шпионские страсти: его направили в кабинет без номера.

Человек в штатском говорил по-русски правильно, но с акцентом. Задавал вопросы, глядя в глаза. Его интересовали неожиданные вещи:

– Вы говорите, что ваш отец проходил армейскую службу в музыкальном взводе. На каком инструменте он играет?

– Ни на каком. Он писал сценарии для армейской самодеятельности... Насколько я знаю.

– То есть он – писатель?

– Он инженер.

– Хорошо, пусть так.

И вдруг – как удар в лоб:

– Вы знаете, где находится здание КГБ в Ленинграде?

Макс оторопел:

– П... приблизительно.

– Перед отъездом вас куда-нибудь вызывали, о чем-то просили? – Пристальный взгляд. – Не торопитесь, вспомните. Хорошенько – *хорошенько* – подумайте.

Выдерживать взгляд становилось трудно, глаза слезились. Макс вроде бы точно знал, что сказанное к нему не относится, но поймал себя на том, что и вправду силится что-то вспомнить. *И, кажется, вот-вот вспомнит...*

– Н... нет, – выдавил наконец он и кулаками потер глаза. – Точно – нет. Да, я уверен. Нет.

Преодолев круги бюрократического чистилища, с новыми документами, небольшой суммой шекелей и направлением в кибуц Макс сел в оплаченное государством такси.

Дальнейшая жизнь виделась смутно. Хотелось просто жить. И хотелось жить просто. Кое-какие планы, впрочем, уже обозначились. Для начала нужно выспаться. Затем – выучить местный язык (пока он знал лишь, что на иврите пишут справа налево, и рассчитывал для начала «выехать» на английском, который столько лет учил через пень-колоду в спецшколе). Овладев ивритом, устроиться работать. Неважно кем: здесь – на западе – любая работа достойно оплачивается. Не то, что в «совке». Дальше будет видно.

Многие кибуцы – своего рода еврейские колхозы – помимо сельскохозяйственной деятельности зарабатывали тем, что размещали у себя вновь прибывших и обучали ивриту.

Кибуц Сдот-Ям (Морские Поля), куда прибыл Макс, был райским уголком на берегу Средиземного моря. На беду, учить ивриту его здесь не собирались – из-за бардака в иммиграционной службе новоприбывшего направили не в тот кибуц. Выяснилось это, однако, не сразу. А пока его приписали к волонтерам, приехавшим из всевозможных стран, чтобы бесплатно повкалывать и обогатиться впечатлениями.

Соседом по комнате оказался парень из Южно-Африканской Республики. Шон был белым человеком, его отец торговал в Кейптауне мотоциклами. Вместо того чтобы сидеть дома и помогать отцу вести бизнес, Шон уже несколько лет перемещался по миру, периодически зависая в интересных, на его вкус, местах. Так он оказался в кибуце.

Забавы капиталистов оказались Максу в диковинку. Одно то, что вполне обеспеченные люди едут в такую даль, чтобы забесплатно мыть туалеты или работать на кухне, мягко говоря, удивляло.

– Я мог бы всю жизнь просидеть на одном месте, зарабатывая деньги. Состариться и умереть, – объяснял Шон. – Вместо этого я *живу*. И мытье туалетов – тоже часть жизни.

Макс искренне пытался понять.

Для начала ему досталась «блатная» работа. В кибуце имелась женщина-скульптор, и по территории были раскиданы многотонные мраморные глыбы, долженствующие отображать ее виденье мира. Вручив Максу тряпку и жестянку с пахучей мазью, скульпторша отрядила его полировать свои произведения под палящее солнце.

Иудаизм не поощряет изображения лиц и фигур, усматривая в этом посягательство на прерогативы Всевышнего и опасность, что богоизбранный народ в очередной раз сотворит кумира. Поэтому глыбы были обтесаны так, что в них лишь угадывался замысел автора: обнаженная женщина, буйвол, исполинское человеческое ухо...

Макс быстро усвоил, что начинать полировку следует сверху – иначе сам окажешься перемазанным не хуже статуи. К полудню очередь дошла до мраморной бабы. В два человеческих

роста, черная и пышущая солнечным жаром – к ней было страшно приблизиться. Обжигаясь, с риском для жизни Макс закарабкался на статую и угнезвился на высокой груди, обхватив ногами то, что символизировало голову. Жар от пылающих грудей прожигал брюки. Держа банку с мазью в одной руке, он полировал мраморную спину, пытаясь дотянуться до ягодич.

– Камасутра? – весело крикнул Шон, идущий с ведром и шваброй по своим туалетным делам.

Приблизившись, он шлепнул бабу по раскаленному заду:

– Попробуй достать с земли. Или так эротичнее?

– Хочешь натереть ей задницу? – в тон ему отозвался Макс. – Или вообще меняемся: я мою сортиры, а ты тут развлекаешься.

– Нет уж, спасибо, – открестился африканец Шон. – Горячая черная женщина – этого и дома хватало!

Работа со скульптурами оказалась разовой, и Макса определили на кухню. Здесь поражал неподдельный энтузиазм волонтеров: американка, француз, англичанин – все работали как заведенные, да еще улыбались без видимых причин. С жиру бесятся, не иначе!

Ивриту здесь не учили, денег не платили. Пора было что-то предпринимать. Макс попросил выходной и поехал в ближайший город – Хайфу – провести рекогносцировку.

Он открыл банковский счет, купил джинсы «Levi's» и выпил баночку кока-колы: ничего запредельного – фактически та же пепси. Ну а сама-то пепси здесь есть? Что-то не видать... В одной из лавок хозяин объяснил, что пепси нет и не бывает: торгуя с Израилем, компания «PepsiCo» лишится рынка в арабском мире. Эмбарго. Человек выразил надежду, что положение вскоре изменится. Он в этом лично заинтересован!

Макс шел без цели. Миновал центр, промзону и спальные районы. Петлял, шагая мимо контор, магазинов и мастерских. Сворачивал и шел дальше. Никто вокруг не знал, кто он такой. Никому до него не было дела. Он не был никому нужен.

Присев в тени здания на выступ фундамента, он закурил. Раскаленный воздух колыхался. Мысль плавилась и текла.

Раздался хлопок! – на асфальт шлепнулся целлофановый пакет и с головы до ног окатил водой. Сигарета погасла. Внимательно ее осмотрев, Макс поднялся, подошел к урне и опустил туда размокший окурок. Затем отступил несколько шагов от здания, задрал голову и стал произносить укоризненную речь.

Матерная брань – квинтэссенция родного языка, целительный экстракт, животворящая его сила. Посему владение живым словом еще во времена учения в гуманитарной спецшколе почиталось в их компании наиважнейшим.

Макс входил в раж, наращивая обороты и подбавляя громкость. Причин стесняться не было: никто вокруг не знал русского языка. Речь звучала как песня, неся лишь чистый, лишенный скабрёзного содержания эмоциональный заряд.

На балконы высыпали люди. Затем попрятались. Лишь на третьем этаже, замороженные, остались двое парней.

Макс выдал завершающий аккорд и перевел дух. Ребята на балконе смотрели на него. Тот смотрел на них.

– Что случилось-то? – на чистом русском спросил один.

– Пакет с водой, – ответил Макс, указывая на мокрые футболку и брюки. – Ваши кидаются?

– Может, и наши. Дураков хватает.

– А кто здесь живет?

– Это университетская общага.

– Да?.. Мне бы обсушиться.

– Ну... поднимайся.

Ребята оказались соседями по комнате. Два года назад они совершили репатриацию – Леша приехал из Киева, Саша – из Москвы. В Хайфском университете они учили математику. Макс обрисовал свою ситуацию.

– Иди учиться, – сказал Леша. – Государство оплатит.

– Да я, вроде, работать собирался...

– Это правильно, – одобрили Саша с Лешей. – Но с высшим образованием и зарплаты другие.

Мысль была хотя и резонной, но неожиданной: Макс привык, что в мире «инженеров на сотню рублей» всё с точностью до наоборот.

– Но я не знаю иврита.

– Мы тоже не знали. Год на подготовительном отделении – и можно поступать. Тем временем определишься со специальностью и поступишь, куда захочешь. Вернее, куда сможешь. Зависит от результата единого экзамена. А универов в стране несколько, сможешь выбрать по вкусу.

– И где самый крутой?

– Самый престижный? Считается, что в Иерусалиме. Там, кстати, и подготовительное отделение есть – на нём друзья наши учатся. Еще успеешь: сейчас август, а занятия только после Нового года начнутся, в октябре.

– После Нового года? В октябре???

– Ну да. Саш, когда в этом году Новый год?

– Эээ... В том году где-то в середине сентября был, значит, в этом – ближе к концу, наверное...

Ошибкой было бы полагать, что, покинув привычные берега, Макс в корне изменит ход своей жизни. Скрытые силы, формирующие мир и кующие кадры для его непомерного механизма, работали не переставая. Чтобы избежать уготовленной роли, необходимо было прилагать постоянные и неослабевающие, *сознательные* усилия. Но метафизическая подоплека событий была Максиму пока невдомек.

Как пошла бы его жизнь, не затуши сигарету тот внезапный поток, нам не узнать. Скорее всего, произошедшее было неизбежно. Программа, должная сотворить из сырого человеческого материала кадра с биркой «интеллигент» на пальце ноги, продолжала действовать. Макс являлся результатом этой программы, ее носителем и ее же генератором. Он был обречен.

Переночевав у ребят, он отправился в студенческое управление. Ему было всё равно, где учиться, поэтому он нацелился на самый престижный из ВУЗов. Двигало им и вот что: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город»... Иерусалим притягивал и манил.

Запись в университет начиналась лишь через пару недель, но Макс решил не откладывая покинуть кибуц и отправиться в «город трех религий»: такого мощного культурного слоя нет, наверное, больше нигде, и он планировал устроиться на раскопки. А по дороге в Иерусалим будет как раз удобно навестить родственников.

Сёма – старший брат бабушки – еще в лохматом 1926-ом году юношей приехал в Палестину. В записной книжке Макса бабушкиной рукой был начертан телефонный номер и название города латиницей: «*Givataim*».

Макс позвонил и договорился, что подъедет завтра в течение дня (Сёма так основательно забыл русский язык, что пришлось звать к телефону жену Ривку, которая владела русским чуть лучше). Макс записал адрес и узнал, что город Гиватаим – фактически один из районов Большого Тель-Авива, всего в десятке минут езды от его центра на городском автобусе.

Наутро он снимался с места, да и Шон через неделю намеревался двинуться дальше, автостопом через всю Африку: Египет, Судан, Уганда и далее – в сторону дома. Прежде чем уснуть, они долго беседовали в темноте.

– Можно мыть туалет или лежать на этой вот койке, и в то же время путешествовать, – вполголоса говорил Шон. – А можно двигаться, преодолевать расстояния, перелетать с континента на континент, подвергаться опасностям – и жизнь всё равно останется постылой рутинной. Путешествие – особое состояние души, но как его достигнуть – великая тайна. Если когда-нибудь тебе удастся ее раскрыть, дай знать. Или напиши книгу.

Макс подумал, что и в его случае переезд в другую страну, овладение новым языком и даже обретение работы также могут стать, а могут и не стать путешествием.

Он взял лишь рюкзачок с некоторой одеждой, а оба свои чемодана оставил в кибуце, чтобы забрать как-нибудь потом.

Пример Шона вдохновил попытать автостоп. Дойдя до оживленной трассы, Макс встал на обочине, засунул одну руку в карман и вытянул другую, оттопырив большой палец.

Представить себя на месте водителя в голову ему не пришло. Он не подумал, что голосующего необходимо вовремя заметить, машине нужно место для остановки, а рука в кармане – жест неучтивости и даже угрозы. Он игнорировал массу мелких и не таких уж мелких деталей, которые стоило бы принять во внимание.

Прошло несколько часов под палящим солнцем, прежде чем рядом притормозил «Фольксваген-жук». Человек в машине владел английским, был дружелюбен и направлялся в Тель-Авив – около часа езды.

– Куда именно тебе нужно? – спросил по дороге водитель.

– Гиватайм, – ответил Макс, ставя ударение на последний слог.

– О таком не слышал. Как ты сказал?

– Гиватайм.

– Может, Гиват Хайм?

– Да, наверное. Гиватхайм. Спасибо, буду знать. Гиватхайм, Гиватхайм, – несколько раз повторил Макс, стараясь запомнить правильное произношение и радуясь, что незнакомый доселе мир посвящает его в свои тайны.

– Довежу до Тель-Авивского автовокзала. В справочной узнаешь, какой автобус тебе нужен.

Вскоре, миновав повороты на Нетанию, Раанану и Герцлию, они въехали в Тель-Авив.

Автовокзал бурлил. До этих пор Макс представлял себе главный город Израиля цивилизованным западным мегаполисом. Но то, что он увидел, больше походило на восточный базар. Под огромный навес непрерывной чередой въезжали автобусы. Кругом вершилось столпотворение: десятки окрестных улочек представляли собой гигантский рынок. Здесь было всё, что душе угодно и неуютно, съедобное и несъедобное, крупное и мелкое, но главное – яркое и разноцветное. Смуглые продавцы надрывались, селясь друг друга переорать. Всё тонуло в раскаленном чаду.

Рынок затягивал, и следующую пару часов Макс провел, бродя по базарным улицам, глядя на лотки с товарами и представляя, каких накупит вещиц, когда обретет под ногами почву. Уже в сумерках он добрался до справочного окошка, произнес название города и выяснил, что нужный автобус отправляется через час.

Автобус тронулся затемно. Попетляв с полчаса по городу, выехал на трассу. Макс занервничал: «десять минут» еще могли оказаться фигурой речи, но почему они выехали за город? Шофер, похоже, не понимал английского, но, услышав название пункта назначения, дал знать, что всё в порядке – нужно лишь запастись терпением.

Навстречу автобусу из темноты возникали написанные на двух языках указатели. Вот указатель на Герцлию. Макс не знал, что и думать. «Раанана». Его прошиб пот. «Нетания». Он решил, что сходит с ума.

Наконец шофер, остановившись посреди пустоты, выкрикнул заветное слово: «Гиватхайм!».

Вместе с Максом в крошечную тьму сошел расхристанный человек средних лет в военной форме и с автоматом.

– Простите, где здесь улица Вайцман? – Более уместного вопроса Макс не придумал.

– Улица? – удивился резервист. – Дружок, здесь нет никаких улиц. Оглядишься-ка!

– Но ведь это Гиватхайм?

– Ну да, неподалеку.

– Тогда должна быть улица Вайцман, – упорствовал Макс, доставая листок с адресом.

Солдат взял листок и, подсвечивая фонариком, принялся его изучать.

– Тут написано «Гиватхайм», – наконец сказал он, делая ударение на *пред*последний слог. – А здесь у нас – через поле, по этой вот дорожке – Гиват Хайм, кибуц. Я там живу. А тебе нужно вернуться в Тель-Авив, и оттуда уже ехать до Гиватхайма. Вон, через дорогу, остановка – скоро пройдет последний автобус на Тель-Авив.

Сёма с Ривкой успели переполошиться, ожидая родственника засветло, и когда тот поведал им свою одиссею, полушутя предположили, что некие таинственные силы пытались вернуть его обратно в кибуц, и им это чуть было не удалось: кибуцы Сдот-Ям и Гиват Хайм находятся по соседству.

На следующий день один из сыновей Сёмы и Ривки повез Макса знакомиться с родственниками: выяснилось, что их в Израиле целый «клан» (помимо Сёмы еще двое некогда вошедших в Землю обетованную бабушкиных братьев к этому времени размножились и расплодились).

Одна из семей владела трехэтажной виллой в пригороде Тель-Авива – у них и собрались остальные. Израильтяне во втором и третьем поколении – русского языка никто не знал. Хозяин дома Шимон взялся показывать виллу.

– Здесь у нас гостиная, там веранда, а ниже, в цоколе – телевизионно-игровая комната. На втором этаже – спальни, детские и гостевые комнаты. Сколько всего ванных комнат? Точно не скажу, надо посчитать... На третьем этаже живет Дэнис, ты его видел: наш черный... слуга. Я привез его из Нигерии, когда закончил там с делами...

– А что у вас за дела?

– Ну... у меня был бизнес. Не имеет значения. Помимо слуги я нанимал там еще двух шоферов с машинами. С одним шофером в Лагосе никак: гигантский город, страшные пробки. Так что машинам с четными номерами разрешено ездить по четным дням, остальным – по нечетным. Самому водить тоже нельзя: увидев белого за рулем, местные специально устраивают аварию, чтобы «подойти»... А здесь у нас бар. Что будешь пить?

Максу был знаком лишь советский ассортимент напитков: в основном водка, пиво да «бормотуха». Западные же напитки он видел только в кино, а пробовал лишь в мечтах. Заглянув в бар, Макс испытал культурный шок: там было всё, и всё хотелось попробовать. Пришлось пить последовательно и понемногу: виски, джин, ром, текилу, бренди... Мечты оказались куда вкуснее.

В конце вечера Шимон предложил новоявленному родственнику до начала учебы пожить у них (положение, по-видимому, обязывало: будучи самым из всех богатым, он испытывал давление со стороны «клана»). Слегка для приличия поломавшись, Макс согласился.

Ему выделили комнату на втором этаже, а через пару дней устроили на работу в израильский сетевой фастфуд «Бургер Ранч». Управляющий знал английский, так что для работы на кухне Макс годился.

Опять кухня! Но теперь – другое дело: пять шекелей в час в переводе на рубли – это... страшно даже подумать. Представлялось, что за эти деньги потогонная буржуйская система выжмет из него последние соки. Но оказалось иначе: небольшой аврал возникал лишь в обеденные часы (гамбургеры, картофель фри, кола, снова гамбургеры...). В остальное время никто не перетруждался.

Возвращаясь домой, Макс, как правило, заставлял хозяина с бутылкой пива перед телевизором. Иногда тот вел загадочные телефонные переговоры на английском (речь шла о купле-продаже некоего товара, звучали суммы, но предмет разговора не назывался). Жена Шимона листала глянец журналы. Дочка – ровесница Макса – служила в армии и редко бывала дома. Сын бил баклуши в преддверии последнего, 12-го класса школы.

Макс подружился с Дэнисом: «представитель угнетенного класса» и «бедный родственник» легко нашли общий язык. Тем более что оба не знали иврит. Макс пробовал выяснить, чем же все-таки занимается Шимон (ему тоже хотелось виллу с негром), но слуга надежно хранил хозяйские тайны.

Негр был себе на уме:

– Я не дурак совсем, – делился Дэнис. – Через три года буду домой. Деньги класть в банк, за пять лет – много процент! Магазин потом открою. Жена довольная будет. Детям образование давать. Макс тут тоже хорошо жить будет: тоже *маста* станет. Я буду скучать по другу.

«Маста» – так Дэнис, по воле самого хозяина дома, называл Шимона, как в кино. У них была мизансцена, которая разыгрывалась при каждом случае:

– Маста идет завтра в синагогу? – серьезно-почтительно обращался Дэнис в третьем лице.

– Разумеется! В синагогу – обязательно! – чуть-чуть переигрывал Шимон. – Разбуди меня в 4:30 утра. Не забудь – ровно в 4:30!

При этих словах Дэнис закатывал глаза и, схватившись за живот, принимался дико хохотать: мол, где маста Шимон и где – синагога!

Макс взял пару выходных, чтобы съездить в Иерусалим и сдать экзамены по английскому и математике на подготовительное отделение. Еще в Хайфе ребята дали ему координаты друзей в иерусалимском общежитии – к ним Макс и направился после первого экзамена.

Здесьнее общежитие сильно отличалось от хайфского: кампус располагался террасами на склоне горы и состоял из двух десятков зданий, облицованных желтоватым «иерусалимским» камнем. («Золотому Небесному Иерусалиму» необходим земной прототип, поэтому строительство или, по крайней мере, облицовка городских зданий производится из особого камня, добываемого в иерусалимских окрестностях.)

Среди жилых корпусов таились пара кафешек, супермаркет, спортивная площадка и даже небольшой кинотеатр. Доносились обрывки разговоров на всевозможных языках: иврит, английский, французский, испанский, русский... Плутая по этому «Вавилону», Макс представлял, как будет здесь жить.

Найдя нужный корпус, он поднялся по ступенькам и, постучав, открыл дверь. В комнате находилось несколько расслабленного вида ребят.

– Привет. Мне Саша с Лешей из Хайфы ваш адрес дали. Насчет переночевать.

– А, живы еще, математики... – сказал голый по пояс парень, возлежащий на койке слева. – Ну, до ночи далеко, ближе к делу придумаем. Да ты проходи пока.

Неловко потоптавшись в дверях, Макс сделал несколько шагов вглубь комнаты, зацепил стоящую на полу пепельницу и... оплавленные сигаретные фильтры веером разлетелись по комнате.

– Сейчас уберу, – засуетился Макс. – Где швабра?

– Брось, – сказал голый. – Всё равно планировалось.

– Планировалось... что?

– Ну, не то, что ты пепельницу опрокинешь, конечно. Уборка. Собирался тут пошуршать. Мусора и вправду не сильно прибавилось – уборка, по-видимому, планировалась уже давно.

Сидящий на стуле парень наигрывал на гитаре что-то из Розенбаума. Еще двое полулежали на койке справа, привалившись к стене. Макс пристроился возле них.

– Сыграешь что-нибудь? – «Розенбаум» протянул Максу гитару.

– Сто лет в руках не держал...

– Не выпендривайся – играй.

Макс взял гитару. Железные струны с отвычки резали пальцы:

Теплое место, но улицы ждут отпечатков наших ног.

Звездная пыль – на сапогах.

Мягкое кресло, клетчатый плед. Не нажатый вовремя курок.

Солнечный день – в ослепительных снах.

Группа крови – на рукаве...

– Ты, кстати, в курсе? – вклинился любитель Розенбаума. – Цой погиб.

Макс резко прижал струны ладонью.

– Да ладно, – не поверил он.

– По радио говорили: разбился в аварии.

Макс огляделся – никто и не думал это опровергать.

Как же так?.. Стоило уехать – всего лишь какой-то месяц – и всё рушится... Последние герои гибнут, уходят не прощаясь... Обратного хода нет... Что было важно и дорого – закончилось...

– Ты еще поплачь, – насмешливо прищурился «Розенбаум», увидев, как гость изменился в лице.

Час 4. Странный стук

Плыть становится тяжело, отдыхать – холодно.

Пора прощаться.

Что остается сделать?..

Да в общем-то... всё уже сделано.

«Прощай...»

Нет, громче:

«Прощай, Мир!»

Да. Еще:

«Здравствуй, Новый Мир!»

Всё. Теперь, вроде бы, всё.

Берег сзади, луна впереди, наверху звезды.

Страшно. Но как любопытно!

Пора.

Одновременный толчок ногами и руками. Выскакиваю по грудь из воды, проваливаюсь обратно и погружаюсь с головой.

Теперь вдох носом. Носом!

Не получается, что-то мешает – нос словно заткнут!

Тогда – ртом. Не глотать! Вдыхать! Вдыхать, а не пить!!!

Вода выталкивает! Двигаться, удерживаться под водой!

Движения рук и ног хаотичны...

Иерусалимская зима убивала. Будь кругом снег, организм бы понял: «зима». Перестроился бы, адаптировался, включил предусмотренные природой защитные механизмы. Но по совокупности признаков (долгий световой день, трава зеленеет, на деревьях листья) – северное лето в своем разгаре. Такое вот хреновое лето.

Батарея включается только вечером, на пару часов. Стены бетонные, пол каменный, стекла одинарные. Есть солнце – можно хотя бы погреться на улице, а нет его – выходишь из промозглого помещения, а снаружи тот же холод да еще ветер и дождь.

Нос вечно течет, горло воспалено... Единственная отрада – душ (в конце коридора, горячая вода по расписанию). Побаловав себя обжигающей струей, какое-то время наблюдаешь восходящий от тела пар...

Тлетворный климат – полбеда. Максимум казалось, что он угодил в страну лжецов. Люди обманывали в большом и малом, часто без видимой для себя пользы. Прохожий, у которого спрашивали дорогу, не признавался в неведении, но обязательно давал директивы. Не представляя местонахождения искомого, он либо тыкал в произвольном направлении, либо так подробно объяснял, как найти, но совершенно другие, вовсе не имеющие отношения к искомому, зато хорошо знакомые лично ему места.

Разумеется, Макс и прежде встречался с подобными проявлениями, но здесь это было, скорее, не исключением, а нормой. Истина и ложь в сознании людей являлись равноценными, а руководила ими сиюминутная потребность не ударить лицом в грязь.

Потребность эта принимала и вовсе анекдотические формы. Гигантские, состоящие из десятков разнокалиберных ключей связки, свисающие у мужчин с поясов, были призваны придавать значимость в глазах окружающих: сколько ключей, столько, стало быть, у их обладателя

и дверей – машин, квартир, домов... И пускай он насобирает эти ключи где попало – глядишь, кого-нибудь да впечатлит!

Но истинный гротеск – игрушечные телефоны. Мобильная связь была доступна пока лишь избранным, и в магазинах появились игрушки: отнюдь не дешевые имитации настоящих аппаратов, с батареей и звонком. Можно было увидеть, как, завидев девушку, мужчина приосанивается, незаметно прикасается к висящему на поясе аппарату, раздается пиликанье, мужчина подносит телефон к уху и, постреливая глазами, принимается громогласно вещать...

Макс мог бы упростить себе жизнь: игнорировать уродливое, сосредоточиться на приятном. Один его приятель любил Израиль за дешевые помидоры. Другой переименовался из Миши в Моше и носил кипу́. Но Макса подобная мимикрия пугала: утратить чувство истины, сотворить из помидоров кумира, меряться ключами, разговаривать с игрушечным телефоном и превратиться наконец в Моше...

Соседом по комнате оказался коренной израильтянин Ифтах, отслуживший в армии и учившийся теперь на юриста. Тут бы и погрузиться в языковую среду! Но сосед тоже знает английский – с чего бы говорить между собой на иврите? У кого хватит терпения по сто раз повторять, а главное, выслушивать, как человек бекает и мекает, мучительно подбирая слова? Пускай к зиме Макс и выучил немало ивритских слов, но связать их во что-либо осмысленное пока не получалось.

У Ифтаха имелся радиоприемник, и в отсутствие соседа можно было послушать передачи на русском языке. Страна готовилась к войне: 15-го января истек срок американского ультиматума Ираку с требованием прекратить оккупацию Кувейта. Саддам Хусейн грозился, что если американцы посмеют атаковать Ирак, в ответ он обстреляет Израиль. Логика в этом, казалось, не было. Во всяком случае, СМИ старались, и не без успеха, преподнести это как совершеннейший абсурд, присущий арабской ментальности в целом.

За неимением иной информации, Макс верил тому, что говорилось. Впрочем, не поленись он задуматься, логика происходящего тотчас стала бы очевидна: Израиль оказался в заложниках. Ирак не мог дотянуться через океан до Америки, зато ненавистный сосед – стратегический союзник и лучший друг США – был под боком.

За полгода в Израиле Макс достаточно промыли мозги: арабов он не любил. Их полагалось не любить: начиная с тех, кто, будучи гражданами Израиля, жили в комнате за стеной (университет изобиловал местными арабами: им полагались льготы при поступлении), и заканчивая каждым из нескольких сотен миллионов жителей враждебных Израилю арабских стран. И уж, конечно, полагалось ненавидеть непосредственно Саддама Хусейна – виновника всех зол.

Америка же, наоборот, виделась воплощенной добродетелью – защитницей непреходящих ценностей, и, в частности, маленького, но гордого Израиля от его соседа-маньяка. Об американских нефтяных интересах и о том, что те сами заварили всю кашу, не говорилось ни слова.

В русскоязычной газете Макс прочел присланное маленькой девочкой стихотворение:

Саддаму Хусейну – кумкум бэ рош.

И плачут дети.

Пускай не любит его Дед Мороз

И все на свете.

Стихотворение трогало. «Кумкум бэ рош» означало «чайником по голове» – девочка, по-видимому, давно жила в Израиле (возможно, здесь родилась), неосознанно мешала русский с ивритом и хорошо уже знала, кого положено ненавидеть.

Газеты публиковали перечень продуктов, которыми следовало запастись на случай перебоев снабжения, и призывали граждан ввиду опасности химической атаки ипритом («горчич-

ным газом») получить противогазы и загерметизировать скотчем одну из комнат в квартире. В качестве альтернативы предлагалось, заслышав сирену, спускаться в подземные убежища.

Между тем, в реальность войны не верилось: окружающий мир выглядел привычным и безмятежным. Это, впрочем, не помешало Максусходить на пункт выдачи противогазов и набить шкаф консервами. До кучи он запасся водкой и пивом.

На вопрос, станут ли они герметизировать комнату, Ифтах ответил, что ему это не нужно: в случае реальной угрозы его немедленно призовут. Макс же волен поступать, как хочет, но лично он – Ифтах – ничего бы делать не стал. Он проиллюстрировал свою позицию:

– В Ливане мы ожидали ракетного обстрела. Все укрылись в бетонный блиндаж, лишь мой напарник и я остались снаружи для наблюдения. Ракета попала точно в укрытие – не уцелел никто. С тех пор я уверен, что там, – Ифтах ткнул пальцем в направлении потолка, – есть парень, который давно уже всё и за всех решил. Так что особого смысла рыпаться нет.

Такая философия заражала, и Макс решил и вправду не рыпаться. Тем более что возня со скотчем совершенно ему не улыбалась.

***

Марина с мамой долго откладывали, но 15-го января ближе к вечеру – пока гром не грянул! – удосужились, и теперь совместными усилиями заклеивали скотчем окно, герметизируя одну из комнат квартиры.

В углу лежали три коробки с противогазами, стояли три упаковки по шесть банок пива «Маккаби», и валялось несколько пачек крекеров и орешков (женщины не продумали, как станут пить и закусывать в противогазах, но одно было ясно: стресс придется снимать). Валялась тряпка, которой предполагалось (если, не приведи Бог, понадобится) заткнуть щель под дверью.

Маринин отец стоял в дверях и нудил под руку:

– Какие же вы курицы. Я повыкину все противогазы. И не пущу вас в эту комнату. Всё равно ничего не будет. А если будет – тогда уже ничего не поможет. Подумайте лучше о главном. Вас отвлекают от главного, а вам хоть бы что. Да делайте что хотите! – осерчал наконец он и, пнув тряпку, вышел из комнаты.

Отец Марины был известный ленинградский писатель-диссидент. В разгар застоя, когда дочке было семь лет, его арестовали и осудили по статье «антисоветская агитация и пропаганда». Все до единого обвинения были смехотворны, что не помешало засадить писателя на четыре года, и еще два года продержат на поселении в Казахстане.

За политику в те времена сажали редко, больше выдворяли на запад. Чтобы всё-таки сесть, требовалась исключительная бескомпромиссность. На зоне таких уважали. Блатной авторитет Чеба даже предложил «политическому» занять персонального пидора. Писатель скромно отказался, и Чеба вручил ему банку сгущенки, чтобы тот в случае крайней нужды оплатил услуги рабочего петуха Тани. Но оставаясь в любой ситуации диссидентом, Маринин папа употребил драгоценную сгущенку своеобразно: съел ее с хлебом.

Столь тертому калачу было бы неприлично бояться каких-то там иракских ракет.

Мама Марины тоже была не из робких. Однажды, спустя несколько месяцев после ареста мужа, она гуляла во дворе с дочкой. К ним подошел молодой человек и, наклонившись к копающейся в снегу девочке, протянул конфету.

– Ничего не бери, – быстро произнесла женщина.

– Какая у тебя строгая мама, – сказал молодой человек, разгибаясь. – А я очень люблю детей. Ваша дочка – красавица. И вы тоже.

Мужчина был хорош: высокий, широкоплечий, в длинном пальто и шапке из дорогого меха. Усталая женщина под сорок, с маленькой дочкой – с чего бы она приглянулась такому ферту?

– Знаете, что? – сказала мама, разглядывая мужчину в упор. – Я думаю, вы из КГБ.

– Ну что вы! – неестественно хохотнул тот. – Будь я *оттуда*, вы бы ни за что не догадались.

Затем он поспешно свернул разговор и удалился.

Мама любила вспоминать эту историю, насмехаясь над несурзным ответом мужчины: если он обычный человек, то почему ему знать, как работают профессионалы. А если он всё же из КГБ (что вероятнее всего), то она ж таки его раскусила!

В общем, Маринина мама тоже знавала вещи пострашнее ракет. Но не идти же теперь у мужа на поводу!

Зазвонил телефон. Марина взяла трубку и некоторое время разговаривала на иврите – ее лицо отражало целую гамму чувств и сомнений. Окончив разговор, она обратилась к маме:

– Я, пожалуй, съезжу в общежитие к Сарит. У нее соседка уехала, одной страшно. Может, заночую. Там есть убежище, так что, если что...

– Ну и правильно. Я, может, тоже найду, куда пойти. – И, повысив голос, мама оборотилась в сторону двери: – Мы тебе комнату приготовили! Герметичную! Будешь один тут сидеть, о главном думать!

Отрубив на зоне и в ссылке, отец Марины эмигрировал с женой и дочкой в Израиль. Вот уже более десяти лет они жили в Иерусалиме.

После школы Марину, как и положено, забрали служить: на два года, в авиационные части (существует миф, согласно которому в авиацию отбирают самых красивых девушек). Просидев год в штабе при аэродроме, она вышла за одного из летчиков. Для этого ей, будучи по матери русской, пришлось пройти непростой обряд обращения в иудаизм – *гиор*. Но это было оправдано: замужних женщин освобождают от армии.

На гражданке Марина сняла квартиру и поступила на экономику. А летчик продолжал служить, изредка навещаясь к жене и проводя остальное время в воздухе или на базе, где оставалось еще немало красивых девушек. Но беда заключалась в другом: муж-абориген совершенно не понимал томящейся русской души. Здоровая страсть жены к питию алкоголя была ему чужда.

В этом смысле Марина не являлась и типично русской женщиной. В России барышня, которая столько пьет, была бы, скорее всего, бомжихой или, по меньшей мере, опустившейся алкоголичкой. Марина же из-за уникальной генетики, а возможно, благодаря особой израильской атмосфере, могла за вечер «приговорить» бутылку водки (лишь немного растеряв ориентиры в пространстве), а на следующее утро, как ни в чём не бывало, отправиться в университет на занятия. Перед экзаменом, чтобы не сильно волноваться, она выпивала грамм сто прямо с утра, и это, как правило, помогало: получив степень бакалавра, Марина училась теперь в магистратуре.

К двадцати четырем годам, отчаявшись за пять лет найти взаимопонимание с мужем, она развелась и вновь переехала жить к родителям. И ей по-прежнему не хватало достойной компании.

Итак, планы на сегодняшний вечер определились. Кинув в сумку зубную щетку, подхватив противогаз и «шестерку» пива, Марина вышла из дома и направилась к остановке.

Ифтаху пришла повестка, и он отбыл на базу – а это что-нибудь да значило.

Макс готовился к экзаменам, хотя смысла в этом не видел: во-первых, сроки экзаменов подвесили вплоть до прояснения ситуации. А во-вторых...

Затаив дыхание, страна замерла. Наступило 15-е января, полночь. Вот сейчас... или, может, сейчас... или вот прямо сейчас – взвоят сирена!!!

Но пока было тихо.

Макс не ложился спать: не хотелось, чтобы его внезапно и грубо разбудили. Одетый, валялся с книжкой на застеленной койке. Потом слушал радио. Потом снова читал. Погасил лампу и опять слушал.

Когда забрезжил рассвет, он выключил радио, и со стороны арабской деревни донеслось заунывное пение муэдзина. При свете занимающейся зари Макс записал на внутренней стороне тетрадной обложки:

Когда на стрелках фосфор блёкнет

И муэдзин зовет к Аллаху,

Когда покоя мне от блох нет,

Залезших с вечера в рубаху...

Дальше не складывалось, да и сил уже не было. Тогда он быстро разделся (холодрыга!) и нырнул под одеяло.

Весь вечер и ночь Марина и Сарит пили пиво (Марина выпила пять банок, Сарит – одну, наполовину) и слушали передачи «Коль Израэль». Ближе к утру, когда пиво уже закончилось, а война так и не началась, девушки легли спать.

Днем Марина зашла в университет, убедилась, что об экзаменах ничего не известно, и поехала домой. Пообедав, она взяла очередную «шестерку» пива и снова отправилась в общежитие. Вечер и ночь, в общих чертах, повторили предыдущие.

На следующий день Марина опять заехала домой и забрала оставшееся пиво. Она решила, что сегодня будет последняя ночевка у Сарит – хорошего понемногу.

К вечеру 17-го января Макс вовсе пал духом: война не начиналась, друзья разъехались по родителям во всякие там хайфы и тель-авивы, пить в одиночку не хотелось. Хотя к этому шло.

Для начала он решил приготовить закуску, а там будет видно. Выйдя на кухню, поставил на плиту сковородку и достал из холодильника упаковку «американских шницелей» – этикие желтоватые котлетки, плоско слеplенные в форме куриных ножек. Наименование «американский» в представлении Макса всё еще сулило какие-то блага. Хотя бы какой-то вкус. На деле же эти так называемые «шницели» более всего напоминали булку. Но они были дешевы, и Макс умел их грамотно приготовить: налить в сковородку побольше масла (не фритюр, конечно, на него не напасешься, но – не жалеть!), хорошенько раскалить и бросить туда шницели, чтобы забулькало. Своевременно перевернуть. Получается аппетитная хрустящая корочка. Для закуски сойдет.

Вернувшись с готовыми шницелями в комнату, Макс обнаружил Израилевича.

Это был знаменитый в масштабах кампуса хронофаг – пожиратель чужого времени, заторможенный и нудный. Гонимый жаждой общения, Израилевич заваливался ко всем без разбора. Бич русскоязычных студентов – его прихода боялись и старались поскорее изгнать. Поэтому он редко у кого подолгу задерживался и мог за вечер облагодетельствовать многих.

Каким чудом его вместе с остальными не унесло в эти дни из общежития – было загадкой. Возможно, причиной стало то, что семейство Израилевичей обитало на крайнем севере страны, в городке Кирьят-Шмона. (В СССР они тоже жили в каком-то Бобруйске.)

Мало кому удалось бы припомнить имя Израилевича: человеку с такой фамилией имени обычно не требуется. Но Макс учился с ним в одной группе и случайно помнил: Израилевича звали Борей. Сейчас он сидел на стуле, выложив на стол бумажник и записную книжку с адресами потенциальных жертв.

Гость имел примечательную внешность: при небольшом росте и коренастом сложении, в теле его имелась неуловимая диспропорция – слишком ли короткие ноги, а может, чересчур длинные руки – не разберешь. Картину довершали большая с залысинами голова, толстые губы и очки с мощными линзами. Говорил он в нос, речь его – замедленная и монотонная – походила на речь терминатора.

Да, Израилевич обладал солидным набором достоинств, но сегодня Макс был рад и такому обществу.

– Боря! – с порога возликовал он. – Ты очень кстати! Пьянствовать будем?

– Ну, не знаю... – прогундосил Израилевич своим знаменитым насморчным голосом. – Здравствуй, Максим.

– Привет. Так я не понял, ты пить будешь?

– Сначала надо посмотреть... Я потом решу.

Макс поставил тарелку со шницелями на стол и достал из шкафа бутылку водки.

– Водка? – разочаровано протянул Израилевич. – А я думал, что-то другое.

– Какое еще тебе другое? – Макс начинал злиться. – Ну, если хочешь – специально для таких как ты, – есть пиво.

– Покажи пиво, – продолжал гнуть свое Израилевич. – «Маккаби»? Местное... А иностранного у тебя нет?

– Иностранного – нет! – отрезал Макс. – Всё! Я начинаю, а ты – как хочешь.

Макс откупорил водку и налил стакан на треть. (Израилевич всё вертел банку пива, не решаясь открыть.) Смысла медлить не было, и Макс решительно влил в себя содержимое стакана. Грохнув о стол, он всадил в шницель вилку, откусил добрую половину и, тараща глаза, принялся интенсивно жевать.

Израилевич в священном ужасе наблюдал за приятелем. Затем он перевел взгляд на пиво в своей руке и, наконец решившись, потянул за кольцо. Раздался сухой щелчок – кольцо оторвалось, оставив банку закупоренной.

– Кажется, я порезался... – прогнусавил Израилевич, со всех сторон разглядывая палец с надетым кольцом. – Или не порезался?..

Ругнувшись, Макс забрал у Израилевича банку, поставил в эмалированную миску, приладил сверху нож и ударил ребром кулака – зашипев, пиво потекло через край.

– Можешь налить сюда. – Он придвинул Израилевичу стакан.

Израилевич налил на треть и, понюхав, неуверенно пригубил. Пошлепав губами, он сделал еще глоток и о чём-то задумался. Макс тем временем доел шницель и налил себе еще.

– Кажется, я уже пьяный, – сказал Израилевич и потер лоб. – Мысли путаются.

– Закуси. – Макс положил возле него вилку.

– Я больше яйца люблю. – Израилевич наколол шницель и с подозрением понюхал. – Но я их обычно в гостях ем. А до своих яиц руки не доходят...

Возникший на мгновение образ Израилевича, тянущегося к своим яйцам непропорционально длинными руками, побудил Макса незамедлительно влить в себя порцию.

Он включил радио: говорили о развертывании военной операции «Буря в пустыне».

– Боря в пустыне! – скаламбурил Макс, пытаясь взбодрить почти уже задремавшего Израилевича. – Про тебя, что ли?

– Не про меня, – отозвался Израилевич. – Я не в пустыне.

– Это – как посмотреть. Иудейская-то пустыня – вот она, вокруг нас.

Радио снова и вновь напоминало о правилах поведения при воздушной тревоге, о противогасах, герметичных комнатах и бомбоубежищах. Но после многократного повторения это уже не воспринималось.

Израилевич переместился на койку Ифтахы и, привалившись к стенке, всё-таки задремал. Макс налил себе очередную порцию и, держа в руке стакан, пытался определиться: пора? Или еще нет?

Внезапно радио смолкло, и на фоне эфирного треска отчетливо прозвучали два слова: *нахйи цефа*. В то же мгновение за окном оглушительно взвыла сирена.

Оба подскочили. Израилевич, ничего спросонья не понимая, таращился на Макса, глядя как тот, машинальным движением опрокинув в себя стакан, наколол шницель и оттяпал зубами половину. Израилевич тоже схватил одной рукой стакан с недопитым пивом, другой – вилку и воткнул ее в шницель.

Сирена не умолкала, тошнотворный вой выворачивал внутренности.

– Ракета летит четыре минуты, – сказал Макс. – Полминуты прошло.

Израилевич не знал, за что хвататься. Шаря по столу, он рассовывал по карманам вещи: бумажник, записная книжка... что там еще?!

Макс тем временем влез в ботинки и надел куртку:

– Готов? Идем.

В коридоре хлопали двери и слышался топот, перекрываемый адским воем сирены. Покинув здание, ребята пересекли двор, заскочили в соседний корпус и спустились на три пролета.

– *Ялла, ялла!* Давайте! Скорее! – поторапливал входящих человек, дежурящий возле толстой железной двери.

Убежище представляло собой бетонный ящик, вдоль стен располагались скамьи. Половину мест уже заняли, народ прибывал. Макс сел на свободную скамью, Израилевич плюхнулся рядом. С другой стороны от Макса сели две перепуганные растрепанные израильтянки и тут же принялись о чём-то возбужденно трещать.

Дверь закрыли и плотно притянули к проему с помощью двух огромных поворачивающихся ручек. Сирену стало не слышно, а может, она наконец умолкла. Студенты тоже притихли, испугавшись собственных голосов.

Постепенно все снова загомонили. Привыкая к ситуации, начали обживаться: кто-то встал и принялся шагать из угла в угол, кто-то, подстелив плед, улегся на пол.

У дальней стены рыдала и причитала американка: что-то о маме, о родной Калифорнии... Ее успокаивали.

Некоторые, надев наушники, что-то слушали.

– Надо было радио взять, – прогнусавил окончательно проснувшийся Израилевич.

– Тут, скорее всего, не ловит, – предположил Макс. – Мы под землей, кругом бетон.

Израилевич потер лоб.

– А как мы узнаем, что можно выходить?

Это был интересный вопрос. Вообще, интересных вопросов было много. Воображение рисовало лежащий над головами студенческий городок в руинах, среди которых стелется ядовито-желтое облако горчичного газа... Газ рано или поздно развеется. Но рано – или поздно?

Истерикующая американка теперь сидела, закрыв ладонями лицо, и раскачивалась взад и вперед. Две соседние с Максом девушки вполголоса переговаривались на иврите – Макс вылавливал лишь некоторые слова.

Израилевич заерзал и принялся рыться в карманах:

– Хочу проверить, всё ли у тебя забрал...

Выложив на колени бумажник и записную книжку, Израилевич извлек из внутреннего кармана вилку.

– Вилка, – сказал он, удивленно ее разглядывая. – Это, наверное, твоего Ифтахы вилка.

– Дай сюда, – сказал Макс, забирая вилку. Мельком взглянув, он сунул ее в карман. – Это *моя* вилка. Она не может быть Ифтах уже потому, что Ифтах – израильтянин, а на вилке написано «нерж».

– Нерж? – посопев, произнес Израилевич. – А что значит «нерж»?

– «Нерж» означает, – терпеливо объяснил Макс, – что вилка сделана из нержавеющей стали.

Израилевич потер лоб. Затем поскреб затылок. Издал неопределенный звук.

– Всё-таки я не понял: почему у израильтянина не может быть вилки из нержавеющей стали?

– Ну ты и долбоёб! – не выдержал Макс.

В этот момент сидящая рядом девушка уткнула лицо в ладони, привалилась виском к его плечу и, всхлипывая, затряслась. «Еще одна истеричка», – ужаснулся Макс. Нужно ее как-то успокоить, но как? Иврита он не знает – не по растрепанной же голове ее гладить!

Тут ему показалось, что сквозь всхлипы пробиваются знакомые слова: «нерж», «долбоёб»... Девушка отняла руки от лица – по щекам катились слезы, но она смеялась.

– Это твой друг? – не унималась девушка. – Я тоже... я тоже хочу с ним дружить!

И она, вновь уронив голову Макс на плечо, мелко затряслась.

Вторая девушка недоуменно взирала на подругу. Макс встретился с ней глазами и соорудил гримасу: ума, мол, не приложу, что можно сделать.

Тем временем первая девушка, слегка, вроде, успокоившись, вытерла слезы и обратилась к Макс:

– Как зовут твоего друга?

– Израилевич, – не задумываясь, ответил тот.

Девушка вновь пала ему на плечо.

В полседьмого утра убежище отперли снаружи (в течение ночи отдельные личности порывались сами открыть дверь и сбежать, но их дружно удерживали, взывая к благоразумию). Выяснилось, что отбой воздушной тревоги прозвучал через час после ее начала, несколько выпущенных Ираком ракет «Скад» попало в Тель-Авиве и окрестностях, погибших, вроде бы, нет. Таким образом, студенты, оказавшись заложниками собственного страха, напрасно протомились ночь под землей.

Напрасно ли? Во всяком случае, Марина и Макс, выбравшиеся поутру из глубин подземелья, знали теперь друг о друге всё. Или почти всё. Помимо ленинградского происхождения их единило большее: вселенская тоска и извечный ее спутник – жажда.

Прежде чем направиться к остановке, Марина истребовала у Макса адрес и пообещала завалиться к нему «с бутылкой чего-нибудь». Тот не особенно поверил: одно дело обещать, а другое – по трезвому размышлению завалиться к фактически незнакомому человеку, да еще с бутылкой. В общем, Макс, хотя и был взволнован таким знакомством, не слишком рассчитывал еще когда-нибудь увидеть Марину.

Придя домой, он влез под душ (война войной, а горячая вода по расписанию), и с четверть часа простоял под раскаленной струей. Затем в облаке пара вернулся в комнату, упал на кровать и умер до вечера. А вечером, по своему воскресению, узрел чудо: пред ним явилась Марина – прекрасная фея из сказки, да не просто «с бутылкой чего-нибудь», но и с целым пакетом деликатесной снеди.

Девушку было не узнать: помыв и расчесав каштановые, до плеч, волосы и наведя легкий марафет, она преобразилась – мало что напоминало ту растрепанную, красноглазую и немного безумную узницу подземелья. Марина казалась несколько смущенной, но Макс заверил ее в своей искренней радости и выразил понимание момента.

– Водка, – прочел он на ивритоязычной этикетке. – Ноль семь. Самое то!

Марина принялась выставлять на стол яства. Макс оставалось лишь сидеть на койке и наблюдать за священнодействием.

– Позовем Израилевича? – предложил он.

На столе у Марины что-то звякнуло.

Макс, разумеется, шутил. Но правдивая доля шутки состояла в том, что ему было страшно: он боялся оставаться с девушкой наедине. Не стоило лукавить и притворяться перед собой – он отлично понимал: обстоятельства чреватые для него потерей невинности. Невинность же свою он не ставил и в грош (и отдал бы с приплатой), однако пугала сама ситуация, в которой он рисковал оказаться не на высоте.

Дело осложнялось тем, что нельзя было уразуметь, возможен ли у Марины какой-либо к нему интерес помимо алкогольного времяпровождения. Она успела поведать, в числе прочего, о бывшем своем замужестве, и в представлении Макса была человеком *взрослым*. Выходит, он ей не ровня: моложе лет на пять, живет в общежитии и недавно лишь прибыл из «совка», что в глазах старожилов не могло не делать его человеком второго сорта.

О том, что женщина может банально хотеть секса, он, разумеется, знал. Но знал теоретически. Внутреннее же чувство сообщало ему другое: женщины в корне отличаются от мужчин, они устроены совершенно иначе, и, таким образом, присущие мужчинам животные побуждения им не свойственны. Стремясь погасить диссонанс, психика давно уже выработала защиту: общаясь с противоположным полом, Макс напрочь забывал, что перед ним потенциальный сексуальный объект.

Между тем Марина ему безусловно нравилась. Особенно после того, как он увидел ее истинное, очень даже симпатичное лицо (хотя какое из лиц – «убежищное» или нынешнее – считать истинным?). В общем, Макс пребывал в сомнениях. Но это, по крайней мере, не должно было помешать им с Мариной выпить.

Девушка закончила сервировать, Макс сдвинул стаканы и налил.

– Давненько я в приличной компании не пила, – сказала Марина. – Скажешь тост?

– «Приличная компания» – это, видимо, я? Ладно. Значит – тост. Так. За ху... Нет...

За Хусейна с ними! – не придумав лучшего, Макс перефразировал полюбившийся с юных лет тост.

Чокнулись. Выпили. Взялись за вилки.

– «Нерж», – сказала Марина, – значит «не ржать».

Заржали: смущение еще витало в воздухе.

– Кстати! – Марина извлекла из сумочки книгу. – Почитать тебе принесла.

Макс взял: Венедикт Ерофеев, «Москва – Петушки».

– Вчерашний рассказ о твоих мытарствах между Гиватаимом и Гиват Хаимом эту книгу напомнил. Хотя речь здесь, скорее, о мытарствах души. И заканчивается духовной смертью героя. Я это недавно поняла, когда перечитывала.

Макс полистал. На глаза попались рецепты коктейлей: «Слезка комсомолки», «Поцелуй тети Клавы», «Сучий потрох»...

– Еще «Ханаанский бальзам», – прибавила Марина. – Мы, кстати в самом сердце Ханаана сейчас.

– Думаешь, стоит набодяжить?

– Обойдемся без политуры с денатуратом – не настолько у нас всё плохо. – Марина кивнула на бутылку.

Макс снова разлил в стаканы.

– «И немедленно выпил», – процитировала Марина.

Копченый тунец выгодно отличался от «американских шницелей».

– Духовная смерть – это как? – спросил Макс.

– Самой бы разобраться. Словами тут сложно... В художественной форме – в книге – другое дело. А так...

– Попробуй.

– Ладно. В общем, по моим наблюдениям, годам к 25-ти (ну да, мне недавно как раз и стукнуло), человек начинает, что называется, «осознавать себя». И лишь с этих пор может осознать существование Духа вообще. Это и есть начало процесса духовного умирания. Понимаешь, о чём я?

– Не уверен.

– Это как раз подтверждает мою теорию: возраст играет ключевую роль. Попробуй всё же понять умозрительно: есть нечто – назовем это «Дух» – что одно только и делает человека *человеком*, в истинном смысле слова. К 25-ти годам ты созреваешь, и тебя ставят перед выбором...

– Кто меня ставит перед выбором?

– Можно сказать «Бог», но лучше, не умножая сущности, назовем это так же – «Дух». В то же время это вроде программы – типа как с молочными зубами, которые, скажем, начинают выпадать с пяти лет и полностью заменяются к двенадцати. Только смена зубов заложена био-программой, а здесь своего рода «духо-программа». В соответствии с этой программой к 25-ти годам запускается процесс, и ты становишься перед выбором: либо сознательно решаешь быть *человеком* (что бы это ни значило), либо тебе не хватает осознанности, и ты, таким образом, отвергаешь Дух и остаешься просто животным. Своего рода «верховная проверка» – достоин, а вернее – способен ли ты быть человеком. Если проверку не выдержишь, тебя ждет участь всех животных: деградация и в конечном итоге – смерть. Умирать, понятно, никто не хочет – поэтому сознательно Дух никто не отвергнет. Беда в том, что когда Дух «стучится» к человеку, тот, как правило, безотчетно его игнорирует.

– «Странный стук зовет в дорогу» – типа, так?

– Типа, так. Это откуда?

– Ха! Тут у тебя пробел. Это Цой. Виктор Цой.

– Впервые слышу.

– Может, тогда за Цоя? – налил Макс (в былые питерские времена они регулярно поднимали тосты «за Цоя»). – Я тебе как-нибудь спою.

– За Цоя! – покорно выпила Марина. – Так вот, стук этот действительно зовет в дорогу, но мало кто решается в эту дорогу отправиться. Тем более, что никто понятия не имеет, куда именно отправляться. И вот, с 25-ти до 30-ти лет, приблизительно, внутри идет борьба. Фактически это борьба за выживание. В этот период у каждого происходит так называемый «духовный поиск». Как правило, он не осознан: выражается в метаниях, страданиях, кризисах и прочем. Зачастую – в пьянстве. Некоторые в сектанство или религию ударяются. Редко кто пытается структурировать поиск. Но есть и такие. Моей двоюродной сестре, например, двадцать семь, так она второй год по Индии путешествует: далеко зашла в поисках своего «я».

– А Индия при чём?

– Строго говоря, ни при чём. Но Индия – Мекка для «ищущих», туда-то как раз и принято отправляться, слышав зовущий в дорогу стук. Там «духовные учителя» гнездятся, духовный рост пастве сулят. На мой же взгляд, ростом Духу вряд ли поможешь, это лишь агонию продлевает. Иной подход нужен, радикальный.

– Непонятно всё же: Дух умереть может? Он, что ли, от человека зависит?

– Ну, Дух, конечно, никуда не девается. Его «смерть» – лишь способ об этом говорить. «Духовная смерть», скорее, означает потерю человеком *связи* с Духом. Можно еще сказать, что у человека умирает душа – орган, ответственный за связь с Духом. Самому же Духу вряд ли что угрожает.

– А то я уже испугался. – Макс утер со лба воображаемую испарину. Марина улыбнулась:

– Короче, годам к тридцати человек, как правило, окончательно теряет связь с Духом. То есть наступает его духовная смерть. После этого он уже не живет, а лишь доживает – это и есть «старение». Начинается физический распад, человек медленно, но верно глупеет, под конец впадает в маразм. У тех же, кто по-настоящему боролся за «выживание духа», духовная смерть наступает позднее. Соответственно, и старение начинается позже – такие люди обычно выглядят моложе сверстников, ум у них острее и чище.

– И бывает, что удается «выжить»? Я имею в виду – окончательно?

– Хотелось бы верить. Хотя, может статься, это в принципе невозможно. Оттого, например, что любая *окончателность* по определению несовместима с *вечным* Духом. Духовная жизнь – процесс, требующий неослабевающих усилий: каждое мгновение приходится выбирать Дух, вновь и вновь. И однажды человек устает, усилия ослабевают, и духовная смерть тогда неизбежна. Это страшно, конечно. Хочется что-то предпринять, но что – непонятно. Короче, без пол-литра не разберешься...

– Чуть не забыли, зачем собрались, – спохватился Макс. – Кстати, ты в курсе, что по-английски слова «дух» и «спирит» обозначаются одним словом: «spirit»?

– И правда! То-то последнее время жажда особенно мучит. Связь с Духом, видно, слабеет – подкреплять надо.

– Ну, давай за... – Макс на секунду задумался. – За связь с Духом – чтобы не слабела!

– Прекрасный гост.

Макс зачерпнул питой хумус.

– Ты сама эту телегу про духовную смерть придумала?

– В общем, да. Из наблюдений за собой, за другими, ну и, конечно, за литературными героями – через них отслеживается духовный путь самих авторов. Это мне отец подсказал: писатель вытаскивает на свет метафизическую подоплеку собственной жизни, сам иногда не подозревая.

– А твой отец – какие он книги пишет?

– Да всякое... Недавно, кстати, повесть закончил, хотел назвать «Выстрел из ада». Я ему: папа, вслушайся – из какого еще зада?! Верно, говорит, спасибо, а то я бы и не увидел. Хотя, говорит, такое название – в самый раз: герой – старый пердун, всех занудством достал...

– За литературу! – налил Макс.

– «Трансцендентально!» – выпила Марина. – И за поэзию. Поэты – настоящие, я хочу сказать – они люди спонтанные, интуитивные. Принимать волевые решения – не их сильная сторона. А вот «резать в кровь свои босые души» – сколько угодно. Поэтому духовная смерть постигает их своевременно, а то и раньше, чем остальных. И после духовной смерти они, как правило, сторают быстрее других. Ведь поэты – совесть человек. Как им жить, зная, что они мертвы? Поэтому либо саморазрушению предаются, либо вообще дуэль подгадывают. Тут тоже арифметика: «Задержимся на цифре 37. Коварен Бог – ребром вопрос поставил: или – или». Выходит, для поэта семь лет после духовной смерти – срок критический.

– У нас тут, кстати, типичный пир во время чумы...

– Давай тогда – за войну. Ведь она – не самое страшное...

– Нормальный темп! – Макс бахнул стакан о стол. – Так... Кажется, щас спою.

– Есть гитара?

– Щас принесу и – спою. Сиди – жди.

Макс поднялся, взял курс на коридор, вышел за дверь, зарулил в туалет, а затем постучался в комнату к аргентинцу Хуану: тот не раз выручал гитарой, когда к Максиму приходили певчие друзья. Хуан, по счастью, оказался на месте (не срываться же в Аргентину по случаю войны), и, увидев раскрасневшегося соседа, без вопросов вручил инструмент.

По возвращении обнаружилось, что и Марина времени не теряла: потушила верхний свет, зажгла настольную лампу и сидела теперь на кровати. Держа на отлете вилку с наколотой маслиной, она листала лежащую на коленях книгу.

– Я тебе сцену с иллюминацией подготовила. – Как бы извиняясь, Марина указала на зажженную лампу и на освободившийся стул. – А пока предисловие почитала. – Она кивнула на книгу. – Всё сходится: Ерофеев, когда «Петушки» написал – ему как раз чуть за тридцать было. Так что в книге он, по моему разумению, свою духовную смерть и обрисовал. Вот, в самом конце, прямым текстом: «И с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду». После этого лет двадцать еще прожил – недавно умер.

– Цой тоже недавно умер, ему двадцать восемь было. Видать, почестнее других оказался, радикально подошел. Умер прежде, чем духовная смерть постигла. Подгадал автокатастрофу.

– Ты уже заинтриговал. Что за Цой такой?

– А вот такой! – Макс вдарил по струнам:

*...Но странный стук зовет в дорогу –
Может, сердца, а, может, стук в дверь.
И когда я обернусь на пороге,
Я скажу одно лишь слово: «Верь!»*

Марина сидела, чуть откинувшись и опершись ладонями о кровать, на ее лице читалось нечто сродни восхищению. Но впечатляло ее отнюдь не мастерство исполнения (спасибо, что Макс вообще попадал по струнам), а прущий со «сцены» драйв.

– Давай еще, – попросила она.

– Еще Цоя?..

*Тот, кто в пятнадцать лет убежал из дома,
Вряд ли поймет того, кто учился в спецшколе.
Тот, у кого есть хороший жизненный план,
Вряд ли будет думать о чём-то другом.
М-м-м, бошетунмай...*

Марина скинула туфли и сидела теперь, подобрав ноги.

– Похоже, я совсем отстала от жизни. Что такое «бошетунмай»?

– Бошетунмай?! Так! – Макс схватил бутылку. – Тут у нас последнее, но это только тут! А есть еще «здесь»! – Он широким жестом распахнул дверцу шкафа, демонстрируя батарею спиртного.

– Ого! – одобрила Марина. – К войне подготовился.

– Да я всегда готов!

Раздухарился Макс не на шутку. Он разлил по стаканам остатки принесенной Мариной бутылки, и они выпили.

– Так что же такое «бошетунмай»?

– Ну, это... короче, слово такое... Типа, Цой – он ведь кореец, да? Так вот – это слово такое, корейское, наверно. Откуда мне, вообще, знать – я ведь не кореец! А, вспомнил! Так коноплю, кажется, где-то там у них называют. Ну, типа, травку. Типа, план. Точно: «хороший жизненный план». А еще есть «Алиса»!

– Какая Алиса? – испугалась Марина.

– Ну, Кинчев.

– Алиса Кинчев???

– Ты не путай! – подняв указательный палец, строго произнес Макс. – Шас спую, и поймешь.

*...Быть живым – мое ремесло.
Это дерзость, но это в крови...*

Когда закончил песню (а пел он, целиком отдавшись процессу, закрыв глаза и попадая по струнам через раз), Марина полулежала, подперев голову рукой, и смотрела из-под прикрытых век. По лицу ее блуждала улыбка.

Макс, конечно, не мог не чувствовать призыв. Но одновременно с тем, как это случилось и прежде, он не доверял ощущениям. С другой стороны, он понимал, что пора уже брать быка за рога.

– Нужно еще выпить! – он полез за бутылкой в шкаф.

– Подожди пока...

Он воззрился на Марину. Та едва заметно, одними пальцами похлопала по кровати рядом с собой:

– Не спеши.

Макс присел туда, где похлопала Марина.

Непонятно, что делать!

– Может, тогда пива? – в отчаянной надежде сказал Макс.

– Даже не знаю... – Рука Марины легла ему на колено.

И тормоза наконец сорвало: Макс стремительно наклонился к Марине, в последний момент зажмурился, коснулся ее губ своими, и его утянуло в какой-то водоворот. Всё неистово вращалось, и, чтобы выплыть, нужно было непрерывно двигаться. Он шарил руками – руки шарили по нему. Волосы, плечи, грудь, бедра, грудь, плечи, волосы... Он срывал с нее одежду – одежду срывали с него. Губы словно приклеились к губам, его губы перетекали в ее губы – где чьи? Водоворот затягивал, силы слабли, *тону!*

На мгновение Макс оторвался от ее губ и разомкнул глаза: оба голые, раздеты до нитки! Два тела выются, двое пытаются слиться в одно, стать *одним*. Его тело внутри другого тела! Превратились в одно? Нет, тела мешают, нужно выйти из тел, сблизиться еще – превратиться совсем, совсем в одно! Ближе друг к другу, очень близко, совсем близко, ближе, ближе, ближе!.. Еще ближе! *Одно!!!*

Притиснувшись, они лежали на узкой койке.

– Надеюсь, соседи не поскакали в убежище, приняв твои крики за сирену, – сказал Макс.

– Сирена... налет... ты меня обстрелял... своей ракетой, – засыпая, бормотала Марина.

Макс проснулся первым. Лежа на спине, закинув одну руку под голову, и положив другую девушке на бедро, он подумал, что Марине незачем знать, что она стала его первой женщиной. Самой же ей такое и в голову не придет – похоже, она держит его за бывшего ловеласа.

Вскоре Марина проснулась, и в течение дня их тела не раз еще сливались в одно и вновь распадались надвое. В перерывах они, не вставая с постели, отпаивались пивом, и лишь вечером вышли к телефону-автомату, чтобы Марина позвонила домой, после чего вновь улеглись в постель.

Ночью их разбудила сирена, и они единодушно решили никуда не идти. Макс плотно закрыл окна, кинул под дверь пару предназначенных в стирку футболок и включил радио. Натянув противогазы, они вновь залезли под одеяло. Было забавно стучаться друг о друга, «целуясь» противогазными банками.

Вдруг что-то бабахнуло, очень близко. У Марины за стеклами расширились глаза.

– Американская противоракета «Патриот», – пробубнил Макс навязшее в ушах словосочетание. – Стартовала.

Через час радиовещание внезапно прервалось, и на фоне эфирного треска раздалось слова: *шарав кавэд*. В тот же миг за окном зазвучала сирена: отбой тревоги. Гудя на одной ноте, сирена успокаивала, желала спокойного сна.

Марина и Макс стянули противогазы, явив красные лица.

– Что значит «шарав кавэд»? – спросил Макс.

– «Тяжелый зной». Должно быть, сигнал для отбоя тревоги. У военных свои хохмы.

– А «нахаш цефа»? Позавчера перед началом тревоги сказали.

– «Змея-гадюка».

Утром их разбудил стук в дверь (ключ торчал в замке изнутри). Это мог быть только Ифтах.

– Минутку, пожалуйста! – крикнул Макс.

– Вернусь через пять минут, – ответил из-за двери сосед.

Макс засуетился, одновременно пытаясь одеваться и наводить в комнате порядок.

– У нас времени больше, чем летит ракета из Ирака, – сказала Марина, неспешно застегивая блузку. – Да и сосед – это не смертельно.

– Не смертельно, – согласился Макс, застыв на секунду с мусорным пакетом в руке. – Хотя мы так и не разобрались, что именно чревато духовной смертью.

Час 5. КАРТОННЫЙ ЩИТ

Поверхность! Что за чёрт?!

Отплеваться и отдышаться.

Ожидал подвоха, знал ведь, что тело будет сопротивляться! А ведь люди захлебываются и тонут – сплошь и рядом! Вода попадает в легкие, человек теряет сознание и – на дно. Даже опытные пловцы, среди дня, рядом с берегом: попал в течение – небольшая паника и – готово. Захлебываются и тонут! Чего проще!

Вот именно – паника. Они не хотят идти ко дну, а я – наоборот.

Ладно, теперь делаю иначе: выдыхаю весь воздух и лишь тогда погружаюсь. Телу ничего больше не останется – только вдохнуть воду.

Итак!

Полный выдох. Толчок ногами и погружение.

Вдыхать воду!!!

Нос как пленкой залепило!

Тогда ртом! Не пить!!! Удерживаться под водой!..

Макс лежал на койке и невольно прислушивался, пытаясь отфильтровать привычные шумы общежития и издали уловить приближающийся к его двери решительный и ритмичный перестук каблучков. Сосед отбыл домой, и Макс, закончив нагоняющее сон задание по макроэкономике, завалился на кровать в предвкушении вечера с Мариной и последующих выходных.

Они встречались уже третий год. За это время Макс изменился и мир изменился тоже: распался Советский Союз, Ленинград перекрестился в Санкт-Петербург, а в израильских магазинах стала продаваться пепси-кола – события, с перспективы Макса, равновеликие. А вот события значимые: в комнаты общежития провели телефон, и с некоторых пор кто-то повадился звонить и молчать в трубку.

Не вмешайся однажды в его судьбу Саддам Хусейн и Израилевич с их ржавыми ракетами и нержавеющими вилками, жизнь, наверняка, пошла бы иным курсом. А так...

Вдохновившись примером Марины, Макс поступил на факультет экономики. Выраженных технических или гуманитарных способностей у него так и не обнаружилось, а потому экономика, находящаяся где-то между этими крайностями, представлялась оптимальным выбором. Привлекала также востребованность профессии и потенциально высокая зарплата (Марина со степенью магистра устроилась в один из крупных израильских банков).

Учеба шла с некоторым скрипом, но была надежда, что по мере овладения ивритом учиться станет легче. Порою Макс просто закапывался в учебники и словари, выныривая лишь к выходным. Всё же он выкраивал время и дважды в неделю ходил на бокс – звезд он там с неба не хватал, но удар держал.

Секс как таковой не разочаровал – на этот счет у Макса и прежде не водилось иллюзий: с давних пор он подозревал, что не найдет в сексе новизны. Оказалось сродни еде: утоляешь голод, получая в процессе удовольствие. А кулинарные изыски хороши для гурманов. Макс же гурманом не был – просто обладал здоровым аппетитом.

Но отношения не исчерпывались сексом: невидимая нить соединяла двоих, давала ощущение принадлежности. Макс неизменно чувствовал, что теперь не один, и это было здорово!

Однако кое-что в отношениях с подружкой мешало. Марина переехала в Израиль в том возрасте, когда у нее начал просыпаться интерес к противоположному полу. Резкая смена

северных реалий на южные (правильнее сказать «восточные») наложила курьезный отпечаток на психику: Марина обрела нездоровое (по мнению Макса) пристрастие к мужчинам светлой масти. С ее стороны это было вопросом не расовых, а, скорее, эстетических предпочтений: Марина обожала блондинов. В ее устах слово «блондин» заменяло понятие «красивый», и в эту категорию непостижимым образом попадал и Макс: блондинами являлись все, у кого волосы были светлее типичных для ближнего востока угольно-черных.

– Ты мой блондин, – ворковала Марина в минуты нежности. – Давай заведем ребеночка, маленького – вот такого. – Марина показывала, какого именно, демонстрируя миллиметровый зазор между большим и указательным пальцами. – Беленького, блондинчика – как ты.

Шатен Макс, в противовес Марине с трудом переносивший не только блондинов, но даже и блондинок (блондины казались ему женоподобными, а приверженность мужчин блондинкам виделась вульгарной), внутренне бесился. Вдобавок «удочки» по поводу ребенка, словно бы шутя закидываемые Мариной, тоже нервировали.

Еще она заводила разговоры о совместном съеме квартиры. Макс понимал, что Марине в ее возрасте положено радеть о будущем: такова уж заложенная в женщин программа. Но в свои двадцать два он менее всего собирался обзаводиться семьей и лишать свою молодую жизнь красок. Может быть... когда-нибудь потом...

В коридоре простучали каблучки, дверь распахнулась, и в комнату ворвалась Марина – белая блузка, черная мини-юбка – стремительная и деловая, как всегда.

– Слушай! – Марина присела рядом с Максом на койку. – Случайно увидела объявление: квартира, однокомнатная, недорого. Ближе к университету. Может, посмотрим?

– Посмотрим? – рассеянно повторил Макс, кладя одну руку Марине на грудь, а другой внедряясь под юбку. – Посмотрим, посмотрим...

– Прекрати, я ведь серьезно! – В шутливом негодовании Марина шлепнула его по руке.

Квартира была как квартира, впечатляла лишь большая белая ванна. Всё произошло слишком быстро: Макс не успел толком сообразить, а Марина уже подписала с хозяином договор «по-черному» и выписала чеки.

После общаги это был, несомненно, скачок уровня жизни – некоторые завидовали Максиму черной завистью. Если раньше приходилось считаться с соседом по комнате, подгадывая встречи под его отъезды-приезды, то теперь к их услугам – целая квартира с широченной кроватью и отдельной кухней. Марина хорошо зарабатывала – холодильник всегда ломился.

Когда Макс оканчивал университет, родился первый ребенок – мальчик. По меркам Марины – самый что ни на есть блондин.

Макс устроился работать в Центробанк.

Жена ездила на белом «Форде», Макс на работе тоже выдали «Форд», черный.

Родилась дочка – и вовсе белобрысая, маме на радость.

Приобрели квартиру, расписав на тридцать лет ипотеку.

Жену теперь приходилось «разводить» на секс: то у нее не было времени, то – настроения. Постепенно обоим это надоело, и теперь они спали, раскатившись по противоположным краям непомерной кровати. Максиму такой расклад не нравился, но в его отделе, по счастью, имелись симпатичные сотрудницы без комплексов. Марине же, судя по всему, вполне доставало карьеры и детей.

Работа была неинтересной: сидеть в четырех стенах, пялиться в экран, стучать по клавиатуре. Но уровень жизни необходимо поддерживать, семейный бюджет расписан до шекеля. Еще откладывать на черный день! Ничего, – убеждал он себя, – все так живут, и мы не хуже. Выплатим ипотеку, и начнется белая полоса. А там и пенсия не за горами.

На праздник Пурим Центробанк устраивал корпоративный бал-маскарад. Макс наряжался ангелом: взял у дочки белые кукольные крылышки, прицепил на спину. Пил «Черный русский», быстро опьянел.

В туалет вслед за ним зашел негр в шинели (костюм «белогвардеец»), и, распахнувшись, встал у соседнего писсуара. Макс не помнил, чтобы у них работали негры, и подумал, что, вероятно, «негр» – часть маскарадного костюма. Краем глаза он увидел, что под шинелью у белогвардейца ничего нет – из-под черного живота извергал мощную струю исполинских размеров член. Пенис Макса не шел с этим гигантом ни в какое сравнение. Негр мочился, покачивая своей черной дубинкой, затем посмотрел на Макса и, белозубо осклабившись, потянулся к его члену...

Ощувив жар в паху, Макс кинулся к выходу, но на положенном месте двери не оказалось. Он метался по туалету, задыхаясь, налетая на унитазы и писсуары... *Выход?! Где выход?!!*

– Ты что? – раздался над ухом испуганный голос.

Марина – в красной футболке и синих джинсах – сидела возле Макса на койке, удивленно взирая на него сверху.

– Я зашла – ты спишь. Я тебя разбудить хотела, нежно – вот так... – Марина показала, как она его нежно будила. – А ты – ка-ак дернешься.

– Я сон такой видел... черно-белый, – пробормотал Макс.

Марина кивнула на учебник на столе:

– Макроэкономику делал? На меня она тоже сон нагоняла. Ну что, едем в «Таверну»? Наш Нержик зеленый тебя заждался.

Вскоре после их знакомства Марина обзавелась «Фольксвагеном-жуком» – ровесником Макса, битым, но неубиваемым, ласково именуемым за свою ржавость «Нержик», – и вечерами они любили, погрузившись в машину, совершать набеги на иерусалимские пабы.

Не считаясь с количеством выпитого, Макс садился за руль, а хорошо знакомая с географией заведений Марина была за штурмана. Иногда они прихватывали из общежития парочку друзей, и машинам оставалось лишь шарахаться от выписывающего зигзаги «жука» с помятыми крыльями, из которого несло нестройное, но удалое пение.

Благодаря Марине музыкальный кругозор Макса кардинально расширился. Она таскала из дома кассеты, и если прежде из «западных» он знал лишь «Битлов» («Абба», «Бони М» и итальянцы не в счет), то теперь спектр его приверженностей простирался от «Пинк Флойда» и «Генезиса» до Дона Маклина и Саймона с Гарфункелем, и от Шаде и Таниты Тикарам до израильской рок-группы «Наташины друзья». В долгу Макс не оставался (теперь у него была гитара), и подруга фанатела от русского рока. Когда же ей доводилось услышать какую-либо из песен в оригинале, она неизменно утверждала, что Максово исполнение вне конкуренции.

Также он снимал сливки с библиотеки Маринино отца: классика и авангард мировой литературы вперемешку с детективными и приключенческими романами текли к нему бесконечным потоком. Несомненно, Марина явилась для него мощнейшим источником познания мира.

Для зарабатывания денег предназначались каникулы, субботы и ночи. Макс успел потрудиться в бригаде кровельщиков, на кухне ресторана и на бензоколонке. Теперь он охранял университетский кампус.

В охране работали студенты: с фонарем и рацией парами патрулировали общежитие в вечернюю и ночную смены. Часто удавалось неплохо провести время, заныкавшись в комнате у друзей, или же найти укромный уголок между корпусами, устроиться на травке и даже вполглаза поспать (главное, не терять бдительность и, заслышав по рации позывные патрулирующего на джипе дежурного офицера, быстро и как ни в чём не бывало выйти ему навстречу).

Очень многое зависело от напарника. Штат был большой, попеременно работало несколько десятков человек, ребята и девушки. Пары непосредственно перед сменой форми-

ровал разводящий офицер. Присутствовал элемент неожиданности, своего рода лотерея: повезет с напарником – считай, взял джекпот. Не повезет – беда.

Худшее, что могло произойти – оказаться в паре с «неправильной» девушкой. Когда в напарники доставался «неправильный» парень – слишком ли сознательный и рвущийся соблюсти букву инструкций (ходить до утра по общаге кругами), или же болтун и зануда – это можно было перетерпеть. Но среди напарниц были такие, кого по-настоящему боялись: за шестичасовую смену она могла вымотать душу. Зато подобающая девушка превращала работу в праздник.

В тот вечер Макс патрулировал общежитие с Ципи – они любили работать вместе. Возможно, само имя наложило на внешность девушки отпечаток: «Ципи» – уменьшительное от «Ципора» – значит «птица». Она и вправду напоминала довольно милого цыпленка: полтора метра ростом, круглые очки, волосы в хвостик.

Ближе к ночи по рации сообщили, что некие студентки нашли возле двери «подозрительный предмет». Тот оказался непрозрачным пластиковым мешком ростом почти с Ципи, наполненным чем-то угловатым.

– Это не наше, – встревоженно поведали девушки. – Понятия не имеем, откуда оно взялось.

Макс с сомнением оглядел мешок и рефлекторно пнул.

– Ой! – сказала Ципи.

Макс взвесил мешок в руке.

– Мусор, – безапелляционно заявил он. – Не ваше, значит, соседи подкинули: лень выносить было.

В этом Макс ошибался: мусор подкинули *им самим*. В ближайшем выпуске университетского ежесеместричника «Валаамова ослица» появился фельетон, из которого явствовало, что журналистская попытка проверить эффективность охраны кампуса вскрыла вопиющую некомпетентность и безответственность. В частности, «двое клоунов» вместо того, чтобы вызвать специалистов, принялись пинать «вероятное взрывное устройство» ногами. Имена, к счастью, не назывались, и начальство спустило историю на тормозах: наказать виновных означало бы поднять вокруг инцидента дополнительный шум.

Иврита для общения Макс уже хватало: с Ципи они болтали на любые темы, дурачились, сплетничали, а ближе к утру разговор обычно закручивался вокруг еды – для возвышенных тем сил не оставалось. Расположившись на ступеньках внутри одного из корпусов, они вспоминали различные яства.

Договорились до того, что решили как-нибудь сходить в ресторан. Ципи родилась и выросла в Иерусалиме, так что у нее имелись любимые места. Это превратилось в традицию: время от времени они выбирались поужинать, всякий раз в другой ресторан – итальянский, французский, аргентинский... Отношения их носили сугубо платонический характер.

Еще в патруле работала Карина. Она приехала из Вильнюса и училась на подготовительном отделении. Карина не подвергала сомнению авторитет Макса и без споров следовала за ним, будь то комната друзей или иное подходящее, чтобы скоротать рабочее время, место. Если соседки-израильтянки не было дома, они могли пойти к Карине, и тогда она угощала его каким-нибудь из своих фирменных блюд.

Карина была веселой и в его вкусе: длинные черные волосы, чуть заметная полнота. Одной теплой ночью они лежали на траве, хоронясь от начальства в закутке между корпусами. Светили звезды, и, пресытившись разговорами, Макс с Кариной поддались поэзии момента...
Эх, Вася, Вася!

Впоследствии ни он, ни она больше не делали шагов друг другу навстречу. У Карины (казалось Макс) имелись свои резоны. Для себя же он рассудил, что случайная связь – одно,

а постоянная – много больше, чем одно. (Судьба же как раз вознамерилась убедительно продемонстрировать, что случайностей не бывает, а случайных *связей* – подавно.)

Максу не терпелось поскорее закончить учебу и выплыть на широкие воды жизни, где больше не придется учиться, работать ночами, жить в комнате с соседом, питаться чем попало, испытывать недосып и нехватку денег.

Он сдавал сессии, переходил с курса на курс, продолжал встречаться с Мариной. Но ее время не ждало: уговоры жениться стали перемежаться упреками в том, что она потратила с ним свои лучшие годы...

Среди ровесников Макса имелись женатые. Были и такие, кто *хотел* жениться – не на конкретной женщине, а вообще. Этого Макс не понимал в принципе, подобное желание виделось абсурдным. Умозрительно он допускал ситуацию, когда настолько привыкаешь к человеку, что в жертву привычке отдаешь жизнь. В таких случаях привычку переименовывают для оправдания в «любовь», чтобы через достаточно краткий срок моральной и бытовой взаимобязаловки убедиться, что любовь путать с привычкой не стоило. Что же касается любви как таковой (Макс не отрицал возможность *любви*, что бы это ни значило), женитьба представлялась вернейшим способом заморить ее на корню.

Такой, как есть, Марину он уже не устраивал, ей требовалось «будущее». Но обоюдная привычка пересиливала, и эта связь тянулась, радуя всё меньше. Входя в положение подруги, Макс намекал, что с ее стороны благоразумно будет подыскать иную партию, поскольку перспектив у них нет.

Наконец он окончил учебу, получил степень бакалавра, и его призвали в армию (все эти годы он пользовался отсрочкой для студентов-репатриантов). Мир предоставил двоим естественную возможность завершить отношения.

***

В таком ракурсе – снизу и сбоку – верблюжья колючка уже не выглядит однородным ковром. Скорее, лоскутным одеялом. Оказывается, там, где отдельные группы колючих кустов соединяются в единое покрывало, проходит своего рода извилистый шов – в нём колючка помельче и пореже. Ползти вдоль этого «шва» не так больно, зато путь выходит длиннее.

До конца остается много, метров пятьдесят – до веревки, натянутой меж двух кольш-ков. Но о конце пути думать сейчас не время, конца может и вовсе не быть: командир, сука, непредсказуем. Поэтому правильнее сосредоточиться на текущем моменте.

Каждый метр – да какое там! – каждый сантиметр этого пути тернистого с боем дается. Макс ползет, сжимая в руках автоматическую винтовку М-16, попеременно загребая: справа – прикладом, слева – запястьем с обернутым поверх часов (чтобы не бликовали на солнце) широким брезентовым чехлом. Руки с грехом пополам защищены: приклад и брезент принимают шипы на себя. Туловище тоже прикрыто: разгрузочный жилет не проткнешь. А вот дальше – хуже. Ноги: при малейшем движении в мягкую плоть вгоняются десятки шипов, и столько же из нее выходят. Хуже всего – в паху. Если б только заранее знать, надел бы все свои трусы, одни поверх других – все без остатка! А так – словно ерзающий терновый венчик на гениталиях, не растерзал бы в клочья. Лучше об этом не думать. Лучше – о постороннем.

Вон Йоси – рядом волочится, стенает в голос. Тезка его – ветхозаветный Иосиф – вообще во рву связанный валялся, где-то неподалеку. Тоже стенал, наверное, не прекращая, пока свои же братья его арабам не продали. За двадцать сребреников. Это после подорожало...

Стенать не запрещается, а вот если поднимешь зад хоть немного, командир, сука, сразу примечает, фамилию твою выгаркивает – зад сам опускается, на колючки тебя насаживает. Йоси-то еще хуже, наверное, приходится. Он в неосознанном еще возрасте заключил союз с

Богом – крайней плоти лишился. Сейчас, небось, лишний бы раз подумал, с кем стоит союз заключать, а с кем – не раньше, чем пустыню эту одолеешь в терновом венке на член надетом. Зато, когда доползет, будет хвастать, что верблюжью колючку поимел...

Справа – прикладом, слева – запястьем... Прикладом, запястьем... Ну, хорошо: Йоси, положим, будет чем похвастать, а мне? Пустыню эту я, конечно, ни в жисть не забуду. Это зенит славной моей службы – больше интересного в этой учебке не предвидится. Да, в общем, и не было. Ну, спать не давали. Ну, гоняли строем туда-сюда. Плед складывать научили хитроумно: в шестнадцать слоев (полезнейший навык, ага). Пострелял немного: М-16, «Узи»... *Крав мага* – контактный бой – вообще несерьезно. На сторожевой вышке ночами торчал – базу охранял (а на деле книжку читал, прожектор направив внутрь башни через люк – личное ноу-хау).

Колючки эти – однозначно – кульминация службы, ее (терновый) венец. А дальше? Курс скоро заканчивается. Так если б хоть воевать отправили! Но с дипломом экономиста на войну не отправят. Тем более войны особо и нет. Так: террористы, мелкие конфликты... В бухгалтерию какую-нибудь посадят, буду три года бумаги переключивать. Другое дело – на гражданке...

– Взвод!!! Кто! До веревки! Дополз! Лежать! Не вставать! Ждать остальных!!!

Командир, сука, говорить вообще не умеет, только орет: неважно, в поле или в казарме – лишь бы глотку драть. Видно, что удовольствие получает.

Всё, дополз. Щекой на приклад – буду отдыхать, неподвижно. Йоси вон тоже прикорнул. А другие, кто там еще сзади волочитесь, пусть не торопятся – спешить некуда. Как поднимемся – командир, сука, еще что-нибудь придумает. Хотя, всё лучше, конечно, чем среди терний ползать...

– Разворот! Лежа! Мизрахи!!! – зад опустить!!! Всем! Ползти! Обрати!!!

В душевой Макс стянул брюки и содрогнулся: ниже трусов ноги были ярко-багрового цвета. Нагнулся – краснота распалась на тысячи точек: мелкие – уколы от шипов, и крупные – подсохшие капельки крови там, где шипы входили достаточно глубоко.

Снял трусы и шагнул под душ. Намылился... *Стать бы достаточно скользким...*

Макс сидел на сторожевой вышке в семи метрах над землей, зажав винтовку между коленей, прикладом в пол. В темноте. В одном ботинке. Второй ботинок стоял рядом, из него торчал носок. Нога зябла. Ничего, скоро забегают...

Вообще, способов закосить армию была масса, и самые оригинальные передавались из уст в уста, становясь анекдотами. Имелись и специфически «русские» варианты. Позднее одна из историй обросла совсем уж неправдоподобными деталями и стала похожа на куст развесистой клюквы, но в те времена имела еще пристойный вид: психиатр в военкомате просит что-нибудь нарисовать. Призывник (родом из бывшего СССР) рисует дерево, а рядом нечто косматое, на цепи. Психиатр требует комментариев. Парень на умышленно дурном иврите, старательно рифмуя, объясняет: «Это – кот научный (не «ученый»!). Направо идет – песни поет, налево глядит – рассказы говорит». Согласно изустному приданию, психиатр, сраженный силой классических русских образов, тут же выписывает белый билет, в который раз подтверждая, что Пушкин (даже в чужих палестинах) – наше всё.

Но Макс упустил момент, когда можно было – еще в военкомате – задурить психиатра. Теперь он внутри системы, и чтобы из нее выбраться, необходимо отличиться по-настоящему. Оставалось найти способ, продумать детали и выждать подходящий момент. И уповать.

Момент наступил в ближайший *шаббат*: на всю ночь с пятницы на субботу в казарме оставили гореть свет. Так делали всякий раз: в пятницу, с заходом солнца, полагалось либо гасить свет и не включать до следующего вечера, либо оставить его гореть на всю ночь и весь следующий день – в течение суток прикасаться к выключателю запрещалось. Этот порядок бесил всех и даже, несомненно, самого командира, обязанного уважать религиозные чувства

солдат. А религиозными чувствами во всем взводе обладал лишь Моти – ссутуленный ушлепок в вязаной ермолке – *кине́*. Это его все благодарили за «удовольствие» спать ночью при свете. И ему же Макс лично был благодарен за предоставленную возможность.

Йоси, занимающий соседнюю с Максом койку, так что они пользовались общей тумбочкой, должен был в четыре утра заступить на дежурство (Макс тщательно сверился с графиком на стене). Сам же он в два ночи отправлялся на вышку, где до шести утра должен был обшаривать прожектором подступающую к базе пустыню.

Записку приготовил заранее. Выводя на бумаге ивритские буквы, дергался от отвращения: текст было бы сложно превзойти в пошлости. «*В моей смерти прошу никого не винить*». Всё! Именно так: чем банальнее, тем лучше. Никакой фантазии, только клише – вернее работает.

Сама по себе записка и текст в ней – пошлятина. Но *осознанная* пошлость перерастает в противоположность, становясь актом творчества. (Аналогично, будучи *осознанной*, необходимость обращается в свою противоположность – свободу.) И если уж действительно покидать этот мир, то никаких записок, тихо и незаметно. «Не винить»... Кто здесь может быть виноват? Ведь это между тобой и... Тем Парнем – ваши, можно сказать, интимные с Ним дела.

Из-за казарм вынырнули и начали стремительно приближаться фары армейского джипа «Суфа». Похоже, сработало – как раз четыре утра. Значит, Йоси встал, обнаружил на тумбочке записку (спасибо Моти за иллюминацию) и отнес дежурному офицеру. Дальше – дело техники. Весь замысел, конечно, шит белыми нитками, но должен прокатить. Не оставят же они меня после этого с винтовкой наедине!

Входя в роль, Макс уткнул глаза в пол. Тут до него дошло, что он и рукой вполне смог бы достать курок. Для чего же было, спрашивается, снимать ботинок? Но тем лучше – он же «псих»!

Хлопнули дверцы джипа, по железной лестнице застучали ботинки, и на вышку ворвались командир с мощным армейским фонарем и дежурный офицер с Максовой запиской в руке.

- Почему снял ботинок?! – рявкнул командир, шаря лучом.
- Жарко, – буркнул Макс, не поднимая взгляд.
- Не слышу!
- Жарко! Нога вспотела!
- Дай сюда. – Командир выдернул у Макса винтовку. – Надевай ботинок, едешь с нами.

До восьми утра он просидел в комнате дежурного. Тот дремал за столом, Макс притулился в углу на стуле. В восемь появилось начальство и было введено в курс дела.

– Со студентами вечные проблемы, – только и сказала начальство, вручая бывшему студенту запечатанный конверт.

Макс отправился в иерусалимский военкомат, где его принял армейский психиатр. В конверте оказалась «предсмертная» записка и сопроводительное письмо.

Психиатр с подозрением глянул на Макса. Но после всех волнений и бессонной ночи тот выглядел и вправду безумно.

- Пытался покончить с собой?
- Да.
- Намерен повторить попытку?
- Как только мне отдадут винтовку.

***

Получив «белый билет», Макс забурился на квартиру к друзьям. Эта компания «торчков» (так, сознательно утрируя, называл их Макс) любила курнуть травку, и в этом он был безусловно с ними.

«Торчки» снимали большую квартиру в центре Иерусалима, и там было нескучно. Фактически это был «флэт» – место, где не столько живут, сколько тусуются. Однако те, кто там жил, старались поддерживать необходимый для сносного существования порядок.

В квартире как раз освобождалась комната: выселялся безбашенный отморозок Геха. По определению Андрея – одного из жильцов, – Геха принадлежал к породе людей, которых за жестокость выгоняли из гестапо. Самого Геху пришлось погнать с их, мягко говоря, не самой цивилизной хаты за скотство и беспредел. В коммунальной жизни тот руководствовался добрососедским принципом: «Кому мое говно мешает – тот пусть его и убирает». Он именовал себя «графом де Боширским» и мог, нимало не смущаясь, что соседям с утра на работу, завалиться среди ночи с толпой пьяных в хлам друзей, опустошить общий холодильник и горланить и топотать до утра. В Гехиной комнате имелся балкон, с которого он и его друзья периодически блевали на соседей-израильтян. Те приходили скандалить.

Когда Макс занял Гехину комнату, народ вздохнул с облегчением, ибо новый жилец быстро навел в квартире порядок. За последнее время туда повадились нежелательные личности: употребляющие тяжелые наркотики или попросту слишком шумные (соседи вызывали полицию). Макс быстро просек, кто здесь персоны нон грата, и когда перед дверью обнаруживалась парочка подрагивающих субъектов, нацелившихся проникнуть в квартиру, чтобы там «замутить белого», Макс (смутно представляющий сущность и назначение «белого») безжалостно захлопывал дверь у них перед носом. Чересчур же разошедшихся гостей он железной рукой (а иногда и пинком) выставлял из квартиры, хотя чаще дебоширам хватало одного тяжелого взгляда исподлобья или поднесенного к носу кулака. Всё это не мешало самому Максиму с удовольствием участвовать в здешних попойках и обкурках.

Однажды он по старой памяти заглянул в «Таверну». За столиком сидела Марина с интеллигентного вида израильтянином: очки, карие глаза, редящие черные волосы. Марина махнула Максиму, чтобы тот подсаживался к ним.

У Марины было всё хорошо. Лучше даже, чем у Макса.

Пора было приступать к поиску «настоящей» работы – такой, где он смог бы использовать то, чему с таким трудом научился, и в результате обрел то, о чём так долго мечтал. Очертя голову, Макс кинулся в этот омут: прочесывал объявления, слал резюме, ходил на собеседования...

Через месяц, убедившись, что найти постоянную работу – дело небыстрое, он устроился охранять городское водохранилище. Гигантское бетонное сооружение, обнесенное забором с намотанной поверху колючей проволокой – круглые сутки там бдели два вооруженных пистолетами охранника. (В условиях пустыни и то и дело обостряющейся интифады водохранилище превращается в важнейший стратегический объект.)

Параллельно с работой в охране Макс продолжал ходить на собеседования, ожидал ответа, получал отказы... Через несколько месяцев этих потуг у него начали опускаться руки.

***

По пути с работы Макс завернул на *шук* и купил два килограмма шикарной черешни. В квартире никого не было, и, оставив служебную «Беретту» в комнате в символическом тайнике между стенкой и лежащим на полу матрасом, он прошел на кухню, где первым делом вставил кассету в магнитофон. Заиграл «Пинк Флойд», альбом «Темная сторона Луны».

Помыв черешню, Макс сел за стол и принялся ее методично уничтожать. Неожиданно на кухне материализовался Петя Чел.

Петя был приверженцем команданте Че Гевары (он походил на него и внешне), и сам когда-то придумал называть себя «Че». Со временем прозвище зажило самостоятельно и подросло на одну букву – не в последнюю очередь благодаря Петинной *человечности*. Чел жил тем, что нес людям радость: он знал, где ее достать, брал сразу много и распределял порционно среди друзей и знакомых. За хорошую, качественную радость ему щедро платили искренней благодарностью.

По молодости, еще в России, Петя был серьезным человеком: занимался рэкетом и другим насильственным бизнесом. Но после недолгого периода героиновой зависимости злоба (по его собственным словам) ушла. Радикально изменившись, он отошел от прежних занятий, а напоминанием о былой жизни осталось лишь увлечение боевыми искусствами.

Чел нигде конкретно не жил – на любом из многочисленных иерусалимских флэтов всегда был готов для него и стол, и дом. Большую же часть времени он обитал в Лифте – заброшенной деревне, построенной в незапамятные времена на склонах глубокой долины у въезда в Иерусалим.

Последние законные обитатели Лифты – арабы – вынужденно покинули жилища во время израильской Войны за независимость (известной также в арабском мире как «Катастрофа»). Если бы каменные дома могли гореть, уходящие жители наверняка бы их сожгли. А так, перед уходом они лишь пробрили в каменных крышах и полах своих домов огромные дыры: по одной сквозной дыре в центре каждого помещения.

За прошедшие после ухода хозяев полсотни лет некогда величественные дома с могучими стенами из иерусалимского камня сильно обветшали. Построенные даже не на века – на тысячелетия, – эти дома, покинутые хозяевами, начали быстро, истерически разрушаться. Уход людей, служивших «душой» жилища – своего рода «духовная смерть» дома. После нее – только распад.

Но были те, кто, сами того не ведая, противостояли распаду: населяя более-менее сохранившиеся дома, в Лифте обитала целая колония – несколько десятков человек – из тех, кого не устраивала предписанная обществом жизнь. Лифта превратилась в город-сквот, и власти боролись с «захватчиками», проводили рейды, жгли вещи. Но домов было много – сквоттеры устраивали тайники, прятались, а после ухода полиции возвращались к привычной жизни.

Быт был налажен: зимой грелись, топя камины (в толщах стен сохранились дымоходы) или разводя костры прямо на полу: зияющие оконные и дверные проемы, а также дыры в полах и крышах гарантировали приток воздуха и вытяжку дыма. За пищей поднимались в Иерусалим и добывали ее кто как мог – бывало, и воровством. Прикармливали бродячих собак – животные обитали здесь наравне с людьми.

Имелся родник: вытекающий из пещеры ручей падал в античный, иерусалимского камня бассейн. Там можно было набрать воды и помыться (среди «лифтян» имелся легендарный человек, который мылся лишь, когда, будучи под кайфом, нечаянно падал в бассейн).

К лифтинскому источнику спускались и обыкновенные жители Иерусалима: их притягивала увековечившаяся атмосфера библейских времен. Религиозные евреи совершали ритуальные омовения, молодежь приходила искупаться и пообщаться.

В Лифте неоднократно наблюдались аномальные явления. Место было сродни «зоне» из «Пикника на обочине», и тамошние обитатели чувствовали себя продолжателями дела сталкеров. Однажды Макс лично видел «черный луч», на который указал ему один из лифтян: ночью на фоне темного неба выделялся еще более темный – чернее ночи – луч, выходявший из некой точки на склоне долины и терявшийся в небе. Лифтяне неоднократно видели этот луч, но попытки найти его источник ни к чему не приводили.

И именно в Лифте Макс наблюдал *иерусалимскую тьму*: среди дня с запада пришла гигантская черная туча, и на добрых полчаса воцарилась поистине ночная темень, после рассеявшаяся без следа. «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. ...опустилась с неба бездна... Пропал Ершалаим, великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма...» Вот о чём писал Мастер! Учитывая, что Булгаков не бывал в Иерусалиме, такие подробности могут быть лишь плодом мистического откровения. Макс же еще предстояло побывать и пожить во многих местах Земли, но не доводилось видеть ничего подобного иерусалимской тьме.

Некоторые «колонисты» жили в Лифте постоянно: месяцами и даже годами. Летом численность колонии увеличивалась. На зиму оставались лишь наиболее стойкие. Были и «сочувствующие» – те, кто приходил в Лифту пообщаться с ее обитателями. Макс был одним из таких сочувствующих.

Для Пети же Чела домом являлся весь Иерусалим, а Лифта была, скорее, еще одним, хотя и наиболее любимым, «флэтом».

– Привет. Где все? – Чел присел к столу.

– Свалили куда-то. А ты как вошел? Или я дверь не запер? – Макс пододвинул гостю миску с черешней. – Угощайся.

– Может, запер, а может – и нет... – Чел положил в рот ягоду и, прикрыв глаза, медленно ее раскусил. – Божественно.

– Вкусно, – согласился Макс.

Петя пристально на него посмотрел и извлек из холщевой сумки пакетик травки и упаковку сигаретных бумажек.

– Божественно! – с напором повторил он. – Тебе надо дунуть. И мне не повредит.

Чел сноровисто завернул косяк и протянул Максу:

– Взрывай.

Макс обожал этот момент: привычный мир еще здесь – знакомый и надоевший, но ты уже знаешь, что еще чуть-чуть, считанные минуты – и реальность начнет ускользать, неудержимо меняться, поворачиваясь другой, прежде сокрытой от тебя стороной. И ты волен отказаться, остаться в привычном мире, но сознательно выбираешь путешествие.

Он прикурил от зажигалки, глубоко затянулся, задержал дым в легких и медленно выпустил. Затянулся еще раз и передал косяк Челу.

– Ты из Лифты?

– Угу, – кивнул Чел, выпуская клуб дыма. – Кстати, не забыть: купить на обратном пути корм для собак. Животные – прежде всего. А у тебя что?

– Работу ищу, – обреченно вздохнул Макс, принимая косяк. – Отчаяние уже берет.

– Погоди-ка... – Чел хитро посмотрел на Макса. – То есть, вот ты – учился-учился, столько лет парился, а теперь еще и работать собираешься?

– Ну да, само собой. – Макс вернул Челу «пяточку».

– Ладно: найдешь работу, будешь работать. И что? – Чел прикончил косяк.

– Пошлю всех подальше, – вырвалось у Макса (так что он сам удивился).

– Это правильно, – не стал спорить Чел. – Только при чём тут работа?

В спонтанном ответе Макса не было рации – лишь укоренившаяся иллюзия, что начав зарабатывать и «встав на ноги», он станет свободен. Вдобавок то был отголосок давнишней

мечты: вот он идет под дождем, в темноте, подняв воротник пальто – никому не нужный. Вообще никому. Он идет и курит, пряча сигарету в кулак. Никто не знает, кто он такой. Никто на свете не знает, где он. Никто его не ждет и не ищет. И это прекрасно – ведь и ему не нужен никто...

Как же далеко до воплощения мечты! Он уже стал ненужным для израильской армии... Но это лишь первые шаги. Следующим шагом – парадокс! – должна стать надежная, постоянная работа...

– «При чём здесь работа?» – тупо повторил Макс и потряс головой, разгоняя навязчивые видения. – Что ж – столько лет учебы коту под хвост? Ладно – я! – Макс перешел в наступление. – А ты? Тебе уже под тридцать, и ни кола, ни двора, ни профессии – ничего. Не стремно так жить?

– Да наоборот! – решительно отверг домыслы Чел. – Дом – точно знаю! – мне рано или поздно подарят. А профессия у меня есть, я – поэт. – Петя достал из волшебной сумки книжицу размером с ладонь. – Мои стихи. Вот послушай:

*Кривое счастье, дохлые успехи,
Бумажный меч или картонный щит.
Я защищен: круты мои доспехи.
А стрёмный мир, как прежде, будет бит!*

Чел достал авторучку, надписал титульный лист и вручил книжку Макс.

– «Великому прозаику от великого поэта. П. Чел», – прочел Макс. – Какой я тебе прозаик?

– Прозаик – в полный рост! И проза жизни еще даст о себе знать в проявленном мире материальных иллюзий. Но довольно прозы! – Чел пододвинул миску Макс. – Попробуй-ка черешню *теперь*.

Макс положил ягоду на язык, покатав во рту и, прикрыв глаза, легонько прижал... Кожица натянулась и лопнула: омывая вкусовые сосочки, в рот потек живительный сок. Рецепторы выработали импульс, отправив его странствовать по волокнам блуждающего нерва, где, безудержно разрастаясь и захватывая всё более обширные области, он достиг наконец таламуса и триумфально завершил путь, водопадом обрушившись на опекулярную область коры головного мозга. Искрящиеся брызги обратились туманной взвесью и плавно осели, явив по себе кристальную чистоту...

– Божественно, – произнес Макс, открывая глаза.

– То-то же, – удовлетворенно сказал Чел. – Можно двигать дальше.

Выходя из квартиры, Чел столкнулся с возвратившейся откуда-то Рыбой.

Рыба – крошечного роста хиппушка – была еще одной постоянной обитательницей квартиры. Родившись под знаком Рыб, она ела в основном рыбу, и в лице ее было нечто неувлимо рыбье. Она жила с кошкой по имени Кошка, придерживающейся одной с хозяйкой диеты.

– Петечка! – Рыба повисла у Чела на шее. – Как здорово!

– Привет, слушай, у меня кислота: «Симпсоны». Сегодня в Лифте закидываемся. Есть один для тебя – цена как в прошлый раз. Ты с нами?

– Хочу-хочу-хочу! – Рыба захлопала в ладоши. Но осеклась: – Только... целый – многовато. А то в прошлый раз было как-то... чересчур.

– Ну, распополамь с кем-нибудь – кислота хорошая, вставит нормально.

– С кем бы?... Может, ты найдешь?

– Кто мог, у меня уже взял.

Чел вернулся вместе с Рыбой на кухню.

– Максик, ты дома! – Рыба чмокнула его в щеку (стоя, она была вровень с сидящим на стуле соседом) и за черенок вытянула из миски пару черешен. – М-м-м, ягодки...

– Может, ты хочешь? Половинку? – обратился Чел к Макс. – Ты ведь еще не пробовал? Тогда половинка – в самый раз, больше не надо.

– Больше не надо, – вздохнув, со значением подтвердила Рыба.

Чел достал из сумки крошечный кусочек фольги, развернул и положил на стол. Внутри оказалась еще меньшего размера квадратная картонка – «трип» – с изображением пучеглазого мультипликационного человечка.

За время жизни в квартире Макс неоднократно присутствовал при купле-продаже, а также приемах ЛСД. На принявших «трип», как правило, начинала «давить крыша» и их куда-то уносило, так что Макс не доводилось наблюдать кислоту в действии.

Он знал, что ЛСД не вызывает зависимости, но при неразумном употреблении может «спалить» мозги. Останавливало в основном то, что кислота, номинально попадая в категорию «тяжелых наркотиков», была несовместима с Максowymi представлениями о себе: бакалавр, экономист, одним словом – человек серьезный, здравомыслящий, «нормальный». Он вообще отделял себя от всей этой братии «торчков», проводя незримую черту между «я» и «они». Другие – нормальные, – с которыми он учился и жил в общежитии, были ему ближе, понятнее, и возможно, именно поэтому Макс с ними скучал. Но если они – нормальные, значит Чел и иже с ним – ненормальные, а что же в тех нормального, а в этих такого уж ненормального, когда он...

– Макс, ты завис. – Рыба провела ладонь перед неподвижными зрачками уставившегося на цветную картонку соседа и принялась: – Вы тут пыхали! Без меня?! – Потешно уперев руки в боки, Рыба укоризненно взглянула на Чела.

– Действительно, – произнес Макс, оторвавшись наконец от созерцания картонки, – скрути-ка, Петя, еще косячок. А там посмотрим.

Чел достал из сумки кассету и заменил стоявшую в магнитофоне. Заиграл «Аукцiон», альбом «Птица».

– ...а Лифтер узнал всю пра-авду. Не за что биться, нечем делиться: всё об одно-ом... – подпевал Чел гимну лифтян, скручивая косяк.

Рыба и Макс, наблюдая за священнодействием, поглощали черешню.

Купив по дороге собачий корм, спустились в Лифту.

В одном из домов на полу сидело в кружок несколько человек. Чел вошел и, разорвав принесенный пятикилограммовый пакет, высыпал содержимое в центр круга, прямо на каменный пол. Пакет выкинул в бездонную дыру в середине комнаты.

К коричневым шарикам потянулись руки, и люди с аппетитом захрустели собачьим кормом. Кто-то притаил из угла пластмассовую бутылку с кетчупом и выдавил ее на съедобную пирамиду – руки замелькали с удвоенной быстротой. «Животные – прежде всего», – вспомнил Макс слова Чела. С улицы зашли собаки и присоединились к трапезе.

Сошедшие из Иерусалима посидели со всеми, раскурили косяк. Макс тоже попробовал собачий шарик: съедобно.

– Ну что, – сказал Чел. – К источнику?

Макс, Рыба, Чел и еще двое лифтян (один из них, которого все называли Пеликан, однажды показал Максy черный луч; второго он видел впервые) вышли наружу. Петя достал из сумки миниатюрные ножницы, разрезал «Симпсона» и раздал половинки Максy и Рыбе. У лифтян «трипы» были при себе.

Положив картонку под язык, Макс ощутил горечь – характерный вкус лизергиновой кислоты.

– Минут через двадцать начнет действовать, а через сорок полностью вставит, – сказал Чел, беря шефство над неофитом. – Прольется, прольется кислотный дождичек!

Придя к источнику, ребята сели на пригорке, с видом на воду. Чел – поэт, пророк и повелитель стихий – обратил взор к небу и простер руки:

– Грядет великое оледенение, суровый, бледный холод – эра абсолютного нуля!

В десятке метров от них, возле каменного бассейна находилось несколько человек. Двое религиозных мужчин сидели на парапете: широкополые черные шляпы, бороды, пейсы, белые рубашки, черные брюки. В руках у каждого – Тора. Неподалеку от них расположились трое молодых ребят в просторных цветных одеждах. Один был с обритой головой, другой – с собранными в пучок дредами, третий – длинноволосый. Парень с дредами перебирал струны гитары, его друзья негромко переговаривались на иврите.

Макс испытывал внутри себя непривычное волнение: словно бы в верхней части туловища что-то робко толкалось – в грудь, плечи, спину, – просилось наружу – *пустите!*

– Ты как вообще? – Сидящий по правую руку Чел с любопытством взглянул на Макса.

– Подпирает...

– Меня тоже, – ободрил Чел. – Почти что догоняет.

Быстро темнело. Наверху – в Иерусалиме – зажглись огни. Над Лифтой взошла луна.

Возле бассейна один из молодых ребят, с длинными волосами и красивым узким лицом, подошел к бородатым мужчинам – попросить огня, а может, узнать, который час. Завязался разговор. Макс со своего места слышал и наблюдал. Древнееврейский язык резонировал в иерусалимском камне.

– В Торе – вот здесь, – говорил бородатый мужчина в белой рубашке, – все ответы. Больше ничего не нужно. Ты выполняешь предписания – остальное делает за тебя Господь.

– Но ведь интереснее понять самому! Разве Бог не дал мне свободу, чтобы во всем разобраться?

– Как же ты сам разберешься? Бог создал нас и всё остальное, и дал руководство. – Книжник потряс Торой. – Без этого ты наделаешь глупостей, погрязнешь в грехе.

– Но если во всем следовать книге, зачем вообще жить? Следовать составленной программе – как машина? – горячился парень.

– Эту программу составил Всевышний – для людей, а не для машин! Вот, смотри, здесь написано...

– Я знаю, что написано! – перебил парень, резко взмахнув рукой. – Книга книгой, но важно самому познать мир. У нас есть ноги – мы можем ходить, руки – чтобы делать, глаза – видеть, а уши – слышать! У нас, наконец, есть сердце – чтобы мы жили! Прости, я волнуюсь...

– Ничего, Бог всё стерпит. Ты еще молод, но однажды обязательно *тахзёр бэ тишувá* – «вернешься к Ответу», в лоно истинной веры. Станешь жить по Закону, чтить Закон...

Разговор кружил по спирали, светящимся разноцветным удавом сжимая кольца вокруг незримого центра – невидимой черной точки:

– *Всевышний.*

– *Свобода.*

– *Ответ.*

– *Вопрос.*

– *Закон.*

– *Хочу.*

– *Грех.*

– *Сам.*

– *Он.*

– *Я.*

– *?*

– *!*

– .

Макс обернулся влево – туда, где в шаге от него сидела Рыба. В то же мгновение девушка повернулась к нему. Ее глаза горели белым, и Макс, на миг ослепнув, в них полностью утонул. Его охватил страх: он один во всем этом свете!

С усилием вынырнув в привычную тьму, страхась опять утонуть, Макс достал и закурил сигарету: простое и нормальное – очень земное – действие. Шипящий огонек на кончике сигареты служил ориентиром во тьме, спасательным кругом удерживал на поверхности.

Мистерия между тем продолжалась. Ночной мир и действующих в нём лиц постигала метаморфоза:

– Я чту Закон – не мните, что я его нарушу! – В голосе юноши с узким лицом звенел теперь леденящий холод. – А вы, оставив заповедь Божию, лицемерно дёржитесь предания человеческого. Но Закон – во мне...

Пятеро у бассейна светились в лунных лучах. Человек с узким лицом сиял ярче других. Внезапный порыв ледяного ветра сорвал шляпу с головы бородатого мужчины и опустил ее в центр водоема. Книжник встал и беспомощно склонился над гладью – до шляпы было не менее семи локтей.

Макс вскочил. Он знает, как достать шляпу: он *видит* лед и сумеет по нему пройти!

Но его опередил человек с узким лицом: подойдя к краю бассейна, он сделал шаг, другой, третий, беззвучно прошествовал по искрящемуся льду, наклонился и поднял шляпу. Затем вернулся и подал ее своему вечному врагу:

– Прими, добрый человек.

Час 6. Бедный ёж

Опять на поверхности!

Отплевываюсь. Дышу.

**В животе тяжесть: литры соленой воды. Кругом чернота и ничего, кроме воды.
Вращаюсь на месте, подскакивая и опускаясь на волнах.**

Лайнер – уродливая груда огней – идет прямо на меня! Не хватало еще...

Дурацкие мысли! Наоборот – может, это единственный мой шанс, хе-хе.

Мысли и впрямь дурацкие, особенно вот это «хе-хе».

Вроде, мимо идет... Может, хотя бы волной накроет?

Нет, и волна сюда не дошла.

Луна – в правый глаз. Позади берег – тонюсенькая полоска огней.

Усталость страшная. Назад дороги нет.

Что же делать?!

Макс продолжал охранять водохранилище и искать работу. Кислоту он с тех пор не ел: не было случая. Но раз видел сон – страшный, – в котором боялся, что умрет, так и не испытав *этого* вновь.

Тот трип приоткрыл некую возможность, своего рода дверь. И из этой двери теперь нещадно сквозило. За дверью проглядывала невидимая ранее сторона жизни, а может, и вовсе *не-жизнь*, иное измерение. Там нет места скуке, мир напрочь лишен рутины и являет собой неповторимое действо. В нём ты и наблюдатель и, одновременно, соучастник всего, «заведующий всем». Это и было истинным путешествием (слово «трип», собственно, и означает «путешествие»).

Макс помнил свой давний разговор в кибуце с южноафриканским путешественником Шоном. Тот говорил малопонятные тогда вещи: «Можно лежать на койке и в то же время путешествовать. А можно преодолевать расстояния, перелетать с континента на континент, подвергаться опасностям – и жизнь всё равно останется постылой рутинной. Путешествие – особое состояние души, но как его достигнуть – великая тайна».

Макс отдавал себе отчет, что граница миров на замке, и, съев пропитанную кислотой картонку, он незаконно эту границу пересек. И долго бегать туда-сюда нельзя: рано или поздно придется либо остаться *там*, либо навсегда эти вылазки прекратить.

С Андреем – одним из жильцов квартиры – они повадились зависать на кухне, за чаем и сигаретами.

Андрей был не самым веселым парнем. Скорее, даже депрессивным. Именно это, возможно, Макс и импонировало по контрасту с другими – чересчур экзальтированными – персонажами. Андрей находился в перманентном поиске – занятия, женщины, счастья.

Закончив факультет философии, он теперь активно искал, чему себя посвятить. Пройдя курсы барменов, но не найдя работы за стойкой (ибо для бармена харизма куда важнее умения смешивать коктейли), он купил электрогитару и усилитель, и теперь денно и ночью терзал инструмент, разучивая риффы и соло-партии.

К женскому полу у Андрея был своеобразный подход: ничтоже сумняшеся он сходу подваливал к любой девушке, интеллигентно, но и недвусмысленно обнаруживал перед ней свой

интерес, и... получал от ворот поворот. Вечные его неудачи были для Макса загадкой: Рыба, к примеру, считала Андрея «интересным молодым человеком» (с подвешенным языком, высокий и худощавый, он носил аккуратную эспаньолку, забранные в хвост волосы и очки), но и она в свое время категорически отвергла его ухаживания. Ровесник Макса, в свои двадцать пять Андрей оставался девственником.

Макс в чём-то даже завидовал легкости, с какой Андрей подкатывал к девушкам, ибо (пускай и при нулевом результате) тому не в чем было себя упрекнуть. По крайней мере, Андрей делал в этом направлении всё, что мог. Макс же не делал ничего, и неустанно себя за это корил.

Он в принципе не мог выказать свой интерес понравившейся девушке, ведь любое, пусть даже самое красивое ухаживание всё равно в конечном итоге подразумевает, что ты намерен засунуть в нее свой... Нет, это невозможно! Допустим, вы познакомились – и вот, пускай даже в завуалированной форме, вроде бы невинно приглашая ее, скажем, в кино, тем самым предлагать ей... Какое скотство! А если уже завязались отношения, деловые или дружеские – тем более проблематично перейти от одного вида отношений к другому. Вот вы ведете с ней куртуазные беседы, говорите, скажем, о литературе, обсуждаете взаимное проникновение различных школ: Набоков, там, или Джойс, и вдруг – бац! – «позвольте, мадемуазель, присунуть вам на пол-Фёдора». Каков диссонанс! Рбясь в хитросплетениях мыслей и ощущений, Макс обнаруживал именно такую подопку личной пассивности. При очевидной несурзности подобного взгляда на столь естественный аспект бытия, поделаться с этим он ничего не мог.

Между тем (впрочем, нечасто), словив определенную фазу алкогольного опьянения, Макс принимался вести себя а-ля поручик Ржевский, и, как результат, оказывался иногда в постели с девушкой. Завязавшиеся таким образом отношения быстро сходили на нет, продолжаясь от одной ночи до одного месяца, не долее.

В кухонных беседах особенно часто всплывала тема страдания, ибо Андрей, несомненно, страдал.

– Где у страдания предел? До каких глубин оно может дойти, и что случится с ним после? Превратится в нечто другое? В свою противоположность? – В словах Андрея звучала надежда. – Иногда кажется, уже дно, дальше некуда. Но страдание продолжается...

Максу это было знакомо, хотя его страдание едва ли когда достигало подобных глубин. Хотелось как-то помочь.

– Почему бы тебе, скажем, не свалить за границу? Сменить обстановку, посмотреть другую жизнь? – предлагал Макс тривиальный, но веками испытанный, исконно русский рецепт излечения от хандры.

– Может быть... – вяло воодушевлялся Андрей. – Действительно: поехать в Париж, выбросить в Сену деньги и документы...

– Зачем же выбрасывать? – не понимал Макс.

– А зачем иначе ехать?..

***

Вернувшись с работы, Макс зашел на кухню. Андрей встретил его кисловатой улыбкой.

– Тебя можно поздравить! Звонили из Минздрава, просили передать: тебя берут.

Макс не поверил ушам. Неужели свершилось?! То, чего он так долго жаждал: почти год – да какое там! – пять последних лет – да нет же! – всю свою жизнь – вот оно, наконец – у него в руках! Вдруг не хватило воздуха, он сделал глубокий вдох, и внезапно ощутил удар в спину: словно под лопатку, прямо позади сердца вонзили нож.

– Ты не рад? – с надеждой спросил Андрей.

– Рад, – прокряхтел Макс, сиюсья расправить плечи и вдохнуть полной грудью. – Похоже, нерв защемило... Ты уверен, что меня взяли?

– Просили перезвонить. Вот номер.

Макс ринулся к телефону. Действительно, со следующей недели начинает работать: Минздрав, головной офис, Бюджетный отдел, в воскресенье в девять утра. Чудеса!

Последние месяцы он искал работу уже по инерции. Довольно быстро он понял, что основная причина отказов – его отношения с армией. Почти на каждом собеседовании поднимался вопрос: что делал в армии, почему не дослужил? Про попытку суицида (даже симулированную) рассказывать нельзя было ни в коем случае. Поэтому наготове имелась легенда, как он демобилизовался из-за обострившейся болезни. Но факт оставался: его комиссовали, и это было не скрыть.

Но в некоторых случаях – исключительно в госучреждениях – про армию не спрашивали. Там, по-видимому, поднимать этот вопрос запрещалось: права человека охраняются государством.

В Минздрав, наряду с десятками других фирм, контор и учреждений, он ходил на собеседование, но ничего от них (как и от остальных) больше не ожидал. И вот, когда он уже смирился и опустил руки – такой сюрприз!

Вот только что это за «нож» в спине? Или в сердце? Ничего – рассосется. Теперь вообще всё наладится!

В воскресенье в министерство пришло сразу трое новичков: Макс и еще два новоиспеченных экономиста – отдел расширял штаты. На троих выделили комнату: у каждого стол, компьютер, отдельная телефонная линия.

Пришел техник, разъяснил, что к чему. Есть интернет – пользуйтесь. «Интернет» – знакомое слово. Любопытно... Кликнул мышкой значок – вверху экрана появилась цветная горизонтальная полоса и медленно начала расширяться вниз. Так и рабочий день кончится, прежде чем загрузится вся картинка. Есть еще тексты: грузятся, вроде, побыстрее, но тоже мучительно долго.

Начальница Бюджетного отдела – крупная женщина лет пятидесяти. Одета в черное. Массивные серьги, огромные перстни – очень влиятельная фигура. Всё министерство и практически все медицинские учреждения Израиля пляшут под ее дудку.

– Будет свободная минута, – пообещала начальница, – объясню вам, что делать. Пока привыкайте, осматривайтесь, вникайте.

Прошел день, другой, неделя. Начальница заглядывала в комнату, видела, что все заняты: Макс, например, нашел в интернете (полезная оказалась штука) книги на русском языке. Правда, в транслитерации, за отсутствием кириллицы. Двое других работников разглядывали картинки. В ответ на вопрошающие взгляды новых сотрудников начальница, извиняясь, обещала ввести их в курс дела, как только выкроит время.

Через две недели Ариэль, носящий *китц* и работающий в соседней комнате, поделился:

– У нас здесь Бюджетный отдел. А где государственный бюджет, там – политика. Все мы – весь штат экономистов – бутафория. Вопросы по бюджету решаются наверху, в результате силовых игр. Она, – Ариэль повел головой в сторону кабинета начальницы, – прекрасно справляется сама, но количество подчиненных добавляет ей вес. В итоге каждый год она выбивает для отдела всё больший бюджет, каждые несколько лет расширяет штат сотрудников, и вот – мы здесь. Разве плохо?

Ариэль окинул ошарашенных новичков взглядом и добил:

– Она никогда не «выкроит» для вас время – придется самим найти занятие. Когда я – три года назад – сюда пришел, было то же самое. Через месяц я предложил взяться за реор-

ганизацию баз данных по лицензируемым субъектам. Теперь уже еле справляюсь – обещали помощника...

Боль с левой стороны туловища не проходила. Она смягчилась, утратила остроту, и теперь было ясно, что это не «нож» в спине, а что-то внутри, в груди – в области сердца. Макс чувствовал боль при каждом движении: шаги отдавались ёканьем, любой более-менее резкий поворот тела напоминал: *что-то не так*.

Через несколько месяцев он решил пойти к врачу. Сделав обследование, потом еще одно, и еще, тот диагностировал некое хроническое заболевание с труднопроизносимым названием. Сказал, что ничего, в общем, страшного, только теперь *до конца жизни* («не волнуйся: будешь делать, что скажу – доживешь до ста двадцати») пациенту надлежит принимать таблетки. Три раза в день. Отныне он будет регулярно обследоваться, ибо болезнь может прогрессировать. Сказал, что с таким диагнозом можно получить освобождение от армии и не призываться на ежегодные сборы. Выписав таблетки, врач посоветовал не курить.

Макс и без того не имел привычки к табаку (курил эпизодически – за компанию или в особых случаях) и уже освободился от армии. Обрисованные врачом перспективы его не устраивали. Вообще не устраивали. Совсем. В их свете посул «дожить до ста двадцати», хотя и являлся лишь формальным пожеланием долголетия, звучал издевательски.

Не видя пока альтернативы, Макс в течение месяца честно принимал таблетки, три раза в день – и не ощутил результатов. Через месяц врач выписал ему другие таблетки, сказав, что эти новые препараты – очень сильные и точно подействуют. Вот только, поскольку они – эти лекарства – в качестве побочного эффекта ослабляют кости, так что те – кости, – вероятно, начнут крошиться, то он – доктор – дополнительно выпишет Максиму специальные таблетки для укрепления костей...

– Не волнуйся, мы тебе поможем, – сказал врач, вручая рецепты.

Макс поблагодарил и, выйдя на улицу, опустил бумажки в ближайшую урну. Было ясно, что он на ложном пути.

Работать на государство оказалось выгодно: к зарплате прилагался социальный пакет. Краеугольным камнем пакета являлась оплата расходов на автомобиль – для тех, у кого он есть. В частности, возвращались автомобильные страховки, налоги, техосмотр и ежемесячно выплачивалась сумма «на бензин».

С государственным контрактом Макс стал желанным клиентом в банке. Скрупулезно рассчитав все свои грядущие доходы-расходы, он взял на четыре года кредит и купил новый, серебристого цвета Hyundai Accent. Хватило, впрочем, только на базовую комплектацию: без магнитолы, электрических замков и стеклоподъемников.

Из-за бюрократических проволочек министерство хоть и не отказывалось, но и не спешило выплачивать «автомобильные» деньги, и через пару месяцев Макс обнаружил, что ему банально не на что покупать еду. Впервые в жизни пришлось занять деньги: Андрей, с некоторых пор по примеру Макса работающий в охране, одолжил без разговоров.

Долг конкретному человеку нервировал сильнее, чем долг за машину банку. И всё же, представляя себя со стороны, Макс не мог не испытывать самодовольства: новоиспеченный яппи с блестящими перспективами, работник министерства (как звучит!), стильно одетый и гладко выбритый, за рулем новехонького серебристого автомобиля... А кем он был еще вчера? Нищим эмигрантом! Правда, теперь он кругом должен. Но это ведь временно?..

К такому комплексу полагалась, конечно, подобающая девушка. Но на личном фронте, в особенности после покупки машины, парадоксальным образом стало и вовсе глухо. Покопавшись в себе, Макс обнаружил, что стесняется своей успешности и, в частности, машины – символа этой пресловутой успешности. Приманивать женщину «успехом» представлялось,

по сути, столь же неприличным, как, скажем, демонстрировать причиндалы в расчете ее прельстить. В этой парадоксальной ситуации он чувствовал себя дураком, как никогда.

И сердце продолжало твердить: *что-то не так*.

***

К Максусу зашел Дан (урожденный Дмитрий Кац).

– Вчера трахался, – сходу похвастал он.

– С кем? – позавидовал Макс.

– Ты ее знаешь. Наташа. Еще на подготовительном со мной училась. Такая... ну... – Дан принялся водить округ себя руками, пытаясь изобразить Наташины формы. – Годами по одним коридорам в универе ходили: сталкивались, здоровались. А тут – раз! Погуляли, в кафехе посидели, ну и...

– Не помню никакой Наташи, – сказал Макс. – Вообще ваших не особо знаю.

Когда Дан учился на подготовительном отделении, Макс был уже на втором курсе. Они подружились, работая в патруле. Теперь Дан учился на последнем курсе истфака.

– И правильно, что не помнишь. – Дан несколько поник. – Жутковатая эта Наташа – позориться только с ней. Да и мозги компостирует. Целый договор со мной заключила... на словах, конечно! – поспешил он добавить, увидев, как Макс поднял брови. – И это я ей должен, и то... Должен, должен! Боится, что брошу. И делает всё, чтобы так и случилось.

– Ничего нового, – резюмировал Макс. – Может, у нее хоть подружка есть? С паршивой овцы...

– Кстати! – оживился Дан. – Есть. Ты ее видел: Лана.

– Не знаю никакой Ланы. Говорю же: я с вашими почти не знаком. Только с теми, кто в патруле...

– Да точно – видел! Помнишь, тогда – года три тому, в подвале десятого корпуса?..

– В подвале десятого корпуса с семи ноль-ноль – вечеринка для подготовительного отделения по случаю Хануки. – Дежурный офицер безопасности проводил инструктаж для смены, заступающей с шести вечера. – Островски и Кац патрулируют верхний блок. Повышенное внимание к десятому корпусу: много русских, возможен алкоголь... сами понимаете. Шмулевич и Перес – нижний блок, всё как обычно. Каждый час – проверка связи. Всем удачи.

– Идем ко мне, – сказал Дан, выходя с Максусом из помещения. – Попьем чайку, а после на праздничек – будем веселиться за денежки. – Дан потер руки: сегодняшняя смена сулила только приятное.

– Действительно, надо отдохнуть – а то в ночь работал... – сказал Макс.

– Ага, ага... И Карина, должно быть, тоже притомилась, с тобой работаючи. – Дан и не пытался скрывать зависть. – Шоб мне всегда так работать! Вот Марина твоя ка-ак узнает...

Почаевничав в комнате у Дана, ближе к восьми они спустились в подвал десятого корпуса. Это было то самое – судьбоносное – бомбоубежище, в котором двумя годами ранее Макс познакомился с Мариной.

Подвал было не узнать: во всю стену красовался плакат с ханукальным слоганом: «*нэс гадоль ая'но*» – «Чудо великое было здесь». Играла традиционная еврейская музыка. У стены – импровизированная барная стойка с газировкой, чаем и *суфганьёт* (ханукальными пончиками). С потолка свисала мишура, в углу – накрытый скатертью столик с кувшином оливкового масла и четырехгранным волчком с древнееврейскими буквами на гранях. В центре столика стояла *ханукия* – ритуальный подсвечник на девять свечей. Было видно, что репатриантов с подготовительного отделения всеми силами приобщают к еврейской традиции.

Дан сделал движение рукой на уровне пояса:

– Сегодня праздник Ханука – свою «свечу» достану-ка!

Макс с фонарем в руке и Дан с ракетой на отлете встали в проеме: охране не пристало мешаться с публикой. Да и обзор отсюда был подходящий. Два десятка студентов роились, наливали чай, расхватывали пончики, собирались стайками.

– Видал? – Дан пихнул Макса в бок и указал антенной «Моторолы» в направлении центра комнаты. – Наш золотой фонд!

И Макс увидел: посреди этого бедлама, строго по центру сидела *она*.

Она сидела очень прямо на единственном в помещении высоком барном стуле. В подвале царил суеда, но вокруг нее будто образовался вакуум – островок покоя и тишины. Она сидела как на пьедестале, от длинных светлых волос, от всего ее облика словно бы исходило теплое сияние. Забывшись, Макс разглядывал ее в упор. Она была обращена к нему лицом, но глядела куда-то сквозь него...

Теперь – три года спустя – эта фотографически запечатлевшаяся картинка всплыла у Макса в сознании так отчетливо, как если бы всё происходило прямо сейчас, породив ощущение чего-то близкого и родного.

От мгновенного озноба его передернуло. Мимолетное ощущение тут же обросло коростой мыслей, спасительно прикрылось цинизмом. Красавелла... Стул еще дурацкий нашла, прямо в центре поставила и уселась: любуйтесь! Я тоже хорош, всю местную заразу перенял: блондинку увидел – слюна потекла. Но как она сидела! И что же – вот прямо так, возьму и позвоню? «Здрассьте, не сходить ли нам в ресторан (в смысле: невтерпеж пристроить конец)...» Собственно, почему нет: пора завязывать с этими заморочками. Но неужели она одна? Наверняка у нее кто-то есть...

– Помню, – сказал Макс. – Но неужели она одна? Наверняка у нее кто-то есть.

– А вот! Наташа мне уши прожужжала – расписывала, словно замуж выдает. Страшно о ней печется: «Ланочка... лучшая подруга... тыры-пыры...». И живут в одной комнате – с тех пор еще. Год, говорит, уже без парня пропадает. Врет, наверное – не может такого быть. Но факт: открыта предложениям.

– Попросишь для меня телефон?..

***

Обложившись репродукциями и конспектами, Лана готовилась к экзамену по искусству средних веков. Сосредоточиться было трудно. Как правило, на пятницу-субботу она уезжала к родителям в Назарет, но на сей раз осталась в общежитии. (В нынешние времена Назарет населен в основном арабами, и родители Ланы, репатриировавшиеся в 1992-м году из Киргизии с дочкой, поселились в еврейской части города, называемой Нацерет-Илит, он же Вышний Назарет – город-район, построенный в новейшие времена на соседнем с Назаретом холме.)

Лана готовилась к экзамену и ждала звонка. Соседка Наташа уехала накануне к родителям, успев повидать своего нового друга Дана, и передать от Ланы «добро». Ох уж эта Наташа – как пристанет! Давай, мол, действуй – все девчата с парнями, только ты одна! В общем, уговорила.

Макса этого Лана ни разу не видела, но знает о нём много (может быть – *слишком* много). Однажды даже слышала его голос, в тот очень долгий и странный день, три года назад...

В тот день, вернувшись с работы (раз в неделю она убиралась в частном доме), Лана застала в комнате любимую подругу Карину и соседку Наташу. Расположившись на кровати, девчонки играли в «дурака», на интерес.

Последние месяцы Лана наблюдала это изо дня в день: сидя на Наташиной половине, подружки часами резались в карты, параллельно обсуждая насущное и наболевшее (известно, что женщины запросто делают несколько важных вещей одновременно).

Играть Лана не любила, что, впрочем, не мешало, устроившись на своей кровати, с удовольствием участвовать в разговорах: столько ведь есть всего рассказать! В этот раз Карина была необычайно возбуждена и оттого рассеяна – Наташа то и дело ругалась.

– Ты будешь сегодня ходить?! – Наташа потрясала веером карт. – Ланка, ты видела эту дуру влюбленную? Об игре забыла, о хахале своем только и думает!

– О, Лануха, приветик! – оглянулась на подругу Карина. – Говорила я вам: надо идти работать в патруль! Говорила – или не говорила?

– Говорила, говорила – ты вообще много чего говорила... Ходи давай! – рывкнула Наташа. – Так! Ладно. А мы тогда – королем!

– Говорила: все нормальные мужики – там. А вы не верили. А он такой...

– Какой – «такой»? Все они одинаковы. Вот увидишь еще – им только одного и надо... Бито!

– Неправда, Макс не такой. Мы с ним сто раз одни оставались: и в комнате у меня, и вообще. Он никогда ничего такого...

– Ничего себе: «ничего такого»! Ланка, ты слышала? Это теперь называется «ничего такого». Ну ты, Каркуша, даешь! Вот именно – *даешь!* – Наташа захохотала.

– Нет, это раньше – ничего такого, – мечтательно произнесла «Каркуша». – А теперь – кое-что такое...

– Какое еще «такое»?! – Наташа воззрилась на лежащие перед ней карты. – Ты что кидаешь?!

– Ну... такое... с ним так классно... Знаете, какой у него голос? Вы должны услышать его голос! – Карина схватилась за телефон.

– Куда?! – заорала Наташа. – А играть?!

– Да погоди, – отмахнулась Карина, набирая номер по памяти. – Сейчас... Ланюра, иди сюда, тоже послушай. Тихо!

Затаив дыхание и касаясь друг друга головами, девчонки сгрудились вокруг трубки.

– Алё, – донеслось из телефона. – Алё... Алё, чёрт возьми! Опять?! Вот суки!

На том конце отключились. Карина, несколько обескураженная, тоже положила трубку.

– Да... – выразительно глядя на Карину, протянула Наташа. – Интеллигент! По всему видать – питерский. У вас там все такие работают? Слышь, Ланка: молодцы мы с тобой, что не пошли.

Наташа посмотрела на часы:

– Так! Почти шесть. Остался час. Вы готовы?

– Не, я не иду. Кого я там забыла? – сказала Карина. – Да и ночь не спала – пойду, залягу...

– Ага, конечно, – обиделась Наташа. – Теперь только туда, где он. И больше никуда. А там, между прочим, Ханука – пончики будут. Ну ты-то хоть, Ланка?

– Я, наверное, тоже останусь. Сейчас в душ, и...

– Ну вот, – вконец расстроилась Наташа. – Одна я тоже не пойду. А как же пончики...

– Ну Ланюка, ну сходи ты с Наташечкой, чего тебе стоит? – Карина испытывала чувство вины, за всё вместе. – Видишь, человек без пончиков гибнет...

– Да мне голову мыть, волосы не высохнут...

– Высохнут! – воодушевилась Наташа. – Распустишь – в два счета высохнут. Давай! Полотенце в зубы, ноги в руки...

В подвале царил суета. Наташа сразу направилась к стойке, сцапала пончик – да там и застряла. Лана и думать о еде не могла, ей хотелось сесть: после дня работы гудели ноги. Оглядевшись, она усмотрела единственный в помещении стул. Высокий, предназначенный для

бара, он стоял в самом центре комнаты, под лампой. На кожаном сидении выделялся пыльный след от ботинок: похоже, меняли лампу, да так стул и оставили. Достав салфетку, вытерла пыль. Стул тяжелый – не тащить же к стенке. Села, ноги поставила на металлическую перекладину – спину пришлось выпрямить, чтобы не заваливаться вперед.

Здесь она многих знала: два десятка студентов роились, наливали чай, расхватывали пончики, собирались в стайки. Зашли и остановились в проеме двое охранников. С одним из них – Даном – Лана вместе учит иврит. Рослого, стриженного ежиком напарника она не знает. Хотя... Странно... Словно он ей кого-то напоминает. *Мучительно* напоминает. Или...

Внезапно она услышала детские голоса. Увидела лодку и туман над озером. Увидела себя полностью голую, на снегу. Увидела гигантское пламя, а затем – подернутые пеплом угли...

Да, тот день был очень долгим и странным – наполнен видениями и голосами. В общем Лана, хотя никогда этого Макса не встречала, а слышала лишь голос в телефоне и по рассказам Карины представляла, как он выглядит, имела достаточно информации к размышлению. Карина, пока в конце учебного года не уехала к родителям в Тель-Авив, о нём лишь и твердила. И чем дальше, тем сильнее его ненавидела.

Лане, конечно, отчасти передалось Каринино к нему отношение. Макс (надо согласиться) повел себя свински: поматросил и бросил. Если верить Карине – кого он вообще только не «матросил»! Но она наверняка преувеличивала: эмоции помноженные на фантазию. И если разобраться, Карина сама нарвалась. Как она уговаривала девчонок устроиться с ней в патруль! «Все лучшие парни – там! Это шанс!»

Нет, так не делается. Нельзя решить и – найти. Само придет, нужно только пустить. Или не придет? Но пример Карины поучителен: не стоит лезть на рожон... А сама? Дала телефон и сию, жду: позвонит – не позвонит? А если позвонит – что тогда? Как себя вести? О чём с ним говорить? О чём молчать? Вот и начнется: нравлюсь ему или не нравлюсь? Придет или не придет? Где он? С кем он? Тем более – товарищ, прямо скажем, с сомнительной репутацией.

Или получится, как тогда с Русланом: полтора года встречались, и вдруг – словно в воду канул. Да еще сплетни гнусные поползли, будто прежде чем исчезнуть, шашни с кем-то завел, да что-то у него там не вышло. И он якобы вообразил, что я – ведьма, и его заколдовала. Бред какой! И год после этого уже – ни слуху от него, ни духу. С тех пор совсем пуганой стала – мне теперь не угодишь...

Один (как его звали – Лиор, кажется, или Маор?) гулять пригласил: «красивые места посмотреть». Цветы надумал купить: ходит, прицениется – выбирает, что подешевле. Противно! Другой – Виталик – сюсюкает в телефон: «Принцесса, как твой денек прошел? Звоню пожелать тебе доброй ночи». Пустозвон! Еще один (не хочу даже имя вспоминать) в тапочках на свидание пришел. В них сразу и ушел.

А если Макс этот такой же балбес? Нет, не может быть. Но Карину-то он бросил...

Надо смотреть непредвзято – как если бы я ничего не знала. Незачем проблемы выдумывать. Главное – не влюбляться, а то тяжело. Да и меняются же люди: три года прошло... И он высокий – если Карина, как обычно, не преувеличила. Говорила, ростом со Шварценеггера, что-то на восемь: 178? Может, 198... Да неважно это! Говорила, он вообще на Шварценеггера чем-то похож. Не сложением, конечно, и даже не лицом, а всем обликом и повадкой: суровый, но добрый (это поначалу так говорила – потом уже больше «волчарой» да «мордovorотом» обзывала). В любом случае, это я должна быть красивой, а ему необязательно. Важно, чтобы меня к нему тянуло. Карина, наверное, простит, если что. Хотя ей будет неприятно. Ладно – всё равно ничего не выйдет. Он и не позвонит. Или позвонит?..

Максу было страшно. Нет, он не боялся отказа. Отказ или согласие, удача или провал – не так важно. Он не понимал природу своего страха.

Дан вручил ему номер, и отступать теперь было некуда: имелось в характере Макса нечто, не позволяющее, раз затеяв предприятие, останавливаться на полпути. Потянуть время – куда ни шло. Но страх не ослабнет, поэтому и тянуть смысла нет.

Фактически это свидание вслепую (мимолетное видение трехлетней давности не в счет; а она и вовсе, должно быть, его не заметила). Встреча с вполне определенным намерением, совершенно и недвусмысленно очевидным, как ему, так и ей: оказаться рано или поздно в постели. И до последнего момента оба будут прикидываться, что этого не понимают. Каково лицемерие!

До сих пор было так: либо его откровенно соблазняли, либо он сам не ведал, что творил. Либо стечение обстоятельств – и тогда всё происходило спонтанно, на импровизации. Но сейчас иной случай: нужно пригласить девушку на свидание...

Макса передернуло – «свидание»! Пошлость. Свидание с блондинкой – апофеоз пошлости! Нет, апофеоз – вот он: за ней придется *ухаживать*. Представился павлин, который, приосанившись и развернув невероятный хвост, ходит (ухаживает) вокруг самки. Дурак дураком! Но павлин, хотя бы, не лицемер...

Что ж... Пускай. *Осознанные* пошлость и лицемерие на этот раз превратятся... в игру! А играть нужно по правилам: в постель сразу не тащить, делать вид, что ритуалы и приличия хоть что-то значат. И действовать по плану.

План банальный: позвонить, пригласить в ресторан. Ресторан некошерный, работающий в субботу (хорошо, машина есть, а то раньше по *шаббатам* вообще застревал), а таких ресторанов в Иерусалиме – раз, два и обчелся. Впрочем, в бытность свою с Мариной, да с Ципи еще, когда по пабам да ресторанам куролесили, изучил их неплохо. В одном даже работал на кухне. Туда и отправиться? Там фирменное блюдо – шампиньоны, фаршированные гусиной печенью. Пафосно, но в меру. Есть и нормальная еда: стейки толщиной с кулак – их можно заказать с кровью (снаружи у них корочка, и когда касаешься ножом, они вздыхают, будто живые).

Придется, конечно, раскошелиться. Марина обычно платила за двоих, с Ципи – каждый за себя. Но сейчас, разумеется, иной случай: игра по правилам! А сам кругом должен, на счету минус...

Итак, забрать из общежития на машине. Найти темы для разговора. (Что там она учит? Дан говорил: историю искусств. Здесь, конечно, пробел...) Из ресторана везти в «красивое место» (аборигены всегда это девушкам предлагают, буду как все, ура!). «Променад» – самое подходящее из «красивых мест»: Иерусалим под тобой как на ладони, весь в огнях. Ветер лупит – романтика!

Дальше. Домой не приглашать: откажется. Да еще, чего доброго, обидится: мол, за кого ты меня принимаешь?! Отвезти обратно, договориться о следующей встрече. Ну, или *не* договориться (может, вообще немоготу окажется; или она не захочет).

На вторую встречу явиться с цветами (Макса вновь передернуло). Или цветы – на первое свидание? (Нет-нет, так не могу, это слишком! Цветы – на второе.) Приехать, значит, с дурацкими этими цветами, отвезти в какой-нибудь паб, выпить по коктейлю и... ко мне! (Если тянуть – подумает, тормоз.)

Дёма: красное вино, шоколад, фрукты (всё подготовить, чтобы не шастать по квартире на кухню и обратно), гитара (продумать репертуар). А там можно и...

С готовым планом не так страшно. Но внутри всё равно что-то подрагивает. Собраться с духом и – звонить.

И Макс позвонил. И план сработал.

После ресторана они поехали на «Променад». Там было по-настоящему ветрено, и Лана начала мерзнуть (она не сказала, но Макс догадался). Тогда он накинул на нее свою куртку – и стал мерзнуть сам. Вдобавок, он не очень понимал, о чём еще говорить: с момента их встречи

он с трудом выискивал темы для разговора. Хорошо хоть, у них нашлись общие знакомые: тот же Дан, например.

Да еще ее лучшей подругой оказалась Карина (упс!). Лана сама не рада была, что о ней вспомнила, и поспешила эту тему замять. В общем, беседа не то, чтобы текла, а, скорее, неуклюже переваливалась с одной темы на другую. Но могло быть хуже. В целом Лана оказалась милым и вполне земным существом: средний рост, аккуратная фигурка...

Когда замерз и исчерпал темы для разговора, Макс подумал, что пора осуществить следующий пункт плана: вернуть девушку домой. Но было рано – восемь вечера, – а Лана, судя по всему, готова была гулять с ним хоть до утра. Не зная, чем оправдать спешку и не придумав лучшего, он из вежливости (а отчасти из хулиганства) предложил поехать к нему, чувствуя, что та не обидится. Но он не сомневался, что девушка скромно откажется.

Она согласилась! Это шло вразрез плану, но отступить было некуда.

Дома нашлась бутылка вина (за пару недель до этого он ездил в Латрунский монастырь, где из лозы, завезенной в Святую Землю во времена наполеоновской кампании, делали его любимый «Каберне Совиньон»). Нашелся и шоколад. Фруктов не обнаружилось. И репертуар не был продуман.

Впрочем, Макс не предполагал сильно отклоняться от плана. Он его подкорректировал, и теперь собирался, сидя в тепле, развлечь девушку и отвезти затем в общежитие.

Говорить особо было не о чем, оставалось пить вино и петь песни.

В пальцы легла отдающая питерской подворотней «Восьмиклассница».

Затем – для контраста – песня на английском: «Пинк Флойд» – «Wish You Were Here» (с полноценным проигрышем).

И наконец вступила тяжелая лирическая артиллерия:

*Влажный блеск наших глаз,
Все соседи просто ненавидят нас.
А нам на них наплевать,
У тебя есть я, а у меня – диван-кровать...
Остаемся одни,
Поспешно гасим огни
И никогда не скучаем.
И пусть сосед извинит,
За то, что всю ночь звенит
Ложечка в чашке чая.
Ты говоришь, я так хорош.
Это оттого, что ты так хороша со мной.
Посмотри: мой бедный ёж
Сбрил свои иголки – он совсем ручной...*

Макс наблюдал за реакцией и где-то после слов «мой бедный ёж» по неуловимым признакам понял, что ситуация в его руках. Но если уж он задумал отвезти сегодня девушку домой – так тому и быть!

Он отложил гитару и поднялся.

– Это балкон? – спросила Лана.

– Да. Хочешь взглянуть?

Они вышли и встали возле перил.

Мерцали звезды. Светился город. Подмигивал светофор.

Городской шум понемногу стихал.

Лана хотела что-то спросить или уже спросила, оборотившись к Макс, а он повернулся, чтобы ответить. Их губы неожиданно встретились. Время исчезло.

Время вновь появилось, по крайней мере для Макса. *Везти домой!*

И дело было, конечно, не в его пресловутом плане. Макс *знал* – и знание это, казалось, втекает через губы, по замкнутой электрической цепи, – что Лана будет сожалеть, ей будет совестно, если сегодня она останется с ним. Чему-то нужно еще дозреть, выдержаться, должен отойти осадок, иначе он уже не исчезнет – горький и мутный винный осадок в душе. И ответственность полностью на нём: он держит в руках жизнь девушки точно так, как держит ее сейчас за тонкие плечи. И сегодня он отвезет ее домой.

Усилим прервал поцелуй, Макс произнес, наверняка зная ответ:

- Останешься?
- Нужно ехать.
- Тогда едем.

Час 7. Про майора

Подпрыгиваю на волнах и опускаюсь.

Подпрыгиваю. Опускаюсь...

Нельзя болтаться тут вечно, я должен что-то придумать. Всегда ведь что-то придумывалось! Не бывает, не может быть безвыходных положений! Или бывает?..

Попробую: набрать воздух и нырнуть головой вниз. Плыть в глубину, сколько позволят уши. Выпустить из себя весь воздух. Пить, заглатывать воду, сколько получится (ее и так полно в животе). С такой тяжестью наверх уже не вытолкнет. А если и захочу, всплыть не успею. Потеря сознания от нехватки кислорода – и дело сделано.

Слабенький план. Но лучше, чем никакого.

Всё.

Глубокий вдох. Перевернулся и – вертикально вниз.

Сильнее грести!

Уши сдавило – больно!

Еще вниз!

Теперь полный выдох.

Пью: вода вливается в тело. Еще. Еще. Пить. Еще пить воду. Еще...

Ни верха, ни низа... Руки и ноги движутся хаотично, замедляются, еще замедляются, шевелятся медленно, еле-еле...

Совсем перестаю двигаться...

Очень тихо...

Невидимая рука режиссировала и направляла жизни героев. Тремя годами ранее как по нотам был разыгран первый акт драмы. Макс увидел – большего и не требовалось, ибо мужчина «любит глазами», а Лана услышала – и голоса в телефоне было достаточно. Тогда же возникла связь – будто бы эфемерная, на деле же прочнее всего, что мы знаем.

И вот они наконец вместе.

В ту субботу он отвез Лану домой и договорился о следующей встрече: перед выходными, в четверг, после того, как она сдаст последний экзамен.

В четверг вечером по дороге в кампус, тормознув возле цветочного магазина, под проливным дождем Макс заскочил внутрь и купил нечто розовое, завернутое в целлофан. Букет и борсетку кинул на заднее сиденье.

В общежитии запарковался возле корпусов, выключил двигатель: мечущиеся дворники замерли посреди лобового стекла. Теперь: отжать кнопку замка задней двери, распахнуть переднюю дверь, выставить наружу зонт и раскрыть. Вылезти под зонт, быстро, пока не натекло, захлопнуть переднюю дверь, а заднюю – открыть. Свободной от зонтика рукой схватить цветы и борсетку (быстрее!), вжать кнопку замка водительской двери, вжать кнопку задней двери, захлопнуть.

В левой руке – зонт, в правой – борсетка и букет. Всё на месте? Ключ?! Торчит в зажигании!!!

Макс сходу постучал и, едва дождавшись ответа, вломился и протянул Лане букет.

– Я позвоню?

Трубку дома никто не брал. Макс принялся мерить комнату шагами.

– Присядь, – сказала Лана. – Что случилось?

– Ключ – в зажигании, запасные ключи – дома, а ключ от квартиры – в машине, на том же брелке! – Он с ненавистью посмотрел на цветы, которые Лана уже определила в кувшин с водой.

Он раз тридцать набрал номер, пока наконец ответил один из соседей. Макс выскочил под дождь.

Бог, конечно, насмеялся над его планами, но и не лишил остатков иллюзии, что тот хозяин своей судьбы. Меняя автобусы, Макс вернулся в общежитие с запасными ключами и отвез Лану в паб, где они выпили по коктейлю.

Оттуда поехали к нему. Петь песни не пришлось: Лана чувствовала, что после всех стараний и треволнений Макса нужно (и самое время) успокоить и даже вознаградить.

Он проснулся первым, угадал рядом Лану и легонько поцеловал в плечо: проснется или нет? Проснулась и прижалась к нему. И снова уснула.

Поздним утром, окончательно пробудившись, они вылезли на кухню. Лана вызвалась приготовить завтрак из того, что найдется, и Макс показал ей в холодильнике свою полку. Та выложила помидоры, болгарский перец, репчатый лук, авокадо, сметану и майонез. Поставила варить яйца.

В проеме возник заспанный Андрей.

– Макс начинает новую жизнь, – мрачно прокомментировал он.

Андрей стоял в дверях, переводя взгляд с Ланы на продукты на столе, оттуда – на кастрюльку на плите, и обратно – на споро кромсающую ингредиенты девушку. Наконец произнес:

– Два салата!

Неудавшийся бармен знал толк в совместимости компонентов. Лана действительно приготовила салат из авокадо с луком, яйцами и майонезом и овощной салат со сметаной. Предложили Андрею, но тот отказался и ушел к себе, а вскоре вернулся с сигаретами. Пришла Рыба и тоже закурила. Поев, закурил и Макс.

Когда кухня погрузилась в привычную пелену и утратила навязчивую определенность, из дымки соткался Петя Чел и принялся скручивать косяк. Макс почувствовал, что Лану пора уводить: обстановка становилась чересчур для нее экзотичной.

– Береги Макса, – напутствовал Лану Петя Чел. – Он – великий прозаик.

– Про каких еще заек?! – отшутился Макс, вываливаясь из призрачной кухни в реальный мир.

***

Бюрократическая машина наконец со скрежетом провернулась, и Максиму выплатили вождеденные автомобильные деньги. Он немедленно отдал долг Андрею, присовокупив к банковскому чеку бутылку виски.

Теперь можно было подумать и об отдельном жилье: за годы жизни «на флэту» соседи Максиму поднадоели, лица гостей примелькались, да и сама идея непрерывной тусовки себя исчерпала. Не последним был и вопрос самоидентификации: хиппи или всё-таки яппи?

Узнав о намерениях Макса, Лана сперва намеками, а затем и напрямик (ибо намеки тот понимать отказывался) спросила, почему бы им в этой связи не съехаться, чтобы отныне жить вместе (вскоре она должна была закончить учебу и в любом случае выселялась из общежития).

Но Максима жизнь и так уже напоминала виденный однажды кошмарный сон. Почувствовав непреклонность, Лана отступилась. Или, по крайней мере, сделала вид.

К этому времени они встречались уже год: как правило, пару раз на неделе и изредка – по выходным. Иногда они отправлялись к друзьям, в кино, в бар. Чаще сходу заваливались в постель.

С Ланой Макс скучал: он не чувствовал в ней жизни. Со временем у них образовался круг общих знакомых, им теперь было что вспомнить и о чём поболтать. Но все эти разговоры никуда не вели – общение напоминало игру в одни ворота.

Однажды, где-то через месяц после знакомства, в надежде хоть как-то расшевелить Лану и увидеть наконец живую реакцию, Макс заявился к ней в байкерской косухе черной кожи. Из-под расстегнутой куртки виднелась футболка с черепом. Ниже – рваные джинсы и «Мартинсы».

Прежде Лана видела его лишь в образе приличного человека, так что ожидалось, что внезапная перемена вызовет хоть какую-нибудь реакцию. Но она вообще не отреагировала! Словно бы даже не заметила.

Последние месяцы он заезжал к ней заодно по дороге из университета, где дважды в неделю занимался французским (в жизни ощущался застой, а овладение новым языком давало иллюзию прогресса). Такой режим встреч был несомненно хамским (особенно вот это «по дороге» и «заодно»), и Макс отдавал себе в этом отчет. Подсознательно он хотел ее спровоцировать, хоть как-то вдохнуть в отношения жизнь. И утыкался в тупик: Лану всё это, похоже, устраивало.

Впрочем, что ему беспокоиться? Общения и без того хватает, сексуально он удовлетворен, обязательств никаких. Личная жизнь налажена, и он не чувствует себя дураком.

Макс снял квартиру-студию. В приоритете были цена, так что странности в дизайне жилища его не остановили. Квартира располагалась в полуподвале – в самом верху стены имелось зарешеченное окошко. С высокого потолка свисал огромный хромированный вентилятор.

По-настоящему странной была кровать: двуспальная, одной своей половиной она лежала на платяном шкафу, так что другая половина козырьком нависала на высоте человеческого роста (подходя к дверцам шкафа, Макс приходилось чуть пригнуться). «Козырек» за углы крепился цепями к потолку. Чтобы забираться на кровать, к торцу шкафа была привинчена хромированная металлическая лестница с поручнем.

Посреди стены висела порядком измочаленная черная кожаная плеть.

– Осталось от прежних жильцов, – пояснил владелец квартиры. – Можешь выкинуть.

Плеть была Макс не нужна, но она органично дополняла интерьер и осталась висеть на стене.

***

В городе он встретил Ципи. Они не виделись несколько лет, страшно обрадовались и сходу договорились сходить по старой памяти в ресторан.

Вечером в четверг они встретились в центре и после недолгого совещания (также удостоверившись, что никто из них за эти годы не *вернулся к Ответу*) решили пойти в некошерный итальянский ресторан неподалеку.

Витрина отразила комичную парочку: картина могла бы называться «Гренадер и цыпленок». Впрочем, время, что они не виделись, пошло Ципи на пользу: без очков (контактные линзы?) и с распущенными волосами она заметно похорошела.

– Каково оно – быть таким длинным? – не преминула подколоть Макса Ципи. – Не страшно грохнуться с высоты?

– Грохнуться – еще ладно, – вздохнул Макс, пригибаясь перед очередной маркизой. – Хуже, что башкой вечно бьешься.

В ресторане он заказал *поркетту* – нарезанную ломтиками ветчину из поросенка. Ципи принесли говяжий стейк.

Беседа текла, всё было интересно и всё смешило. Ципи заканчивала вторую степень по психологии, а пока работала в регистратуре поликлиники. Недавно рассталась со своим другом. Макс в общих чертах тоже обрисовал свою жизнь, рассказал о работе и о подруге – всё как есть.

– Свинина? – Ципи с сомнением заглянула ему в тарелку. – Она, вообще, вкусная?

– Ни разу так и не пробовала?

– Ни разу.

– Тогда самое время. – Макс подвинул Ципи свою тарелку.

Израильтянка наколола кусочек ветчины, но всё не решалась положить в рот:

– Придется рассказать брату, что ела свинину.

– О чём тут рассказывать? Ты ведь по-любому кошерность не соблюдаешь? В чём же дело?

– Я ему всё рассказываю. Пойми: у нас свинину не едят, просто потому, что... никогда не ели. Это – как если бы ты попробовал собаку.

– Свиной специально разводят для еды, а собака – друг человека. Друзей ведь не едят, верно?! – Макс глянул исподлобья и щелкнул зубами.

– Верно, верно! Друзей не едят! – Ципи замахала руками. – Ладно, неудачный пример. Тогда... представь, что ты ешь лягушку. Ты ел лягушку?

– Не доводилось.

– Так вот: впервые попробовать лягушку – это же событие?

– В общем, да, – согласился Макс. – Что-то мне это всё больше напоминает диалог из «Pulp Fiction».

– Точно! – поразилась Ципи. – Они там как раз в ресторане сидят и собак со свиньями сравнивают. Искусство заимствует из жизни, а жизнь подражает искусству. Но про лягушек, по крайней мере, у Тарантино не было – я сама придумала...

– Зубы не заговаривай, давай пробуй уже.

Ципи, наконец решившись, положила ветчину в рот.

– Похоже на индейку. Ничего особенного.

– Вот и я говорю. А ты: «лягушка»... Хотя лягушку бы попробовал. Вообще – в Париж бы съездил. Кстати, я французский теперь учу.

– Круто. И когда в Париж?

– Да я бы хоть прямо сейчас! Но откуда ж деньги?

– Ты же, вроде, нормально устроился? Да и тур купить – на несколько дней съездить – недорого. В пределах полутысячи баксов.

– Недорого?! А где их взять? Вот послушай, как я на самом деле живу. – Макс не собиравшись жаловаться, но тут к слову пришлось. – Зарплата моя полностью расписана, до шекеля: кредит за машину, еда, да теперь еще квартиру отдельную снял. Всё! Поход в ресторан сходу из бюджета выбивает: на счету моментально минус. Не, ну ладно – ресторан раз в месяц тоже в бюджете учтен. Иначе вообще тоска. А ты говоришь: «Париж»... С горя – выпить!

Макс заказал себе и Ципи по рюмке граппы.

– Думал подработать где-нибудь, чтобы хоть как-то скопить. – Макс выпил граппу и закурил канапе с оливкой. – Объявление увидел: «Требуется человек с машиной по вечерам в пятницу...» Во, думаю, – то, что нужно! Короче, тетка, у нее, типа, бизнес, много лет уже: цветы покупает, букеты из них делает (цветы эти не пахнут вообще, так она – не поверишь – туалетным освежителем их сбрызгивает) и по пабам разносит, предлагает кавалерам купить для своих дам. Тем обычно неловко при девушках отказываться – они и берут.

– Ага! – оживилась Ципи. – Я ее видела! А мой кавалер, чуть ее приметив, в туалет отпросился. Как она такую уйму цветов на себе таскает?

– Рассказываю: она пабы каждый вечер обходит. У нее корзина такая здоровая – ты видела – на ремне через плечо. Штук тридцать букетов влезает. А машина ей только по пятницам нужна: самый горячий день – три корзины берет, на себе не утащишь. И вот мы загружаем всё это в хюндай и до утра разъезжаем по кабакам. Я поблизости паркуюсь и жду, пока она продает. Слышу раз крики – заскакиваю в кабак. А там пьяный на нее насадет, корзинку отобрать хочет. Пришлось урезонивать... Платила она ерунду, конечно. Зато, думаю, хоть какой-то приработок: налогом не облагается, в бюджете моём не учтен. Глядишь: так через годик и на Париж скоплю, чёрт его дер!

– В смысле?

– А в том смысле, что с месяц я на нее поработал – сотню, скажем, баксов получил. Ну, думаю, круто: полгода до Парижа осталось! И вот подъезжаю раз к дому, а там сволочь какая-то бутылку кокнула, донышко валяется. Зазевался и – хлоп! – колесо в лохмотья. Как раз на новое колесо, считай, за месяц и заработал. И узрел я знак, и прекратил с цветами этими канитель. Ибо было мне откровение, что в Париж я такими путями не попаду. Аминь.

– Ладно, не расстраивайся, дался тебе этот Париж! А чего именно Париж?

– Русские всегда хотят в Париж. Традиция такая с давних времен: «увидеть Париж и умереть».

– «Увидеть *Рим* и умереть» – так, по-моему, говорится.

– Это у вас – древних римлян – так говорится. А у нас – у русских, – Макс стукнул себя в грудь, – именно «Париж». Илья Эренбург так сказал – типично наш, русский пацан. Или вот ваш Хемингуэй: «Праздник, который всегда с тобой» – тоже про Париж.

– Хемингуэй – это очень... серьезная литература, я не читала.

– Вообще-то, есть мнение, что Хемингуэй сильно выигрывает в переводе на русский. Так что в переводе на иврит может и проиграть. Дай-ка вспомнить... ты, кажется, говорила: из всех американцев – только Марк Твен.

– Ну да, его в школе проходят. И рассказы Сэлинджера еще. А чем плох Марк Твен?

– Он прекрасен. И Сэлинджер тоже. Только литература существует и за пределами школьной программы. А вам бы только рыбку-бананку ловить! «Гекльберри Финна» я, кстати, недавно перечитывал – великая вещь однако. Как они там – по Миссисипи, да на плоту!

Макс заказал еще по граппе.

– А я бы в Амстердам съездила, – сказала Ципи.

– Травки покурить?

– Ну, не знаю... В Амстердаме бы я, наверное, попробовала.

– Зачем же далеко ехать? Можно здесь курнуть.

– Здесь???

– У меня дома. Имеется отличная *ганжа*. – (На днях Петя Чел заходил проведать Макса на новой квартире и оставил скромный подарок.)

– Ну...

– Видно, день такой: всё по первому разу. Свинину ты уже поела...

– Свинину поела... Что ж... Если приглашаешь...

Вышло несколько неожиданно: Макс действовал спонтанно, без задней мысли и дальнего прицела. Но время было недетское, и ситуация приобретала неоднозначный характер. Впрочем, с Ципи ему было легко, Лане он никогда ничего не обещал и был, как ему представлялось, открыт любому повороту событий.

– Ты что, садистом заделался? – удивилась Ципи, спустившись за Максом в его полуподвальную студию.

Макс демонически расхохотался и снял со стены плеть:

– Сейчас накачаю тебя наркотиками и буду... пока еще не решил «что».

Макс передал плетку Ципи, а сам взял бонг, который под чутким руководством Пети Чела смастерил из пол-литровой бутылки и авторучки. Налив воды, он поместил в раструб несколько буро-зеленых крупинок конопли.

– Смотри и запоминай. – Щелкнув зажигалкой, Макс приник к горлышку.

Ципи присела возле него на диван и заворуженно наблюдала, как бурлит вода и молочно-белый дым заполняет бонг. Когда бутылка вновь стала прозрачной, Макс задержал дыхание, а затем медленно выпустил струю дыма в потолок.

Положив в раструб новую порцию, он передал бонг Ципи. Та с непривычки закашлялась, но в общем всё получилось.

Затем Макс повторил процедуру, после чего поставил в стереосистему диск: Малкольм Макларен – альбом «Paris».

– Что-то не действует, – нахально заявила Ципи.

– Не так быстро. Это же не свинина. Та сразу действует: раз! – и ты уже не еврей. А чтобы торчком стать, нужно подождать... несколько минут.

– Да... – с сомнением глядя на Макса, покачала головой Ципи. – Всё бы в тебе хорошо, но какой-то ты... шалопут. Помнишь, как мешок с «бомбой» пнул? Нас же тогда самих выпинуть с работы могли.

– Но это же был мешок с мусором! А я не могу относиться к мусору, как к чему-то иному. Лицемерие мне претит – на этом стою! – У Макса, по-видимому, началась стадия речевого возбуждения. – Нет, я могу, конечно, если мне за это платят – ну да, верно, нам за это, по большому счету, и платили – назвать черное белым. Но моя естественная реакция при виде мешка с мусором – его пнуть. Ибо другого он не заслуживает. И потом – обрати внимание – нас таки не выгнали. Значит, я сделал правильно.

– Просто повезло, – отрезала Ципи. – Ну ладно – тогда. А теперь? На нынешней своей работе ты ведь тоже не утруждаешься, как я поняла.

– Это точно – на нынешней работе в безделье я превзошел себя.

– Во-во. А перед этим еще и армию закосил. Почему это я должна в армии служить, а ты – нет? Да ты – саботажник! – Ципи вытянула в сторону Макса обвиняющий перст.

– Ну да, я – саботажник! – обрадовался Макс. – Хотя – с какой стороны смотреть. Вот я тебе расскажу: у нас, в смысле – у русских, был такой шпион в Германии, мой тезка, между прочим – Макс фон Штирлиц. Ну, там, вообще: война, немцы, Гитлер – ты в курсе, нет?

– Где уж мне, – сказала Ципи. – У меня дедушка, между прочим, погиб в концлагере.

– Понятно. Итак, Штирлиц: он там работал в своем гестапо, фашистам изнутри гадил. А в армии немецкой и вовсе не служил никогда.

Макс отлично знал, что Штирлиц работал *не* в гестапо, и вообще был литературным персонажем. Но это не имело значения: для него Штирлиц был живее иных «живых».

– Так вот скажи-ка мне, Ципи: ты бы упрекнула такого разведчика в саботаже?

– погоди. Ты хочешь сказать, что для тебя Израиль и фашисты – одно и то же?

– Я хочу сказать, что любая структура, навязывающая живому, от рождения свободному человеку искусственную функцию – будь то государство, армия... даже семья! – мой личный враг.

Макс слышал собственные слова будто со стороны. Но рассудок не отпускал, цепляясь за повисший без ответа вопрос:

– Так скажите мне всё-таки, фройляйн Ципора: можно ли упрекнуть Штирлица в саботаже?

– Но у него же, наверное, была миссия: он выполнял задание русских?

– Вот именно – миссия! Он выполнял задания Центра. Пока его беременную радистку потолочной балкой не припечатало. И остался Штирлиц без связи с Центром, и пришлось ему действовать на свой страх и риск, да еще радистку эту спасать...

Похоже, началась стадия смысловых галлюцинаций. Макс явилась *абстрактная вертикаль*: внизу он сам, над ним витает его чреватая младенцем душа, а дальше, еще выше, где-то в бесконечности – Дух. Душа – его радистка, единственная связь с вечным Духом, и ей предстоит либо умереть родами, либо выпестовать их дитя – надежнейшего из всех возможных *связных*. А Дух – необъятный, находящийся вокруг и, одновременно, внутри всего, его – покуда еще бесславного разведчика в тылу врага – Центр, его Родина – либо окажется утерян навек, либо низойдет и пребудет с ним, даровав *бессмертие*.

– Короче, – сказал Макс, с трудом прорываясь сквозь эти видения, – если кто и может упрекнуть меня в саботаже, то лишь Господь Бог. Жаль только – связь нарушена, непонятно, что вообще теперь делать...

Вырвавшись из-под гнета *абстрактной вертикали*, Макс узрел наконец конкретную горизонталь дивана, на котором сидит, между прочим, симпатичная девушка. И, возможно, скучает. А он тут грузит ее телегами. Зарядив баночку, он передал ее Ципи, на которую всё еще «не действовало».

– Вкусный, всё-таки, запах, – выпустив дым, сказала она. – И вообще, всё такое странное...

Ципи оглядела помещение и уперлась взглядом в «козырек» над шкафом.

– Антресоль не свалится? Чего это она на цепях висит?

– Это кровать.

– Кровать??? Ты там спишь? И как туда залезают?

– Вон лесенка.

Подойдя к лесенке, Ципи подергала поручень.

– И прикольно там спать?

– Каждая ночь – как последняя.

– Я должна туда залезть.

– Давай-давай... А говоришь «не действует».

Закарабкавшись, Ципи на четвереньках подползла к краю, подергала одну из цепей.

– Ка-ак рухнет...

– Не рухнет: двоих выдерживает, проверено.

– Двоих-то – конечно... – Девушка обвила руками цепь и прижалась к холодному металлу щекой. – А одной тут всё-таки страшно...

– Что ж, – обреченно произнес Макс, – придется тебя выручать...

Он взялся за поручень и поставил ногу на нижнюю перекладину лестницы.

В это мгновение разразился телефон. Часы показывали полночь.

Закончив на сегодня дела, Лана нарезала кубиками арбуз и устроилась на кровати с тарелкой и вилок. Наташа вернется после одиннадцати – надо не увлечься и ей оставить. Арбуз вкусно есть не спеша, отправляя в рот ломтик за ломтиком. Самое приятное – разливающийся в животе холодок. Никакими напитками, даже со льдом, этого не получишь. Израильский арбуз – он без косточек – не такой, конечно, ароматный и сладкий, как в детстве, в Киргизии. Но всё равно вкусный. А мама еще готовила соленые арбузы – в банках, на зиму...

Накануне, в среду, по пути с французского заезжал Макс, и они отправились на его новую квартиру. А утром разъехались каждый по своим делам. И чтобы встречаться два дня подряд – такого не бывало. Лана уже привыкла, что по понедельникам и средам он занимается французским, а после этого, часам к восьми заезжает к ней в общежитие.

Правда, однажды в один из «французских» дней Лана ждала-ждала. Все сроки вышли – часов девять вечера – и тут звонит: виноват, говорит, к друзьям после работы на минутку заскочил и плотно завис, даже французский пропустил, так что приехать сегодня не сможет. И что-то невероятное стал городить: мол, у друзей на чердаке живут крысы и голуби, которые между собой воюют, и что голуби – они хуже крыс, даром, что символы мира. И мирские символы теснят духовные по всем фронтам, а сам он – Макс – последний их – духовных этих символов – оплот...

Лана, конечно, обиделась немного, сказала, чтобы завтра позвонил, когда все духовные символы из его головы повыветрятся. Но на самом деле рада была, что всё-таки позвонил. Вообще, Макс (надо отдать ему должное) – явно не тот человек, который голову в песок станет прятать, как Руслан тогда. Если что, у него хватит духу закончить отношения по-честному, а не исчезнуть ни с того ни с сего, даже не объяснившись.

С Максом, конечно, не соскучишься: вечно что-то удумает. То заявился по-шпански одетый – не знала даже, что и сказать. Или взять хоть этих голубей с крысами – ну кому еще такое взбредет? А какую он снял квартиру! Только он, наверное, в подвале мог поселиться, чтобы на цепях подвешенным спать. Хотя там уютно. Как, впрочем, и на прежней его квартире. То есть – в *его* комнате. В самой-то квартире бардак был страшный. И народ подозрительнейший крутился: наркоманы какие-то, не пойми вообще кто. Хотя любопытно, конечно: совсем другие люди, в обычной жизни таких не встретишь. Жаль, что Макс не очень-то стремился меня с ними знакомить – стеснялся их, что ли? Или меня стеснялся? Про Лифту рассказывал, как там люди живут. Я бы с ним сходила, но он не предлагает. Не навязываться же... А сам всё ищет чего-то, покоя найти не может. Однажды, вообще! – звонит – на ночь уже глядя: готова, спрашивает, к забегу в ширину...

В дверь постучали. Лана оставила тарелку с арбузом и пошла открывать.

На пороге стоял Руслан.

– Привет.

– Здравствуй. – Лана была ошарашена, но пыталась это скрыть.

– Я без предупреждения, зато с серьезным разговором, – кривовато улыбнувшись, сказал Руслан. – Можно зайти?

Посторонившись, Лана пропустила гостя в комнату. Войдя, Руслан принялся озираться: он был очевидно смущен.

– Садись, не стой посередине, – Лана указала на стул, а сама села против Руслана на кровать. – Хотел что-то сказать? Забыл, наверное, поговорить два года назад?

Лана держалась холодно. Руслан явно нервничал.

– Понимаешь, – начал Руслан, – я тогда не мог... Нужно было во всем разобраться.

– И как – разобрался?

Руслан помедлил и, наконец, с трудом выговорил:

– Я понял, что хочу быть только с тобой.

– И что – ведьмы уже не боишься?

Руслана словно ударили.

– Ты... откуда ты знаешь? – Глаза его бегали.

– Неважно. Что еще ты хотел сказать?

– Ладно. – Загнанный в угол Руслан на что-то, очевидно, решился. – Расскажу тебе всё как есть.

Руслан откинул челку и вытер испарину. Затем сделал глубокий вдох:

– Короче, я тогда познакомился с одной девушкой и у меня с ней... ничего не получилось – ну, ты понимаешь... короче, не вышло. И вот, я тогда рассказал другу, а он говорит: твоя Лана – ведьма, заколдовала тебя, чтобы ты мог только с ней. Надо, говорит, тебе к бабке какой-нибудь специальной пойти, чтобы она, типа, отколдовала. Ну, в смысле, отворот сделала...

– И как – сделала?

– Нет, что ты! К бабке я не ходил да и вообще... Какие ведьмы?! То есть, с другой стороны, я, конечно, испугался, подумал: ну, мало ли... В общем, решил больше не звонить и не встречаться. И забыть.

– И как – помогло?

– Ну, в общем... нет. То есть – отчасти.

– В смысле?

– Ну, два года, всё-таки, прошло уже... Были... то есть была у меня подруга: всё нормально, вроде, сперва... Но ты из головы никак не шла: всё время перед глазами стоишь. И постоянно о тебе думаю. А потом мы с ней расстались...

– ...и теперь ты ко мне пришел.

– Ну, я извиниться хотел и, может... всё с начала начнем?

Лана машинально положила в рот ломтик арбуза и подтолкнула тарелку к Руслану. Но тот даже не заметил.

– Всё время перед глазами стоишь, – повторил он, глядя куда-то в пол. – Постоянно о тебе думаю...

– А ты *меня* спросить не хочешь: как я живу? – Голос Ланы дрожал. – Может, я уже не одна, может, у меня есть друг? Почему я должна тебе верить и всё бросать? А вдруг тебе опять что-нибудь примерщится?

– А у тебя есть друг? – встрепенулся Руслан.

– Представь себе, да.

– И какой он?

– Что значит – «какой»?

– Ну... какого он роста, например. – Развернув плечи, Руслан выпрямился на стуле.

– Повыше, чем ты... немного.

– Ладно. А машина у него есть?

– Есть.

– Какая?

– Такая, серебристая... Да какая, вообще, разница? При чём здесь машина?

– Погоди, я хочу понять... А что за марка?

Лана замялась, пытаясь вспомнить.

– Ну вот у меня, например, – ты ведь помнишь – «Хюндай-Лантра».

– Вспомнила: у него «Хюндай-Акцент».

– «Лантра» круче, – не скрыл самодовольства Руслан.

– Ты что, купить меня, что ли, решил? Торгуешься? С какой стати?! По-моему, наш разговор лишен смысла.

– Прости. Торг неуместен, я понимаю. – Руслан успокаивающе положил руку ей на колено. – Не сердись. Я просто пытаюсь представить. Больше не буду.

Руслан неуверенно погладил колено. Взглянул на Лану.

Она положила свою ладонь поверх его. Их глаза встретились.

Внизу громко хлопнула дверь.

Лана сжала руку Руслана, приподняла со своего колена и вернула хозяину. Затем встала.

– Думаю, мы обо всём поговорили и тебе пора.

Руслан тоже поднялся.

– Ну, значит, тогда... пока? – неуверенно произнес он.

Руслан вышел. Лана закрыла за ним дверь и села на кровать.

Дверь распахнулась, и в комнату ураганом ворвалась Наташа.

– Ланка! – с порога загремела она. – Мне почудилось, или я видела на лестнице Руслана? Никак – отсюда? По ступенькам скачет, весь такой довольный, улыбается. Чем это вы тут занимались?

Наташа погрозила Лане пальцем и только теперь увидела, что та плачет.

– Ты чё, Ланка? – Наташа села рядом и обняла подругу за плечи. – Да ну их всех! Покушай лучше арбузика. – Наташа сунула тарелку Лане под нос, но та замотала головой.

– Я... тебе... оставила... – всхлипнула Лана. – Я его прогнала... А он... постоянно... обо мне думает... Хочет быть... только со мной... Всё время... перед глазами стою...

– Что ты там бормочешь? Кто хочет? У кого стоит? – Наташа было захохотала, но осеклась. – Погоди-ка. Ты о Руслане, что ли? А как же Макс?

– Макс... никогда мне... такого... не говорил, – рыдала Лана. – Он даже... не верил... что бывают... соленые... арбузы...

– Не верил? – Наташа взяла тарелку с арбузом и опять сунула Лане под нос. – Поплачь, поплачь. А потом Макс солененького дадим – враз поверит. А что, взаправду бывают солёные арбузы?..

Наташа, с тех пор как однажды приняла участие в устройстве личной жизни подруги, чувствовала ответственность. А ее неумная натура требовала действия.

– Нужно позвонить Макс, – заявила Наташа. – Пускай приедет, успокоит!

– Я сама... успокоюсь... – всхлипнула Лана и упала лицом в подушку.

– Я звоню! – Наташа схватила трубку. – Быстро говори номер!

Телефон издавал резкие немелодичные звуки. Макс взглянул на сидящую на «антресолях» Ципи, сделал большие глаза и развел руками. Затем взял трубку.

– Это Наташа, подруга Ланы! – загремело в трубке. – Она хочет, чтобы ты приехал!

На затуманенные мозги обрушилось цунами, затем там вспыхнул пожар и что-то взорвалось.

– Сперва объясни, что случилось. Время недетское, положено спать. А те, кто не спят, должны соблюдать тишину. – Макс искал спасение в логике. – А те, кто не соблюдают тишину, должны по крайней мере объяснить, что...

– Срочно приезжай! – продолжала шуметь Наташа. – Лане нужно с тобой поговорить!

Макс немного разгреб оставшиеся после взрыва дымящиеся обломки и извлек из-под них кричаще-яркий образ толстоватой заполошной девицы. Накатила мутно-зеленая волна раздражения.

– О чём поговорить? И почему Лана не позвонит сама?

– Она... – В трубке послышались шорохи, и возник другой голос. – Это я. Привет.

– Привет, Лана.

– Ты можешь сейчас приехать? – Лана шмыгнула носом. – Или ты спишь?

– Уже не сплю. И хотелось бы понять, что стряслось. И почему вместо тебя звонят твои подруги.

Ципи, сидя наверху и ни слова не понимая, слушала этот и без того тарбарский разговор. Раздражение Макса нарастало и требовало выхода:

– Какого там еще чёрта твоя Наташа удумала?

– Ладно. – В голосе зазвучал упрек. – Давай тогда завтра поговорим. Спокойной ночи.

Но Макс уже по уши вляпался в оранжевую лужу любопытства и не мог этого так оставить.

– Подожди. Ладно. Я приеду.

– Приедешь? Ну, давай. Я тебя жду.

Нужно отметить, что Макс испытал облегчение и подъем. На смену ситуации, в которой он не был уверен, пришла четко очерченная миссия: надлежит отвезти девушку домой и мчаться на выручку (что бы это ни значило) другой девушке, которая его ждет.

Когда ты кому-то нужен – тоже романтика (пускай и иного рода, чем когда не нужен никому). И он будет лететь по опустевшему ночному Иерусалиму, вспарывая воздух и оставляя за собой клочья тумана. Будет втыкать передачи, топить газ и закладывать виражи. Он врубит музыку, и ветер будет хлестать в опущенное до упора окно. А по достижении цели парь каннабинола уже выветрятся из головы, и спокойный как удав, он будет в полной мере готов ко всему.

А ему следовало подготовиться ко всему, ибо можно лишь гадать, что понадобилось Лане в такое время. Фантазии достало на две версии (отчаянно лезущие друг на друга, подобно разыгравшимся аллигаторам): либо Лана намерена его отшить (неясно только, почему среди ночи), либо... она беременна (вряд ли, но... чего не бывает!).

Первое сулило перемены. А перемены он, по большому счету, приветствовал. Второе же... В голове промелькнул образ радистки Кэт, рыдающей у него на плече, двое младенцев на заднем сидении черного «Мерседес-Бенца»...

Всё это длилось мгновения.

– Извини, Ципи, срочно вызывает подруга, – сказал Макс, подбирая с дивана плетку и вешая на место. – Без понятия, что там стряслось.

– Окей, – с подчеркнутым безразличием произнесла Ципи и покорно спустилась с «антресолей». – Но домой ты меня, по крайней мере, отвезешь?

Макс постучался и вошел. Девушки сидели друг против друга – гость на полуслове прервал животрепещущий разговор.

– Привет, Наташа и Лана. Ничего, что я среди ночи? – благодушно-издевательским тоном поинтересовался Макс. – Что имеете сообщить?

– Пойдем на лестницу, – сказала Лана.

На лестничной площадке он уже серьезно спросил:

– Что-то случилось?

– Всё уже хорошо.

Произнеся эти слова, Лана улыбнулась, и Макс понял, что, по крайней мере первую версию можно исключить. Вторую тоже хотелось исключить, и как можно скорее:

– Ты ведь не беременная – ничего такого?

– Не беременная и ничего такого.

– Тогда рассказывай.

– В общем, приходил...

Лана замялась, на глазах выступили слезы. Макс обнял ее и прижал к себе. Лана влажно уткнулась ему в шею.

– Ладно тебе... Сказала ведь, всё уже хорошо. Выкладывай – умираю от любопытства.

– Приходил парень, с которым я... встречалась... давно. – Лана шмыгнула носом. – Он тогда исчез, а теперь... пришел извиняться.

– То есть хотел вернуться? – уточнил Макс. – И у тебя был нелегкий выбор. И ты выбрала меня.

– Нет. То есть – да.

Макс был доволен своей сообразительностью, не разумея лишь одного:

– Но почему же так срочно понадобился я?

– Я думала... тебе нужно знать... – Лана всхлипнула. – Он сказал... что я... ведьма... Я ведь... не ведьма?

Макс отстранился и принялся рассматривать Лану на предмет бородавок, метлы и еще чего-нибудь подозрительного.

– Не ведьма, – заключил Макс и поцеловал ее в мокрое лицо. – Какая же ты ведьма? Может, ему по роже за такие слова? «Ведьма»!

Макс пока еще не особенно верил в настоящих, не сказочных ведьм. И доведись ему наблюдать выражение на лице бодро сбегающего по ступенькам Руслана, он бы едва ли догадался о причинах его улыбки.

Момент, между тем, был переломным.

В ту ночь они поехали к Максусу домой и провели там все выходные. Не было повода расставаться, да и не хотелось. За год знакомства они впервые провели столько времени вместе: валялись в постели, смотрели телевизор, вкушали пищу и пили вино, а затем снова залезали в висящую на цепях кровать.

И был вечер, и было утро: день первый, и день второй. И было им хорошо весьма.

Макс не хотел бы, чтобы создалось впечатление, будто его история надумана и эпизоды притянуты друг к другу за уши. Но совпадения не могут, конечно, не удивлять. Особенно если верить, что под покровом очевидного не существует скрытой механики (сам же Макс лишь начинал подозревать о спрятанной от глаз, эзотерической изнанке). Но если допустить, что в наших судьбах замешаны и иные, невидимые силы, многое встает на места.

Совпадения происходят в жизни каждого, но лишь единицы берут на себя труд их осмыслить, сопоставить, увидеть их неслучайность. Взглянуть с высоты птичьего полета.

Макс был наивен, верил в случайные совпадения и случайные связи. А большинство *связей* предпочитал и вовсе не замечать. Он верил, что ведьм не существует, а то, что происходит – просто происходит. Верил, что он сам – этот долговязый субъект о двух руках и ногах – единственный хозяин своей жизни. Возможно, у него не доставало опыта – материала для осмысления. А может, еще не настало время.

Но ему перевалило за 25, процесс запустился. Миропониманию, и как следствие, всей его жизни предстояло вскоре перемениться.

***

Начальница наконец снизошла и наделила сотрудника представительскими полномочиями. Теперь раз в неделю Макс ездил в Тель-Авив и присутствовал на Врачебном Совете, где высокопоставленные доктора обсуждали целесообразность новейших дорогостоящих процедур.

Формально миссия представителя министерства сводилась к тому, чтобы передавать в «центр» возникающие на заседаниях финансовые вопросы. На деле же всё решалось чиновниками иного уровня и без его посредничества.

На собраниях медицинских светил Макс испытывал двоякое ощущение. Являясь представителем власти, одновременно он чувствовал себя ошибившимся дверью. Иногда он примыкал к комиссиям, инспектирующим медучреждения в разных уголках страны: комиссию неизменно принимали с подобострастием и кормили обедом. В остальные дни Макс откровенно бездельничал за компьютером.

Тем временем один из поступивших на работу вместе с ним ребят стал помогать Ариэлю в его нелегком труде и, подобно своему патрону, увяз в работе. Было похоже, что и ему рано или поздно потребуется помощник.

Другой новичок тоже выискал себе нишу: суегился, громко разговаривал по телефону, слал и получал факсы, подряжал секретаршу отстукивать какие-то документы.

Трудно сказать, осознавали ли коллеги абсурдность происходящего, ибо даже способный видеть неочевидное Ариэль парадоксальным образом считал свою деятельность нужной и занимался ею с неподдельным энтузиазмом.

Максу же участие в этом фарсе претило. Ему вообще многое в жизни претило: с юных лет в нём бурлила священная злоба – спонтанная реакция на несовершенство мира, его абсурдность и царящее лицемерие. Злоба редко выходила наружу, являясь при этом (а возможно, именно благодаря этому) одним из важнейших движителей его жизни.

Просиживая штаны в Минздраве, он имел возможность, сопоставляя и анализируя, вывести из частного общее – увидеть за деревьями лес. Министерство находилось в фокусе силовых линий государства, так что Макс оказался в центре метафизической паутины. Он был одновременно в ней, но и, в силу намеренной отстраненности, вне ее.

Иллюзия, что государство (любое) существует для людей, рассеялась. Когда-то люди служили царям, («Слуга царю, отец солдатам...»), а цари – Богу. Покуда существовал этот порядок, мысль, что возможно иначе, едва ли кому приходила. Чтобы *цари* служили кому-то ниже Бога?!

Но вот иерархия поставлена с ног на голову, и народ, ожидая, что цари станут ему служить, неизменно оказывается разочарован. Хотя современным «царям» приходится в меру сил служение народу изображать.

Аналогична природа бытующего представления, что и Бог что-то должен людям: быть справедливым, мудрым, добрым, любить людей... Соответствовать человеческим о нём представлениям. Бог *должен*? Людям?! Каково богохульство!

Макс ясно видел, что система использует людей и сотрудничает с ними лишь поскольку это необходимо ей. Наделяя обязанностями, она делает рабами. Давая права, лишь закрепляет статус раба.

Государство служит и эволюционным механизмом – исполинским прессом, «по капле выдавливающим раба». Отжимая аморфную человеческую массу, «машина» оставляет сухой остаток потенциально свободных людей – немногих, в ком этот потенциал есть.

Но даже если он один из этих немногих – как этот потенциал реализовать?

Макс ощущал себя в ловушке: покинуть синекуру не представлялось возможным – это означало бы отказ от всего, к чему он так долго стремился. Отказ от того, к чему стремятся все. А главное, какова альтернатива? Кто поручится, что другая работа придется по вкусу? Будет ли лучше, если его вынудят целыми днями заниматься какой-нибудь деятельностью, изображая рвение и энтузиазм?

Возможно, ответ лежит в иной плоскости – не в плоскости работы? Вернее, *работы*, но не в том смысле, к которому мы привыкли?

Макс пошел в кружок по изучению *каббалы*. Будучи, вне сомнения, профанацией, такие кружки являлись единственной возможностью для жаждущих и нетерпеливых душ хоть как-то приобщиться к *знанию* (настоящее изучение *каббалы* происходит в *иешивах*, и к нему допускаются достигшие сорока лет женатые мужчины, прошедшие уровни посвящения).

На занятиях Макс познакомился с Ольгой – разносторонне образованной и продвинутой девушкой. Она разделяла его воззрения, а после того как тот выдал фразу «права – удел рабов» (с некоторых пор вопрос *удела* стал для него жизненно важным; а где были «права», там незримо присутствовал и дающий эти права хозяин, и возможность их лишиться), Ольга заявила, что тот шпарит прямо по Ницше. Макс открестился, ибо дошел до этого сам, а Ницше и в руках не держал, предпочитая философии художественную литературу. Ольга возразила, что Ницше – не философ в полном смысле слова. Скорее, поэт. Макс пообещал как-нибудь почитать.

Через несколько дней, зайдя на прежнюю квартиру к друзьям, он застал Петю Чела. Тот вертел в руках книгу Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра».

– Подарили, – сказал Чел. – Смотри, надпись: «*Пете – сверхЧЕЛОВЕКУ*». Подхалимы!

– Дай почитать, – ухватился Макс.

– Для тебя и принес...

Читая «Заратустру», Максу казалось, что он эту книгу пишет, за каждой строчкой предвидя следующую. Подобно Ницше (да будет сравнение уместным), он стремился продумать свои чувства до конца. Он верил, что жизнь не обязана быть медленным и мучительным самоубийством – в ней может заключаться иной смысл. Само отвращение давало ему крылья и силы, угадывающие чистые источники.

Мир – это скорбь до всех глубин,

Но радость глубже бьет ключом...

Книга произвела сильный эффект – Максу даже почудилось, что еще немного, и он поймет, что делать. И немедленно сделает.

Боль в сердце следовала за ним повсюду, причиняя дискомфорт, не позволяя забыться и с головой погрузиться в иллюзорное благополучие.

Наследница врачевательных традиций средневекового талмудиста Рабби Моше бен Маймона (в просторечье – Рамбама) – темноликая пожилая Юдифь обитала в многоквартирном доме одного из новых районов Иерусалима. Договариваясь по телефону, она наказала Максу купить в зоомагазине самца голубя.

Уложив пациента на кушетку, знахарка велела заголить живот, и два часа удерживала, прижимая к солнечному сплетению, голубя – до тех пор, пока глаза птицы не заволокло синеватой пленкой. Дохлого голубя Юдифь кинула в мусорное ведро, а перепачканный пометом живот пациента вытерла салфеткой.

Поднявшись с кушетки, Макс понял, что боль ушла. Попрыгал на месте, крутанулся – не болит! Расплатившись со знахаркой, он вышел на улицу.

Охватила эйфория: здоров!

Доехав до дома, он припарковался и заглушил двигатель. Внезапно настроение изменилось: им овладел небывалый, парализующий страх. В мгновение Макс покрылся отвратительно-липким пóтом.

Боль последние годы была его неизменной спутницей. С ней он проделал немалый путь, у нее учился и стоял уже на пороге открытия. Но теперь он здоров – здоровье досталось на дармовщину. Выходит, всё хорошо, и завтра опять на работу – влачить постылую жизнь до пенсии? Лучше уж быть больным!

Макс вышел из машины. Боль вернулась: каждый шаг привычно отзывался в сердце. Он шел домой и был не один – он ощущал *присутствие*. И каждый шаг, помимо боли, отдавался почти осязаемым посылом: жизни не бывать прежней – она изменится, обязательно, скоро.

***

Потянуло в лес. Отправиться в лежащие за Лифтой Иудейские горы и там заночевать!

Вроде бы незатейливый план настолько не вязался со всей Максовой жизнью, что исполнение граничило с невозможным – требовался *подвиг* (слово, происходящее от глагола *двигать* – означает, что от *подвижника* требуется *раздвинуть* границы возможного).

На умозрительный взгляд – что проще? На деле же... С компанией – да, на рыбалку или пашлыки – пожалуйста. Родина прикажет – готов! Но без видимой цели и в одиночку?..

Рассудок твердил: ты же не дикий зверь – ночевать в лесу одному. Шакалы с гиенами. Комары. Заблудишься и не вернешься. Сгоришь на солнце, а ночью замерзнешь. Прокатись лучше на машине, с подругой. Сходи к друзьям. Да попросту отдохни перед телевизором!

Лавину рассудочных доводов необходимо было отметить беспощадно.

Он никого не посвящал в замысел: проекция фиксированных представлений о нём друзей и их скепсис дополнительно затруднили бы задачу. После истории, где фигурировали Ципи с Русланом, отношения Макса и Ланы заметно изменились. Они даже съездили в Синай: поплавали среди коралловых рифов, дождались рассвета на горе Моисея (бедуины предлагали за Лану верблюдов, но сделка не состоялась). Теперь они проводили вдвоем практически каждые выходные, за исключением тех, когда девушка навещала родителей в Назарете. В общем, Лане тоже (и в первую очередь) не следовало знать о готовящемся походе в Иудейские горы.

Годы спустя, когда он уже привычно произносил «подвиг», ставя ударение на «и» во избежание искажения смысла бытовой затасканностью этого прекрасного слова и чувствуя себя вправе создавать и использовать смещающий ударения «профессиональный» жаргон, он вспоминал тот период, отдавая должное первому, пускай и смешному, но породившему цепную реакцию, подвигу.

И был день: в одну из пятниц Макс собрал рюкзак, спустился в Лифту, прошел ее насквозь и оказался на тропе, уводящей в холмы. Стоял май, кругом зеленело: природа еще не успела выгореть и увянуть.

Идти было радостно: город и всё с ним связанное осталось далеко позади, будто и не существовало на свете. Временами он садился и отдыхал, и снова шел. Он пересекал лес и выбирался на открытое пространство, всходил на холмы и спускался в долину.

Когда тропу, ведущую через плотный колючий кустарник, преградил завал бурелома, Макс попытался обойти бурелом и завяз в кустах. Проломившись сквозь них, он почти сразу же вновь застрял. Выбравшись из кустов, он понял, что потерял тропинку, и двинулся на закат.

Теперь ему регулярно приходилось проламываться через всё новые и новые заросли, пока наконец, весь исцарапанный, он не выскочил на крошечную прогалину: над крутым, метров тридцати высотой, обрывом нависал поросший травой пятачок. На краю полянки росло огромное дерево. Возле дерева оставалось достаточно места, чтобы устроить бивуак.

Солнце садилось, и Макс понял, что лучшего ночлега не найти. С трех сторон полянку защищал непролазный кустарник, с четвертой – обрыв. Правда, напротив, за обрывом – холмы, и костер будет виден с этих холмов за многие километры. Но здесь он в безопасности: влезть на обрыв практически невозможно. Да и некому.

Макс скинул рюкзак, натаскал хвороста и развел огонь. Когда набралось достаточно угляй, он отгреб горящие сучья и закопал в углях несколько картофелин.

Мир накрыла черная субтропическая ночь.

Здесьней реальности всегда не хватало полутонов: ночь кончается – наступает слепящий день, кончается день – падает непроглядная ночь. Когда-то – в другом месте, другой жизни – было иначе: длинные сумерки, длинные рассветы, играющие всеми цветами зори. Всё это далеко. Или давно. Это было, а может – будет. *Вот бы вспомнить.* А здесь – между «было» и «будет» – только ночь. И одинокий костер в ночи...

В кустах послышался шорох. Шорох сопровождался треском. Треск становился громче. Через кусты кто-то неудержимо ломился. Макс инстинктивно сжал палку, которой ворошил костер. Но страха не было.

Из кустов выломилась черепаха и подползла к огню. В ее глазах полыхало.

– И чего ты тут забыл? – проворчала Черепаха.

– Как раз пытаюсь вспомнить.

– Города тебе, что ли, мало?

– Города мало.

– Ишь... огонь тут развел...

– Я скоро уйду.

– Ладно, я так... Ворчу по-стариковски. *Спрашивай.*

Макс подкинул в костер пару сучьев.

– Ну, смотри: вот я. У меня всё есть. Вообще всё. – Макс сделал жест, указав на себя, вокруг себя и куда-то в направлении города. – Но в этом нет никакого смысла. Никакого. Моя жизнь... Она ходит по кругу и никуда не ведет. День сурка.

– Допустим. Дальше?

– Я разлагаюсь и гнию заживо, думаю о самоубийстве... Но я чувствую, знаю, я уже почти *вспомнил*, что можно жить иначе, со смыслом.

– Ну и?..

– Нужно что-то решать.

– И чего тянешь?

– Я не знаю, что делать... Что делать?!

– Ты знаешь. – Черепаха хмыкнула, словно раздумывая. – Ладно, Ч-Чернышевский, так и быть – подскажу. Только тогда уж вынемли и не прерывай. А паче – взвидь и виждь.

В костре что-то стрельнуло и рассыпалось искрами, а Черепаха затянула монотонным речитативом:

Будет черепицей крыт зеленый дом.

Будет Кустурица и Брегович в нём.

Будет Дэвид Боуи про майора петь.

Будет по субботам в дверь стучаться Смерть.

И тогда по лужам прилепает Тарзан.

Из сумы достанет маленький казан.

(В казане под крышкой булькает, кипя.)

«Это зелье, – скажет, – друже, для тебя.

С этим зельем Рокки Драгу победил.

Мафию обставил Данди-Крокодил.

Карлос Кастанеда – тот нагвалем стал.

До чего же, морда, ты меня достал!»

– Когда это я тебя достал? – возмутился Макс.

– Да не меня. Себя! Себя самого ты уже достал.

– Но к чему это всё?

– Ты бы, наверное, хотел услышать что-нибудь попроще, вроде «не грусти»? Но ты ведь не индеец племени яки. Ты же ашкеназский еврей, твою-то мать! Представитель самого развитого этноса на Земле. Пора уже начинать соображать, читать между строк. Я вот не спрашиваю у тебя, при чём здесь день сурка. Хотя в кино уже сто лет не была. Буквально. – Черепаха подмигнула. – Что ж, для особо туповатых, поясню: Черепица – это я и есть, так меня ласково кличут. По крышам мастерица: ремонтирую, у кого прохудилась, на место водворяю, коли ветром снесло. Кому крышу для своего кровного, али паче вековечного дома ставить – снова ко мне.

– Крышу снесет – ясно. А про стук в дверь?

– Этот *зов* не по моей части. Но для тебя наступает время цыган: пора выбираться из подполья, воплощать аризонские сны, становиться сталкером, выходить в открытый космос. А там, когда жизнь твоя побулькиет да покипит, и состоится *встреча*.

– Со Смертью?

– Хоть что-то скумекал. – Черепаха покивала головой. – Но торопиться не след: тебе еще в здешний культурный слой лепту внести. Так-то вот, сынку. Ну, бывай.

Черепаха рванула с места и в мгновение исчезла за краем обрыва. Макс ждал, что раздается шлепок, но было тихо. Лишь сучья потрескивали в костре.

Час 8. Ничего не значил

Я на поверхности?!

Голова над водой, кругом вода.

Да, это поверхность.

Дыхание ровное, даже не запыхался.

Как долго я пробыл под водой?..

Внутри тоже вода: в животе словно булыжник лежит...

Рвет водой. Поток! Извержение! Лавина!

Ффу... Полегчало.

Снова рвет! И звуки такие смешные: «блэ-э, блэ-э». Словно школьник изображает блюющего пьяницу: «блэ-э-э!». Умора.

Смеяться способен?! Однако ситуация аховая. Застрял между мирами: ни туда, ни сюда.

Где луна? Зашла?! Недавно, вроде, высоко стояла... Сколько же времени прошло?

Кажется, светлеет. Заря? Утро?

То есть я в воде уже часов восемь? По ощущениям – гораздо меньше. И чувствую себя огурцом – прямо как новый.

Рассеянно глядя в монитор, Макс трогал языком обожженное печеной картошкой нёбо. Отслоившаяся и свисающая с нёба кожа скатывалась и обрывалась.

– *Осэ хеибон нэфеш* (подбиваешь душевный баланс)? – прищурившись на Макса, спросил заглянувший в кабинет Ариэль.

– Заметно? – встревожился Макс и поспешил отшутиться: – Министерство, – он постучал указательным пальцем по лбу, – готовится к расширению штата.

Он чувствовал себя странно: внутренним оком он методично, один за другим ощупывал свои «активы» и не находил точки опоры. Всё прежде важное казалось каким-то... ненастоящим.

Вот, например, эта работа: это же вообще не работа!

Или взять статус – что это за ерунда?! То, кем, по твоему мнению, считают тебя другие? Сущий бред.

Автомобиль – этот краеугольный камень видимого материального благополучия? Даже не камень, а ржавеющая железка, пускай изящная и в чём-то даже любимая, но – неверная и капризная, требующая неоправданного внимания.

Пресловутая самостоятельность, так называемая «свобода», к которой столько стремился? Где она? На деле – чем дальше, тем больше зависишь от всего на свете: от людей, вещей, денег, мнений...

Ага, деньги! Вот нерушимая твердыня! Деньги, эти... даже не бумажки, а циферки в банковской распечатке, перед которыми ни в коем случае не должен появляться значок «минус» (и который, то и дело появляясь, вгоняет тебя в липкую панику). Вокруг этих самых циферок и крутится вся моя, с позволения сказать, жизнь.

Не, ну всё же деньги – это важно: ими оплачивается отдельное жильё. Приходишь домой, когда захочешь, а там – холодильник, двуспальная кровать, телевизор... Нет, неубедительно.

В «активах» еще подруга: добрая, уютная, приятна взгляду. Безотказна во всех отношениях, сама же много не требует. И что же – держаться за людей, за отношения с ними? За женщин? Что эфемернее отношений?!

Итого: прежние ценности разрушены. Терять нечего, внутри пустота. И пустота делает легким, словно бы поднимает над собой, над всем миром.

Но вот беда: природа не терпит пустоты.

Прошло сколько-то непонятных дней. Загадочный процесс по «подбитию внутреннего баланса» завершился. И внезапно всё осветилось: Макс знал – и знал, оказывается, уже давно, – что ему делать: он отправится в путешествие!

Жизнь наполнилась смыслом. Нужды суетиться не было: он покинет синекуру в конце декабря, как только истечет срок ежегодного контракта. Еще полгода в министерстве, но совершенно уже с другим настроением: в конце туннеля сияет ярчайший свет!

В само путешествие он отправится к лету, и оно будет долгим: ни единой причины ограничивать себя временем. Для начала отправится в Европу, станет перемещаться автостопом и пешком. Зимой – жить в городах, летом – на природе.

Денег – после продажи машины и погашения кредита – едва ли останется много, но на авиабилет до Европы хватит. А там... Он сумеет заработать на жизнь: сезонными работами, по мере необходимости. Вживаясь в новые места, знакомясь с людьми, занимаясь тем, что ему интересно, он будет познавать мир – во всём многообразии.

Когда Европа будет изучена, он двинется на восток – в Индию. Затем... Да что загадывать – мир необъятен! Мира хватит надолго, но рано или поздно он приведет ищущего туда, куда должно прийти, и там... там уже станет ясно, что дальше.

Путешествовать – как мог он забыть? Он ведь хотел этого всегда, по крайней мере с тех пор, как... Теперь уже и не вспомнишь, когда это началось. Ну, положим, со знакомства с тем южноафриканским путешественником в кибуце. Впрочем, еще прежде, покидая Россию, он отправлялся по сути за приключениями.

Прошло уже восемь лет – чертова уйма времени – с тех пор, как он, выпав из родительского гнезда, ведет самостоятельную жизнь. И во что это вылилось? Вначале мир поманил его, указал на возможность собственного пути, но немедленно отвратил, соблазнил – кинул ерзать в накатанной чужой колее: все эти университеты, министерства...

И что же, все эти годы – зря, и жизнь начинается лишь сейчас? В любом случае, теперь он – стреляный воробей. Теперь его на мякине не проведешь: не соблазнишь и не отвратишь от *своего* пути. Отныне всё будет иначе!

Между тем, мякина для воробья уже была заготовлена, и не только заготовлена, но и рассыпана.

Сообщить подруге о грядущем расставании было непросто: объясняясь, Макс чувствовал себя немногим лучше персонажа Михалкова наутро после того, как тот пропел Бесприданнице «мохнатого шмеля».

Лана изменилась в лице, а овладев собой, заявила, что поедет с ним. Неважно куда. Пришлось изыскивать аргументы, прибегать к метафорам («это только мой путь... на нём нет места двоим...»). Слова – словами, но правда в том, что он искал *новой* жизни, а Лана, сколь ни была ему дорогá (а к этому времени она уже была ему дорогá, хоть он и убеждал себя в обратном), была частью жизни *прошлой*, ее средоточием и олицетворением.

Макс был готов к тому, что, узнав о его намерениях, Лана тут же его покинет, нанеся тем самым превентивный удар. Либо станет устраивать сцены с уговорами, слезами, упреками... Но после того разговора они не возвращались к теме отъезда и вели себя так, словно над ними не навис этот дамоклов меч и им не предстояло расстаться через несколько месяцев навсегда.

Лана словно установила табу, Макс же лишний раз поднимать вопрос своего отъезда было бы и вовсе глупо и даже бестактно. Возник своего рода «заговор молчания».

***

– Есть тема, – с порога принялся выкладывать Петя Чел. – Пеликан тут ездил кое-куда, недавно вернулся. Они там десять дней молчали, мяса не ели, и с ними что-то делали. Вернее, они сами там что-то делали – я не очень понял, мы на ходу перетерли... Пеликан аж светится и очень советует. Съездим, приколемся?

– И сколько стоит? – спросил прагматичный Макс.

– Бесплатно!

– Не может быть. Десять дней кормят и спать укладывают, и всё халява?

– У них фишка: платят те, кто хочет, да и то не раньше, чем пройдешь десятидневный курс. Короче, вот номер. Позвонишь, узнаешь и мне расскажешь. Съездим вместе – будет ништяк! Всё, я побежал: люди ждут. Доктор едет-едет сквозь снежную равнину-у... – пропел он уже в дверях.

Макс позвонил и получил по почте брошюру. И понял, что это именно то, что ему нужно – и нужно как раз сейчас. Организация называлась «Випассана», что на древнеиндийском языке пали означает «виденье вещей такими, каковы они есть». Это интриговало само по себе, ибо с некоторых пор Макс всерьез подозревал в фатальной ущербности собственное (и человеческое вообще) восприятие мира.

В брошюре подчеркивалось, что организация не является сектой и учеников ни в коей мере не станут склонять к какой-либо религии. И всё бесплатно! (Не то, чтобы Макс так сильно любил халяву, но резонно считал, что истинные ценности купить невозможно.) В ходе интенсивного десятидневного курса участников обучат технике медитации, посредством которой те очистят ум. Это, в свою очередь, избавит их от страдания. Жизненные невзгоды станут нипочем, и начнется безмятежная и счастливая жизнь. Чего же еще желать?

Максу вспомнилось, как в детстве он мечтал о некой машине или, быть может, таблетке, которая бы «отключала» человека на то время, когда он занимается нелюбимым делом. Тогда он – Максим – мог бы ходить в школу «на автомате», не испытывая мучений, а «включаться», скажем, на выходные и во время каникул. И еще на передачу «В гостях у сказки» и очередную серию мультика «Капитан Врунгель»... Похоже, мечта вот-вот сбудется: он обретет вожденную таблетку.

Помимо строжайшего кодекса дисциплины и распорядка, предусматривавшего более десяти часов сидячей медитации в день и ежевечерние, записанные на видеокассеты лекции Учителя, в брошюре имелась статья, повествующая о самом Учителе – индузе с фамилией, похожей на украинскую. Рассказывалось в частности, как посредством указанной медитации тот излечился от, казалось бы, безнадежных психосоматических головных болей. Это окончательно купило Макса, ибо боль по-прежнему колотилась в его сердцевине.

Пустота, с недавних пор зияющая в душе, жаждала быть заполненной. Не мешкая, Макс записался на десятидневный курс медитации, начинающийся 3-го января 1999-го года – сразу после того, как незадавшийся экономист Министерства здравоохранения покинет службу.

На десятый день курса, после завтрака и сеанса медитации, когда сняли обет длившегося более девяти дней Благородного Молчания, Макс и Петя Чел вместе с десятками других учеников вышли из медитационного зала во внутренний дворик центра Випассаны.

В ушах еще звучало напутствие Учителя: делиться с окружающими радостью, сострадать живым существам, нести в мир гармонию, доброту и любовь... Макс как раз собирался убит

Чела: долгие дни и ночи он представлял, как, ухватив за ненавистные патлы, будет долбить гада рожей о стену, пока не превратит в кровавое месиво. Предаваясь сладким видениям, он не подозревал, что Петя замышляет нечто похожее. Давление в котле зашкаливало: копящаяся с начала курса (а, может, с начала жизни) злость клокотала, ища выхода.

– Ты чо, сука, выёбывался?! – таковы были первые слова Макса. – Чо выёбывался?!!

Выставив кулаки, он двинулся на Петю.

– Чо?! – Петя принял боевую стойку. – Аниччо!

Оба безудержно расхохотались: слово на языке пали «*аничча*» троекратно произносилось Учителем при инструктажах, вбивая в головы учеников основополагающую доктрину буддизма – переменчивость и непостоянство мира. *Аничча, аничча, аничча* – изменяется, изменяется, изменяется.

Во всё еще бурлящем котле давление начало спадать.

– Ты зачем, гад, за руку меня хватал? – сквозь смех проговорил Макс, продолжая наступать.

– На часы хотел посмотреть, время узнать! А тебе жалко было? Жалко?! Чего руку выдергивал?!!

– Так нельзя же друг друга касаться! Торчок!

– Сам торчок!.. Правда, что ли, нельзя?

– Правила не читал, идиот?! «Друг друга»! Я тут кошку во дворе погладил, так в секунду администратор как из-под земли выскочил: «животных не трогать!»

– Так это тогда объявление повесили? «Кошек не гладить – необходимо воздерживаться от чувственных удовольствий»? Думаю: что за бред?

– Ладно! А кто яблоко в столовой упёр, точил в комнате у меня под носом?! Кто?!

– А что, тоже нельзя?

– Ну ты раздолбай! – Макс убрал кулаки и улыбался теперь во всю варежку. – Разок бы хоть правила прочел. Тут ведь вообще ни хрена было нельзя: любой контакт запрещен, даже взглядом. Хавчик брать в комнату, кормиться в неурочное время... А ты всю дорогу какие-то знаки мне подавал, заначки в тумбочке делал, хомячил вечно у всех на виду – от медитации отвлекал. И кто ты после этого?

– Я? Свободный человек! – заявил Петя. – Плевал я на правила!

– Во дает! Ты ж меня сам сюда затащил, – возмущился Макс.

– Конечно. Тебе не понравилось?

– Понравилось. Хотя жесь была страшная.

– Не то слово! Покруче любого трипа. Сила!

– *Сила, самадхи, панья!* – сорвалась с языка многократно повторяемая Учителем буддийская триединая формула: добродетель, осознанность, мудрость.

Остальные ученики с удивлением и некоторой опаской наблюдали эту перепалку на непонятном языке, пересыпаемом терминами на пали – языке, которым говорил Будда.

Хотя люди и прожили бок о бок много дней, всем еще предстояло перезнакомиться. Постепенно начали завязываться разговоры, и вскоре двор наполнился гвалтом: сдерживаемая в течение стольких дней жажда общения нашла выход. От разговоров с отвычки саднило горло, но остановиться и замолчать было трудно: хотелось говорить не переставая.

К вечеру Макс обессилел и осип, да и с другими происходило похожее: к эйфории, охватившей учеников с утра, примешивалась странная нервозность и дрожь.

С «Випассаны» он вернулся законченным неофитом. Зияющая на месте прежних ценностей пустота зияла недолго и разом заполнилась: Макс стал обладателем готового, универсального, тщательно выверенного пакета ценностей.

Для начала, подражая тембру голоса Учителя, действительно замечательному – невероятно низкому, рокочущему на грани слышимого, он исполнил Лане Мантру Прибежища, которую разучил на курсе, принимая прибежище в трех буддистских *ценностях*: Будде, буддийском учении (*Дхамме*) и буддийском сообществе (*сангхе*).

Буддхам саранам гаччами.

Дхаммам саранам гаччами.

Сангхам саранам гаччами.

Это был, конечно, не «бедный ёж», но Лане понравилось: она даже куснула новоявленного буддиста за ухо.

Как свойственно неопиту, Макс виделось, что полученное знание следует распространять. Ведь адепт желает всем блага, тогда как благо ищут не там, где следует! И долг посвященного – указать заблудшим истинный путь.

Под маской благожелательности у прозелита обыкновенно кроется чувство превосходства. Вдобавок обладатель навязанных, *чужих* ценностей не бывает по-настоящему уверен в своей правоте: подспудно сомневаясь, желает утвердиться, уверовать до конца, старается, чтобы как можно больше людей думали и делали как он.

На протяжении последующих месяцев, вплоть до отъезда за границу, Макс много рассказывал и Лане, и своим друзьям о Випассане – но едва ли кому-то помог. И однажды ему станет стыдно. К счастью, в его характере изначально не имелось столь необходимой прозелиту навязчивости и веры в собственную непогрешимость – иначе бы он и вовсе, наверное, сгорел со стыда.

Существуют ли те, у кого есть *свое*? Кто по-настоящему *работал*, собирая сокровища по крупицам? Или нашел предназначенный только ему клад? Ведь истинных владельцев сокровищ не интересуют ни деньги, ни авторитет, им не придет в голову навязываться и поучать. Как же их найти и узнать?

Новообращенным предписывалось медитировать по одному часу утром и вечером. Неделю Макс продержался: сперва сидел с удовольствием. Затем – без удовольствия. Стал находить причины для пропусков. И наконец бросил.

Между тем, после курса медитации он себя чувствовал на удивление. Правда, боль в груди не прошла. Но боль – лишь ощущение, ее необязательно оценивать, тем более оценивать негативно. Макс *смотрел* на боль, созерцал ее, думал: «боль». Теперь это происходило автоматически и было колоссальным облегчением.

Ушла и злость – горой с плеч. Десять дней курса оказались невероятно тяжелыми: швыряло из огня да в полымя, редкие моменты эйфории и беспричинного счастья сменялись затяжными периодами нарастающего страдания. Всё раздражение, копившееся двадцать восемь лет жизни, снялось с места, поднялось и клокотало под крышкой черепа. Злость искала и не находила выхода, причиняя невероятные мучения (схожие ощущения испытывали многие, но казалось, ты единственный, кто действительно страдает). А тут еще этот Петя Чел! В последний день курса страдание достигло апогея, но клапан своевременно открыли, и злость испарилась, словно и не бывало.

Теперь, чтобы вывести его из себя, вызвать гнев или раздражение, нужно было постараться. Пройдет время – годы – и он спросит себя: злость ушла, но что ушло с ней? Не утратил ли он и *священную злость* – основной движитель его жизни?

Випассана лезла теперь отовсюду. Включив телевизор, он застал концовку фильма «Рокки 4». Рокки с Иваном Драгой настойчиво молотили друг друга по головам, после чего Сталлоне с разбитой физиономией двинул речь: «Я изменился! Вы изменились!! Мы все можем измениться!!!»

«Аничча, аничча, аничча», – прозвучало у Макса в голове. За время боя Рокки постиг истину: если настойчиво бить по черепу, наступает просветление. Недаром дзэнские учителя практикуют битье бамбуковой палкой!

Макс извлек заложенный в книгу листок со стихотворением, записанным майской ночью у костра над обрывом. «С этим зельем Рокки Драгу победил...» Уже более полугода он силился разгадать послание.

Уволившись и пройдя курс Випассаны, Макс увидел, насколько был прежде *беден*. Раньше ничто не давалось легко, за всё приходилось бороться, часто впустую. История с «парижской мечтой», цветочницей и пропоротой шиной была показательна. А сведущая во многом Ольга-каббалистка называла жизненный расклад Макса «плохой кармой», ссылаясь на его прошлые жизни. Теперь же всё шло в руки само, карма словно подчистилась.

Несмотря на зимний сезон и общий упадок рынка, машина продана на удивление выгодно, и после возврата кредита осталась немалая сумма. Вдобавок выяснилось, что министерство выплачивает своего рода отступные. Вкупе с пособием по безработице, которое полагалось первые полгода после увольнения, это выливалось в изрядный куш.

Пока Макс работал, у него не было даже намека на финансовую свободу. Теперь «состояние» его с каждым днем возрастало. Перестав работать – совершив «экономический суицид» – он внезапно разбогател.

В схожем положении он был лишь однажды – учась на подготовительном отделении университета и также нигде не работая. Тогда были и свободные деньги, и время. Но под давлением среды он начал подрабатывать, а затем и работать, пополнив армию «бедняков» – с тех пор ему вечно приходилось сводить концы.

Возможно, *богатство* в принципе несовместимо с зарабатыванием? Вкалывать на хозяина или «на себя» – какая разница? Работать за деньги – исповедовать психологию бедняка.

И опять заходил Петя Чел – на этот раз с книжкой по лечебному голоданию. Книга обещала излечить от всего в принципе. Вдобавок намекалось на возможное *просветление*, а среди новообретенных ценностей Макса оно было в приоритете. (Скоро он узнает, что лечебное голодание стандартно идет в комплекте с медитацией. Узнает, что это – джентльменский набор «ищущего», и немало путешественников обреченно таскают его в рюкзаках.)

Он решил заголодать сразу на четырнадцать дней (хорошее число, на его любимую букву «ч»), ибо рекомендованное книгой постепенное вхождение – по дню в неделю на протяжении года и т.д. – не годилось. Макс любил, чтобы сразу и в полной мере.

Первые три дня он выходил на прогулки, следуя рекомендациям. Книга обещала, что через несколько дней чувство голода пройдет, наступит эйфория и прилив сил. На четвертый день, не в силах более волочить ноги, прогулки он прекратил.

Голод не отпускал. Макс думал исключительно о еде: вспоминал примеченный у дороги огрызок яблока, сочинял рецепты яств, которыми усладит себя по истечении срока. Обоняние обострилось: с улицы проникал, расплываясь по комнате, запах весеннего цветения. Цветы хотелось съесть.

Время остановилось, эйфория не наступала, последние силы ушли. Макс лежал на диване (залезть на шкаф он уже не мог), и думал, какой он был дурак, не понимая, что главное (да что «главное» – единственно важное в жизни!) – еда. Мышечная масса катастрофически уменьшалась. Один из кубиков на животе рассосался и полностью исчез – на его месте осталась мягкая кожаная ямка.

К последним дням поста напал паралич воли: звонил телефон, но Макс не мог заставить себя протянуть руку и взять трубку. Каждому походу в туалет предшествовали часы самоуго-

воров в необходимости такого деяния (благо, оные деяния требовались нечасто). Но ни разу он не помыслил прекратить голодовку прежде намеченного срока.

На четырнадцатый день удалось выйти из дома и добраться до магазина. Плечи придавливали к земле. Прохожие оборачивались, принимая бледного, ссутуленного, с запавшими щеками человека в болтающейся одежде за призрак.

Купив сока и фруктов, Макс вернулся домой (каждые несколько шагов приходилось ставить пакеты на землю, чтобы собраться с силами). Труднее всего оказалось спуститься в полуподвал: ноги подкашивались, норовя сбросить хозяина со ступенек. Пришлось сползать, цепляясь за стену.

Утро пятнадцатого дня, педантично выполняя указания книги, Макс начал со стакана наполовину разбавленного водой яблочного сока. Прикрыв глаза, он благоговейно испил амброзию и почувствовал себя сытым.

Сытость держалась недолго. К вечеру Макс уже пил чистый сок, а назавтра методично сжевал все купленные фрукты. В уме и в теле ощущалась необыкновенная легкость и чистота.

На третий день он бодрячком сходил в магазин и прикупил овощей. Правда, на обратном пути снова пришлось отдыхать: лишённые мышц, руки отрывались от плеч.

Пришла Лана и ужаснулась худобе Макса. Впрочем, обнаружилось, что в главном силы уже вернулись. Пока голодал, она втайне надеялась, что он не выдержит до конца, сорвется. Это было бы для нее знаком, дало бы надежду, что он передумает и с отъездом.

Лана надеялась. Ее угнетала мысль, что она зря потратила три года – бесценные три года своей молодой жизни. Но одновременно она боялась, что Макс передумает уезжать. Если он даст слабину – по прихоти станет менять решения, это будет уже не он – не тот человек, какого она любила. Значит, она в нём с самого начала ошиблась. И это значит, что годы, проведенные с ним, потрачены действительно зря.

Боль в сердце так и не прошла, но в остальном Макс чувствовал себя превосходно. Очищенный организм восстанавливался, сознание было кристально ясным. Впереди открывались блестящие, солнечные перспективы, и лишь на задворках сознания темным облаком нависала мысль о неумолимо приближающемся расставании с Ланой. («Заговор молчания» оставался нерушим: оба продолжали вести себя так, словно распоряжались вечностью.)

Книга предупреждала о необходимости на выходе из голода умерять аппетит. Но сам аппетит оказался сильнее книг и предупреждений. Есть хотелось беспрерывно – словно после травки «пробило на хавчик». Вдобавок не терпелось поскорее вернуться в форму: мышцы жаждали действия, пресс требовал недостающий кубик.

Ради пищи и радости движения организм был готов на всё: он хитрил, изображая безупречное самочувствие. Взять Макса хитростью оказалось проще, нежели измором: на десятый день после окончания голодовки он пошел на тренировку по боксу. Вернувшись и плотно поев, он почувствовал, что заболевает: поднялась температура, в животе ныло.

С тех пор как однажды Макс выкинул в урну рецепты, к врачам он не ходил принципиально. Вдобавок за время службы в Минздраве ему открылась истинная сущность медицины: гигантская промышленная отрасль заинтересованная лишь в доходах. Иными словами, в умножении и продолжении болезней. Подчиняясь этой основополагающей стратегии, медицинская наука направлена лишь на лечение симптомов, а не причин недугов. И редкие попытки отдельных врачей и даже медицинских направлений «зреть в корень» в корне же и пресекаются. (Для пресечения здоровых тенденций необязательно их запрещать – достаточно объявить шарлатанством или отказать в финансировании.)

Болезнь вяло текла с месяц, после чего жизнь возвратилась на круги своя: в теле и голове наблюдались привычные, фоном сопутствующие тяжесть и муть. Но теперь было с чем срав-

нивать: Макс помнил легкость и чистоту, помнил незамутненную ясность сознания и остро чувствовал ущербность теперешнего – обычного – состояния.

Он знал, что повелся на хитрость и совершил «грехопадение», буквально объевшись запретных плодов. Но он не смог бы поручиться, что в другой раз сумеет этого избежать. Сколь ни сильна воля, но обезумевший от голода и бездействия и дорвавшийся наконец до радостей жизни организм оказался сильнее.

Возникшая после курса Випассаны эйфория тоже закончилась. Теперь, по прошествии нескольких месяцев, смысл медитации и буддизма в целом виделись приблизительно так: ты медитируешь и ведешь «правильную» жизнь, получая «бонусы». Иными словами, создаются причины, которые, повинувшись кармическим законам (сложным, но работающим, к счастью, независимо от понимания), ведут к благоприятным последствиям. Это и называется «улучшать карму».

Макс уже собрал все положенные ему за десятидневную отсидку «кармические бонусы», получил «зарплату» (в виде эйфории и всё тех же денег), и теперь считал, что неплохо бы повторить – заработать очередную порцию.

Но до отъезда оставалась пара месяцев, поэтому он решил потерпеть и следующий курс Випассаны сделать в Европе. Благо центры имелись почти в каждой стране.

К этому времени его родители несколько лет как переехали из Петербурга в Германию: немцы, стремясь загладить вину за Холокост, пускали на постоянное жительство евреев из России. Родители обживались в восточногерманском городке Веймар, звали в гости. Макс предполагал устроить у них «базу», и оттуда совершать набеги в другие страны Европы. А центры Випассаны станут одной из целей его паломничества.

Он зашел на бывшую квартиру проведать «торчков», и ему отдали конверт с письмом из Питера. От Сани.

Когда-то они активно переписывались. По приезду в Израиль Макс очень скучал, хотелось увидеться и, конечно же, выпить с друзьями. Жизнь в Израиле вызывала отторжение, виделось, что именно происходящее *там* было настоящим, здесь же – суррогат, слабое подобие. И верхом достижимого счастья казалось встретиться и *забухать* именно с Саней – лучшим его другом и душой их компании.

Сперва списывались часто: первое письмо Макс послал еще из кибуца, затем – когда жил у родственников под Тель-Авивом. Затем писал из общежития и от «торчков». Со временем писем с обеих сторон становилось всё меньше: жизнь засасывала, теснила прошлое. Когда Макс устроился в министерство и у него появился интернет, переписка вовсе заглохла: бумажные письма виделись нелепостью и анахронизмом.

Из последнего, трехлетней давности Саниного письма явствовало, что Лёха женился (не на Янке – та давно его бросила), Женя продолжает учить что-то гуманитарное, сам же Саня живет с родителями, в основном бездельничает и в перерывах занимается мелким бандитизмом: «кидаловом и разводкой лохов». Вообще представлялось, что в нынешней России чуть ли не каждый – бандит.

Макс не без трепета распечатал конверт. Хитрюга Саня «нашел» у себя еврейские корни и намеревался репатриироваться в Израиль. Последнее время активно тренировался, «накачался как сволочь» и получил лицензию инструктора по бодибилдингу. В завершение приводился список из десятка непроизносимых названий: химические препараты для профессиональных культуристов. Саня интересовался, можно ли их достать в Израиле.

Этот чудовищный список напомнил Макс, как однажды, еще в школе, Саня весь урок сосредоточено черкал в тетради. Результатом стало гигантское – в развернутый лист – слово «ЧЁРТ», каждая буква которого состояла из десятков, а то и сотен слов «чёрт» обыкновенного размера. Друзья восхищались Саниной оригинальностью и упорством.

Макс, пробежал глазами список препаратов: метандростенолон, пропионат тестостерона... Да, от Сани никогда не знаешь, чего ожидать.

***

На автовокзал Макс приехал заранее и мерил теперь платформу шагами. Выяснить, куда именно прибудет автобус из Хайфы, не удалось, так что следовало контролировать всю платформу. Было шумно, грязно и многолюдно. Сигаретная вонь мешалась с автобусным выхлопом.

Накануне они договорились, что Саня приедет к нему в Иерусалим в гости. Тот находился в Израиле уже с месяц: снял в Хайфе жилье, искал работу, пытался учить язык. И было ему, наверное, куда труднее, чем в свое время Макс, ибо покидать родительский дом, менять привычки и жизненный уклад в двадцать восемь – вовсе не то же, что в девятнадцать.

Макс ходил по платформе и думал, что вот, сбывается его давняя (к сожалению, слишком давняя) мечта: сегодня он увидит некогда лучшего своего друга. И они даже наверняка *забухают*. Случись это несколькими годами раньше, Макс был бы на вершине счастья. А теперь... нет, он, конечно, рад, но всё же... Прошло девять лет, оба, наверняка, изменились, каждый по-своему...

Помимо невообразимости самого срока (девять лет!), среда обитания не могла не оставить отпечатка. Макс, к примеру, хотя и водился больше с русскоязычными, настолько уже обтерся в этой стране, что чувствовал себя израильянином. Просто таким вот... нетипичным. Саня же... Каким он стал? Найдут ли они общий язык? Да и времена, когда пьянство с друзьями было квинтэссенцией жизни, в прошлом. Вдобавок через месяц он всё равно улетает: куплен билет в Берлин. И надо же: именно теперь приезжает Саня. Какова ирония!

В смешанных чувствах Макс вышагивал по платформе, огибая пассажиров, груды багажа, оборванных типов, попрошайек. Откуда-то сбоку шагнул, загородив путь, бритоголовый амбал. Макс рефлекторно уклонился, обогнул, не сбавляя шага, громилу и продолжил свой путь.

– Ты охуел?! – раздалось ему в спину.

Да, Макс, конечно, изменился. Но Саня изменился сильнее. Голова его (вероятно, от препаратов) по-пороссячьи распухла. Тело противоестественно бугрилось. Сам Макс уже восстановил форму после голодовки, и выглядел теперь, как и прежде, спортивно. Саня же, будучи почти с него ростом, вдвое превосходил габаритами.

Макс разглядывал друга: тот смотрел затравленно, глаза бегали – адаптация, похоже, проходила болезненно. После полагающегося обмена междометиями, Саня изъявил желание купить для ужина «кусоч мяса побольше», и друзья направились к *шукку*.

Хозяин мясной лавки – выходец из Ирана – бывал по-восточному дружелюбен и радовался приходу Макса, ибо тот хорошо ел, неся бизнесу прибыль. Увидев знакомого клиента в сопровождении груды мышц, мясник выронил нож, выскочил из-за прилавка и принялся трясти Санину руку, одновременно обращаясь к Макс:

– Братан! Ты – здоровяк! Но рядом с ним ты – вот! – мясник продемонстрировал мизинец. – А этот – гигант! Монстр! – И мясник принялся охлопывать обалдевшего и ни слова не понимающего Саню по могучим плечам.

Макс взял кило индюшачьей грудки, и друзья вышли из лавки.

– Хоть бы руки вымыл, – ворчал Саня, нюхая ладонь и вытирая о штаны. – Тут все такие любвеобильные?

– Уважает: он же мясник – а тут враз столько мяса пришло.

– Это я еще атрофировался, – посетовал и одновременно похвастал Саня. – Да жиром подзаплыл: как приехал, вообще не качался. Да ирщ не ел нормально. Сегодня хоть мяса наконец человеческого пожру. – И поспешил исправиться: – В смысле – по-человечески...

Увидев плеть, Саня пришел в неожиданное воодушевление. Сняв со стены, он начал ее любовно оглаживать и лихо пощелкивать в воздухе.

– Досталась с квартирой. Нравится?

– Шикарный девайс! – Саня принялся выписывать плетью восьмерки в опасной близости от потолочного вентилятора. – В курсе, что я садист?

– То есть? – Макс напрягся. – Людей мучаешь?

– Да не, только в смысле секса: баб плеткой лупить.

– И в чём кайф?

– Бьешь – она стонет. Возбуждает!

– Ей больно?

– Больно, – подтвердил Саня. – Но она сама хочет.

– Понятно: «идешь к женщине – не забудь плеть».

Макс, разумеется, испытывал плетку с Ланой, но обоим не впечатлило.

– В общем, Саня, считай, что плетка – твоя.

Макс положил мясо на сковородку.

– План такой, – сказал он. – Бутылка водки, на сегодня хватит. А завтра идем к моему другу Пете на день рождения. И там уже оттягиваемся по полной.

– Да мы незнакомы... – засомневался Саня. – И... всякие там люди... Стрёмно как-то...

– Открытое мероприятие, – успокоил друга Макс. – А Петю я предупредил. Он празднует в заброшенной арабской деревне. Пацан знаменитый, его дни рождения – события всеизраильского масштаба. Так что народу не меньше сотни наберется: неформалы, богема, торчки всех мастей... Великий бал у сатаны. А помнишь, как мы на «Мастера и Маргариту» ходили? В твой ДК...

Макс достал из морозильника водку.

– Стараюсь не пить, – вздохнул Саня, подставляя рюмку. – На мышцы плохо влияет. Тормозит синтез протеина и воссоединение аминокислот, снижает тестостерон и увеличивает уровень катаболического гормона кортизола... – Саня взглянул на зависшего с бутылкой в руке Макса. – Короче, хуево будет.

Лифта лежала в долине, как в ладошке. По склонам лепились дома, внизу виднелся обрамленный иерусалимским камнем бассейн неправильной формы. Макс попытался обратить Саню внимание на пейзаж, ибо увидеть Лифту при свете дня – истинное благословение. Но Саня был рассеян и лишь поправлял под выпущенной футболкой воткнутую за пояс плеть, с коей отныне не расставался.

Друзья спустились к источнику, по каменистой тропе прошли в дальний конец Лифты и поднялись к «Петиному дому». Перед домом имелось обширное крыльцо, внутри – огромная комната со множеством арочных оконных проемов.

В доме уже тусовалось с десятков гостей. Кто-то негромко выстукивал на барабанах простой ритм – звуки гулко резонировали в толстых каменных стенах и высоком сводчатом потолке.

Макс познакомил Саню с хозяином. Петя поприветствовал гостя и с уважением к силе пожал руку. Бегая глазами, тот что-то буркнул.

– Главное – не забывайте про дырку, особенно когда стемнеет, – сказал Петя, указывая на центр комнаты, и вернулся к камину, где готовился плов. – Сейчас, рис закину – и попыхтим.

Пока Макс со всеми здоровался (он знал половину присутствующих), Саня, сутулясь и затравленно озираясь, неуверенно прошел вглубь комнаты. На него деликатно косились.

– Есть водяра? – вернувшись к Макс, полушепотом спросил Саня. – Надо срочно бухнуть.

Макс подвел его к углу, где было навалено всевозможное спиртное. Саня выудил литровую бутылку, взял одноразовый стаканчик и вопросительно глянул на друга.

– Сегодня травку, – сказал Макс. – С алкоголем не мешаю.

Саня наполнил стакан и вылил в рот.

– За Петин день рождения, – подсказал Макс.

Именинник жестом поманил на крыльцо. Там он взорвал и пустил по кругу один из заранее скрученных косяков.

Снизу, из сгущающейся полутьмы поднимались люди. Доносились голоса:

– Я вся в колючках! Куда ты нас завел?

– Это Лифта, бейби, – ответствовал мужской голос. – Утешься: я тоже ненавижу кактусы, ибо суетливы они...

На крыльце стало тесно, и Макс с Саней вернулись в дом. Саня больше не сутулился и глядел смелее. Он налил и опрокинул в себя следующий стакан.

– Помогите зажечь свечи, – обратился ко всем Петя Чел. – И помните про дырку в полу.

Про дырку в полу!

Комната обросла свечами. Их расставили всюду: на полу, подоконниках, в нишах и щелях между разошедшимися камнями стен. Петя лично опоясал дыру в полу десятком свечей-таблеток в металлических корпусах. Стало инфернально и празднично.

Народ накатывал волнами. Пришли Андрей с Рыбой. Нарисовался Асисяй. Явился панк Гной с подругой Коррозией. Каким-то ветром занесло Шермана с красавицей Соней и Ольгу-каббалистку.

Пришел Абед – араб из соседней с Лифтой деревни, большой Петин друг. Несмотря на двух жён, энное количество детей и работу, Абед не упускал случая потусить с Петей и другими «торчками». Петя же был частым гостем в доме Абеда (однажды они заезжали туда на машине с Максом, и Абед оказал друзьям поистине королевский прием, снабдив напоследок каждого двухлитровой банкой диких маслин собственного засола).

Возникли Ниндзя, Какашич с Икебаной и знаменитая своей коллекцией окурков Анастасия по кличке «Анестезия». Заявился беспредельщик Геха, с некоторых пор обитающий в одном из лифтинских домов. Огромное количество гостей Макс видел впервые, а некоторых впервые видел и сам именинник.

Макс и Саня сидели на широком каменном подоконнике. Повинуясь невидимому ритму, Саня забрасывал в себя стаканчики с водкой. Глаза его больше не бегали, но стали маслянистыми, с нездоровым выражением. Плотно ухмыляясь и облизываясь, он медленным взглядом обводил собравшихся. Словно выбирал, кого съесть.

Вскоре Саня стянул футболку и явился во всё своем несколько оплывшем великолепии. Вынув из-за пояса плетку, он постукивал по ладони рукояткой, продолжая тяжелым взглядом обводить гостей.

– Может, ну нафиг? В смысле – плетку. – Макс понимал, что к жизни пробуждается страшное. И случись что – отвечать ему.

– Не ссы, – сказал Саня, медленно поднимаясь и становясь во весь рост. – Шмары! У-у-у, сколько здесь шмар!

Крадучись и помахивая хлыстом, Саня двинулся в гущу людей.

– Саня! – попробовал удержать друга Макс.

С тем же успехом можно было пытаться остановить танк. Макс затаил дыхание, готовясь к худшему. Но народ расступился и проглотил Саню, после чего тот оказался возле стены, обошел комнату и вернулся на подоконник к Макс. Вернее, к бутылке.

– Бояться меня, бляди! – торжествующе возвестил Саня и залил в себя очередной стакан.

– Слушай, Саня, – попытался урезонить пьяного Макс. – Петя – мой друг, у него – день рождения. Будешь дебоширить – выйдет неудобняк...

– Молчать!!! – заорал вдруг Саня. – Сейчас покажу, что значит дебоширить!

Он ринулся к сидящей кружком на полу группе людей, мирно раскуривающих косяк. Непосредственно возле них он запнулся и, чудом никого не накрыв, рухнул в круг. Вниз лицом, распластавшись между сидящими и даже не пытаясь подняться, он изрыгал замысловатые проклятия. Со стороны казалось, будто в центре кружка появился низкий столик, и люди собираются сервировать пищу или играть в карты на Саниной непомерной спине. Но удивительно было то, что сидящие вообще не реагировали на прищельца: они продолжали курить и негромко переговариваться через Санину спину.

Макс решил выйти на воздух, ибо ситуация как будто стабилизировалась. Жара уже спала, луна освещала призрачные полуразрушенные дома. На крыльце курил бывший сосед Макса Андрей. Макс тоже закурил.

– Надо будет к вам заглянуть, пока я здесь, – сказал Макс. – Через месяц улетаю.

– Лучшие люди! – патетически воскликнул Андрей. – Лучшие люди от нас уходят! Кстати, с тех пор, как ты отселился, вообще текучка: всё нормального соседа не сыщем. Твоя комната пустует. Не знаешь, надо кому? Только спокойному, а не какому-нибудь – *такому*. – Андрей кивнул в сторону дверного проема, из которого, перекрывая барабанный бой, гитару и даже шотландскую волынку, неслись истошные Санины вопли – отборнейший мат вперемешку с призывами: «Макс!!! Макс!!!». – Кстати, к кому это он взывает? Не к тебе ли?

– Ко мне, – повинулся Макс, не спешивший отвечать на призывы и надеясь, что всё как-нибудь само утрясется. – Это мой одноклассник – нормальный, в общем-то, чувак...

– Нет-нет, – испугался Андрей, – такого «нормального» в квартиру точно не нужно. Лучше бы девушку...

– Кстати! – осенило Макса. – Где-то тут была Ольга... Знаешь ее? Нет? Кажется, искала жилье. Сейчас ее найду. – Макс исчез в доме.

Великий бал – во всей своей прелести и размахе – был в разгаре.

Панк Гной и отморозок Геха отплясывали под мощный бой барабанов сумасшедший танец пого вокруг обрамленной свечами дыры. Геха танцевал на одной ноге, обеими руками прижимая вторую к животу, и невообразимо гримасничал.

Саня, уже восставший, голый и страшный, с плетью в руке преследовал девушек замедленными, словно в кошмарном сне, гигантскими скачками. Девушки скрывались в толпе или просто уходили с линии атаки, и тогда Саня, потеряв цель, останавливался и дико озирался. Высмотрев очередную жертву, он, потрясая плетью, пускался за ней вскачь. Временами он вспоминал о своем единственном друге и издавал леденящий вопль: «Макс!!!»

Стараясь не попасться на глаза Сане (что было несложно, ибо тот едва ли что замечал), Макс разыскивал Ольгу. Он переходил от одного скопления людей к другому, вглядывался и прислушивался.

Рыба демонстрировала бисерные фенечки девчонкам. Ольги среди них не было.

Пользуясь отсутствием отряженного за пловом Шермана, Асисей клеился к красавице Соне. Та смотрела в недоумении.

В кружок сидело несколько исхудалых парней со спутанными волосами:

– ...обхавался датуры, и когда мы его нашли, третий день широёбился по долине, дрался с кустами...

Лифтяне. Макс приблизился к другой компании.

– Я продал твою коленку. Выгодно.

– Надеюсь, хоть с самовывозом?..

Не она. Дальше.

– Закрываю глаза – и ничего не вижу.

– Никаких узоров? Даже сполохов?..

Кислотные торчки.

– Я – злая фея, у меня – благородный сушняк!

– Знали мы и добрых фей...

Тоже нет. Дальше.

– Картонка – полтинник. Берешь десять – одна в подарок.

Понятно.

В правой руке Макса оказался косяк. Затянувшись, он передал косяк влево.

Через комнату с воплем «Шмара!!!» проскакал Саня. Он гнался за... Ольгой! Поравнявшись с Максом, та юркнула ему за спину, а Саня, размахивая хлыстом, унесся дальше. Макс поманил Ольгу наружу.

На крыльце теперь было тожелюдно. Свирепый гитарист Бахмут, привалившись к стене, пел пронзительную песню об Убитом Ребенке. Вокруг него сидели, стояли и лежали, пили, курили, слушали и не слушали, плакали.

И была у мальчика дудка на шее,

А в кармане ложка, на цепочке кружка...

И была у мальчика подружка на шее –

Анька-хиппушка.

Мальчик жил-поживал, ничего не значил,

И подружку обнимал, а когда уставал,

Аньку с шеи снимал

И на дудке фигачил...

Макс познакомил Ольгу с Андреем. Та искала комнату – разумеется, с нормальными соседями.

– Ну, на сильно нормальных соседей я бы всё-таки не рассчитывал, – сказал Андрей. – Сам я, кстати, учусь на фокусника. – Молниеносно достав из потайного места у Ольги за ухом сигарету, он закурил. – Вообще – за всю историю нашей квартиры был только один действительно нормальный сосед...

– Да уж, – сказал Макс.

– Да и тот, – продолжил Андрей, – настолько нормален, что это, на мой взгляд, уже ненормально.

– Сам дурак, – сказал Макс.

– Да взгляни на себя, – настаивал Андрей. – Я понимаю, конечно, что ты творишь необычное: все эти твои медитации, голодовки... Бросить там всякие свои министерства и уехать к чёрту... Но даже это ты делаешь так нормально! Ты же *патологически* нормален. Нормален до ненормальности. Поэтому и друзья твои поголовно со странностями – для баланса.

– Думаешь?

– Уверен. В тебе нет никаких отклонений, а это противоестественно. Так что, – заключил Андрей, – ты-то и есть настоящий псих.

А мальчик проснулся утром, проснулся рано-рано,

Взял на цепочке кружку и побежал к воде.

Он ткнул губами в кружку, и было ему странно,

Когда вода ключевая сбежала по бороде...

– Но настоящий псих уезжает, – глядя Ольге в глаза, сказал Андрей, – а мы с тобой остаемся...

*...Он ткнулся губами в дудку, и рот раскрылся как рана,
Раскрылся как свежая рана, и хлынула флейтой кровь.*

– ...приду посмотреть...

– ...комната с балконом...

Компания спускалась с крыльца, направляясь к источнику купаться.

– Бегемотик, бегемотик! – раздался женский голос. – Смотрите, там – в траве!

В темноте возле крыльца мыкалось странное существо, очертаниями напоминающее маленького бегемота. Все столпились на краю площадки, пытаюсь понять, что там шныряет.

Кто-то кинул камень. Раздался звон бьющегося стекла и кошачий визг: освободившись от банки на голове, кот сиганул в кусты.

На крыльцо выскочил Петя Чел:

– Кто бьет стекло?! – заорал он. – Здесь же собаки! Порезутся – всех поубиваю!

Из дома вывалился Саня:

– Пе-тя! – Саня облапил виновника торжества. – Кто обижает – говори мне. Я ему сразу – в табло!

– Спасибо, Санёк. – Петя высвободился из медвежьих объятий. – Ты – молодец. Вот только... девчонки на тебя жалуются: говорят, ты неадекватненький.

– Да я – чо?.. – завиноватился Саня. – Я ничо. А чо я?.. Лови ее!!! – внезапно завопил он и прыгнул в дверной проём вслед за какой-то девушкой.

Петя посмотрел на Макса. Тот лишь развел руками.

– Я, собственно, скорее о Саньке беспокоюсь, – сказал Петя, понизив голос. – Девчонки-то наши за себя постоят. А те ведьмочки, что мне жаловались – вообще чёрт их знает, на что способны...

Из дома донесся глухой удар и послышались крики. Все, бывшие на крыльце, ринулись внутрь.

Вокруг дыры в центре комнаты сгрудилась толпа, вниз светили фонариком.

– Этот, амбал...

– Гнался за кем-то и вдруг исчез...

Макс протолкался сквозь толпу и заглянул в дыру. Двумя метрами ниже угадывалась огромная куча – «культурный слой», выросший за годы использования дыры в качестве мусорки.

– Саня! Ты как?

– О-о-о, – донесся из подполья глухой стон. – Отпиздили... меня отпиздили...

– Идти можешь?

– О-о-о!

Стоны под полом перемещались. Все высыпали наружу, и вскоре из-под крыльца, из какого-то разлома, матюгаясь на чём свет стоит и припадая на ногу, показался Саня. С плеча его бахромой свисали лохмотья кожи, текла кровь: видно, падая, ободрался о зазубренные края дыры.

Продолжая стенать и матюгаться, Саня присел на камень. Макс вынес из дома его футболку и спустился с крыльца. Саня покорно надел футболку и, опираясь на Макса, встал.

– Отпиздили, – прокряхтел он. – Как же меня отпиздили...

Макс попрощался с Андреем и Ольгой, но те не обратили внимания. Они стояли на крыльце – он и она – и, казалось, даже не разговаривали. Просто смотрели друг на друга.

Весь путь из Лифты наверх Саня ковылял, опираясь на Макса, вдавливая его в землю на каждом шаге. Уже на выходе в Иерусалим Саня вдруг вспомнил про плетку, которая, вероятно, осталась в подполе Петиного дома.

– Вот и мы внесли лепту в здешний культурный слой, – сказал (а может быть, лишь подумал) обессиленный Макс. – И даже стали его частью.

Час 9. Слоновий бок

Полностью рассвело. Кругом по-прежнему вода, но при свете дня всё иначе. И настроение другое.

Ну что, к берегу?

Но я же всё уничтожил! Вообще всё: планомерно уничтожил, одно за другим. У меня ничего нет. Меня самого уже нет!

Доплывешь до берега, там разберешься. Сначала выплывишься.

Выплывишься? Там сейчас и тени не сыщешь.

Ты доплыви сперва.

Доплыть не фокус: пара часов, и – берег. Дальше-то что?

А у тебя выбор? Вечно тут болтаться собрался? Ты посмотри на себя: ты же огурец... соленый!

Ага, скажи еще, дерьмо не тонет.

Молодец: блевал – смеялся, теперь вообще шутки в тему. Сам видишь, больше здесь искать нечего. Да и не думаешь ведь, что на берегу всё по-прежнему? После всего *этого*? Ты же теперь другой. Весь мир, *всё* изменилось.

Надеюсь, хоть что-то изменилось...

Еще как! Это будешь совсем другой ты. На совершенно новом берегу.

А если всё по-прежнему?

Будешь здесь болтаться – не узнаешь.

Да? Ну ладно. Выбора всё равно нет.

– Разувайся и клади ноги на торпеду, – по-немецки и жестами предлагает дальнобойщик.
Я еду. Как долго я ждал, чтобы вложить в эти слова – «я еду» – реальное содержание. Чтобы почувствовать настоящее время, увидеть мир от первого лица.

Европа теперь без границ. А с израильским паспортом и виза не нужна. Огромное пространство, и всё – мое! *Я еду. По Европе. По автобану. Прямо сейчас.* Смакую эту мысль, пытаюсь как следует осознать.

Водитель грузовика – восточный немец – английским не владеет. Но объяснить, что мне нужно, я сумел, а отсутствие общего языка лишь обостряет ощущение заграницы.

Курс: Франкфурт-на-Майне и дальше – на Амстердам. Ехать из Веймара в Амстердам через Франкфурт – крюк в несколько сотен километров. Такое может позволить себе только автостопщик – человек, который не платит за проезд, и, главное, не торопится. То есть – я.

Сложив ноги на приборную панель, расслабляюсь: впереди несколько часов беспечной езды, до самого Франкфурта.

Месяц назад, прилетев в Берлин, города я не видел. Родители ждали, поэтому с самолета – сходу на электричку, затем – на другую... Пресловутая немецкая точность давала сбои: электрички опаздывали, одну вовсе отменили. Словом, обыкновенный, столь нелюбимый мною общественный транспорт. Нелюбимый, как всё общественное.

Дорбогой до Веймара в окне поезда всё виделось игрушечным: чистенькие машины, сочная зелень, пестро одетые люди. Немецкие кукольные домики расчерчены коричневыми балками. На холмах – бутафорского вида средневековые замки.

События в тот день происходили слишком быстро – реальность менялась, сознание едва поспевало. Помню, пытался осознать произошедшее, убедить себя: «Европа. Это Европа. *Я в Европе*». Последняя ночь – накануне отлета, всего лишь за несколько часов до того – виделась в дымке, словно очень давно. Краешек прежней жизни, а затем бессилие, слезы, разруха... Где теперь это всё?

Я и Лана. Весь день провели вместе. Ели, занимались любовью и бездельничали – на вид всё как всегда. О моём отъезде (уже назавтра, самолет в семь утра) по-прежнему ни слова, только косвенно: Лана хотела забрать кое-какие вещи, в основном книги и музыкальные диски. Я пытался вручить ей какие-то, что ли, кастрюльки... Мы спорили, иногда она соглашалась, пихала что-нибудь в сумку.

Поздно вечером пошли ловить для Ланы такси (до утра только и оставалось времени, чтобы собраться). Стояли молча, у перекрестка, обнявшись. Такси всё не появлялось... *Я уезжаю навсегда*. Непонятно, о чём в такой ситуации говорить. Ощущение нелепости: почему мы должны расставаться? Объективные причины – понятно: я улетаю, новая жизнь... и так далее. *Но почему мы должны расставаться?* Возможно, если бы мы об этом хотя бы иногда говорили, – спорили или даже ругались, – удалось бы уложить это в голове, найти объяснение. Согласовать эмоции с разумом. А так...

Подъехало такси. Я положил сумку с недавно еще моими вещами в багажник и подошел к Лане, стоящей возле раскрытой пассажирской двери. Шофер ждет, рассусоливать некогда, и это к лучшему. Придержав за плечо, я ткнулся ей в губы, развернулся и пошел в сторону дома. На ходу оглянулся: Лана садилась в машину, пытаясь одновременно смотреть мне вслед...

Дёма. Сажу на стуле. В квартире порядок: жилое пока еще помещение. Лишь зияет там, где прежде стояли телевизор, стереосистема и колонки (чохом взял скупщик). Несколько часов, и этот, кажущийся пока целым, мирок окончательно исчезнет. А Лана *уже* исчезла. Навсегда.

Внезапно навалилось бессилие. Дел оставался непочатый край: всё, кроме мебели – либо упаковать в рюкзак, либо вынести на помойку. А я сажу, ссутулившись на стуле, и из меня текут слезы.

Я знал, что долго плакать не получится, но силы, казалось, меня оставили. Было неясно, смогу ли вообще встать и начать собираться. *На четыре утра заказано такси*.

Заставил себя встать, сполоснул лицо и вытащил из шкафа рюкзак...

Итак, я еду в Амстердам, но сегодняшняя цель – Франкфурт-на-Майне. Проскочили поворот на Кассель, 4-й автобан перешел в 5-й – значит, примерно полпути. Какие же планы?

За последний месяц было предостаточно времени для раздумий. Месяц с родителями! Это засасывает: еда, диван, книги, видеомаягнитофон, *мама*. Ходил по Веймару, думал: «В этом городе умер Ницше. В этом городе умер Гёте». А во Франкфурте Гёте родился. Но что мне Гёте?

Выбирался на электричках в соседние городки: Эрфурт, Йена, Гота... Везде, в принципе, одно. Все эти достопримечательности – весь этот *туризм* – лишь утомляют. Хотелось бы найти и почувствовать что-то уникальное, свое. Может быть, в Амстердаме?

Прикупил снарягу: новый рюкзак, спальник, пенковый коврик, атлас автодорог, путеводитель «Одинокая планета», компас, фонарик и массу других мелочей. Денег, слава Богу, хватает: в итоге образовалось более десяти тысяч долларов. Невероятная, по моим недавним еще понятиям, сумма. Впрочем, хоть все мои деньги и не лезут в карман (большую их часть обменял на дорожные чеки «American Express»), это не повод ими раскидываться.

Двух ночей во Франкфурте будет, наверное, достаточно. Такой режим для «проходных» городов оптимален: приезжаешь к вечеру, ночуешь. Затем есть день, чтобы получить о городе маломальское представление (достопримечательности пусть туристы осматривают). Наутро – дальше. А в Амстердаме можно подзадержаться.

Вчера было смешно: собрал наконец рюкзак и понял, что он неподъемен. Ехать с таким можно, а вот идти... Вытряхнул, вдумчиво разделил на две кучи. Одну запихал назад. Всё равно тяжелый («Одинокая планета» – кирпич!), но ничего уже не выкинешь, осталось необходимое. Потом провалялся без сна до утра: представлял, как буду ехать, мандражировал, что не будут брать...

Подъезжаем к Франкфурту! Останавливаемся в промзоне, водитель жестами объясняет, куда идти. «*Danke schon*, – жму протянутую мне руку, – *auf Wiedersehen*». Отличный мужик!

Выпрыгиваю из кабины, и сердце привычно дергается, напоминая, что оно здесь, никуда не делось (в другой раз аккуратно спущусь по ступенькам, спиной вперед). Водитель спихивает рюкзак, тот падает мне в объятия, и я захлопываю массивную дверь.

Четверть часа, и выхожу к станции. Люди на перроне удивительно дружелюбны: рюкзак внушает уважение. Говорят на неожиданно хорошем английском (здесь уже западная Германия), объясняют, где пересесть на подземку, чтобы добраться до центра.

Молодежный хостел. Плачу за две ночи с завтраками, получаю магнитный ключ от комнаты. В комнате никого, валяются рюкзаки. Четыре двухъярусные кровати, на всех матрасах, кроме одного – нижнего, – накиданы вещи. Ставлю рюкзак возле свободной постели.

После душа переодеваюсь в городское. Ехал в брюках от полевой израильской формы – тех самых, в которых некогда ползал по колючкам. Столько лет в шкафу провалялись! (Практичная вещь: свободные, хлопковые, с гигантскими накладными карманами.) Надеваю джинсы и иду в город ужинать.

В ресторанчике просматриваю меню: хочется взять что-нибудь типичное для этой местности – почувствовать, что куда-то приехал. В результате заказываю длинные тонкие франкфуртеры с картофельным пюре и запиваю большим стаканом *апфельвайна* – яблочного вина.

Совершив круг по соседним улицам, возвращаюсь в хостел. В комнате храпят. Не зажигая света, ныряю под одеяло.

Утро. Обитатели комнаты зашевелились. Тоже встаю, чтобы успеть на завтрак. На верхней койке – прямо над моей постелью – с закрытыми глазами и отрешенным лицом сидит светловолосый парень. Спина прямая, ноги скрещены, ладони на коленях.

Не раз, особенно первое время после курса Випассаны (пока не забросил практику), мне виделось, как медитирую в путешествии. Представлялось именно так: сижу в большой комнате, вокруг люди. Но я отрешен, медитирую. И, пожалуй, люблю себя.

Либо мне во плоти встретился мною же сотворенный образ, либо буддисты в европейских хостелах – дело обыденное. Все ушли завтракать, а я намеренно мешкаю. Наконец парень спускается со своего яруса.

– Медитировал? – завязываю разговор.

– Молился! – с некоторым вызовом отвечает он. – Я – индуист.

Он пускается в пространные рассуждения (английский хороший, но неродной):

– Наши чувства обманчивы, с их помощью невозможно познать истину. Есть притча: слепых подвели к слону и спросили, на что он похож. Один пощупал хобот и говорит: слон – это такая змея...

Притчу я знаю: на «Випассане» рассказывали. И в версии Маршака: «Слепцы, числом их было пять, / В Бомбей явились изучать / Индийского слона. / Исследовав слоновий бок...»

Парень разглагольствует: ему до фени, чего я там знаю или не знаю. Но я сам напросился.

– На завтрак опоздаем, – удаётся мне вставить слово.

Идем в столовую, накладываем еду на подносы (сыр, колбаса, хлеб, йогурты, джемы, соки...), садимся за столик. Парень продолжает выдавать истины.

Воспользовавшись моментом, перевожу разговор в более приземленную плоскость: интересуюсь, как он сюда попал и что делает. Он немец из Мюнхена, через несколько часов – само-

лет в Дели. Пятый седьмой раз летит в Индию, проводит там по полгода в году. Остальное время зарабатывает на эти поездки.

Я удивляюсь приверженности одному маршруту:

– А в других странах бывал?

Внезапно настроение моего визави меняется:

– Да срал я на другие страны! (I don't give a shit!...) Кто не был в Индии, тот не поймет... –

Он делает жест рукой, словно мне бесполезно что-либо объяснять, и некоторое время мрачно жуёт, погрузившись в себя. Наконец говорит: – Там вообще всё иначе. У индусов не бывает работы. Работа – у нас. У них – карма. Там, если, скажем, принадлежишь касте, занимающейся сожжением трупов, будешь с раннего детства носить дрова к погребальным кострам. Составишься и умрешь – нося и нося эти дрова. И ни разу не посетуешь на жизнь, потому что знаешь: ты отработываешь карму.

Внезапно я очень ярко представляю себе этих индусов, вижу спускающиеся к Ганге высокие каменные ступени – *гхаты*... В трупном чаду, день за днем, год за годом, век за веком смуглые люди таскают по *гхатам* гигантские поленья для сжигания мертвецов. Я один из них, несу на плече корявую дровину. Она сгорает, я приношу следующую. За ней – еще. И еще... Я – счастливый – делаю свое дело...

– То есть, – говорю я, – истинная справедливость не в том, что все равны, а в том, чтобы каждому – свое?

– Именно, – говорит он. – И в Индии это понимают, этим живут. – Допив чай, он встает из-за стола. – Пойду собираться. Намасте.

Остается болезненный осадок, словно прикоснулся к заразе. И отчего-то жалко этого немца. Похоже, он и рад бы не ехать в Индию, но себе в этом не признается. Он не может не ехать, и мы с ним товарищи по несчастью: каждого толкают и гонят некие силы. Его – в Индию, а меня... Куда?

Записываю в блокнот: «Справедливость: не поровну, а каждому свое (немец-индуист)». Поможет не забыть разговор, воскресить образы.

Слоняюсь по городу. На одной из центральных мощеных булыжником площадей стоит сияющий черным лаком автомобиль «Волга». Это ГАЗ-21, как в фильме «Берегись автомобиля». Я не видел таких с тех пор, как уехал из России. Да и там они, конечно, в диковинку.

Возле машины – человек в черном костюме, чем-то даже напоминающий Смоктуновского. Держит табличку на немецком. По отдельным словам угадываю, что человек с машиной обслуживают свадьбы и прочие торжества. Внизу телефонный номер и подпись: «Vladimir». Несколько узкоглазых туристов, по-своему лопоча, фотографируют «Волгу».

Обхожу машину, любуюсь. Поглядываю на мужика, пытаюсь представить себе его жизнь. Он моложе моих родителей, вряд ли получает пенсию. Так что неплохо придумано. Да и владеть такой машиной, наверное – счастье. Хотя сильно счастливым он не выглядит. Заговорил бы с ним, да неловко...

Человек безразлично скользит по мне взглядом: едва ли кто сумеет опознать во мне русского. Да и какой я, к чертям, русский. Я – израильтянин. Сколь бы то ни было смешно.

Утром выхожу из города. Франкфурт невелик: час ходьбы и я возле трассы, на развязке. Снимаю рюкзак и ставлю рядом. Стою с вытянутой правой рукой и оттопыренным большим пальцем.

Автобан номер 3 приведет меня сегодня в Амстердам. Или не сегодня. Или не в Амстердам. По большому счету, не важно. Но необходимо представлять цель – так меня учили и так я привык. Может, со временем научусь другому: интуитивно выбирать путь, передвигаться без карт и заранее определенной цели. У истинных путешественников – тех, кто путешествует

вглубь себя – нет и не может быть карты. Ведь они – первопроходцы. И цель им не нужна: они сами – цель. А мне приходится брать составленную кем-то карту, выбирать пункт назначения и ломиться к нему, не подозревая (подозревая!), что *мой* путь лежит вовсе не туда. Вот с чего это я, например, торчу тут уже час? Что если следует ехать не в Амстердам, а...

Резко тормозит красный двухместный кабриолет «Мазда» с опущенной крышей. За рулем женщина средних лет. Обращается по-немецки, затем переходит на английский:

– Попробуй рюкзак – в багажник...

Багажник – одно название: большую его часть занимает сложенная крыша. Рюкзак не влезает. Лихорадочно отстегиваю пенковый коврик и вынимаю из рюкзака спальник. Оставшееся получается как-то умять. Коврик и спальник кидаю себе в ноги, и мы выносимся на автобан.

– Идеальный день для путешествия в кабриолете, – говорит женщина. – Солнце, ветер... Еду к подруге в Кёльн...

Она живо интересуется моей биографией. Скрывать нечего, и я раскладываю перед ней свою историю.

– Значит, ты покинул Россию из-за антисемитизма? – спрашивает она с состраданием в голосе.

– Во все нет, – говорю я и в подтверждение рассказываю, как лишь в десятилетнем возрасте узнал о своем происхождении от одноклассников. Но это только укрепляет ее подозрения. Да нет же: в России моя национальная принадлежность имела столь малое значение, что за десять лет вообще себя не проявила. А чтобы дразнить одноклассника, любой повод сгодится. И не стоит путать антисемитизм с дефицитом политкорректности, коей Россия и вправду не славилась испокон...

Мои умопостроения не убеждают. Видно, ей просто нужно кого-то жалеть, кому-то помогать – иначе бы она, наверное, и не стала подбирать людей на дороге. Вдобавок у немцев тяжелый комплекс вины по отношению к евреям – мои родители как раз пожинают его плоды.

Выхожу на заправке перед поворотом на Кёльн: необходимо оставаться на трассе. Здесь большая станция обслуживания с бензоколонкой, стоянкой грузовиков и рестораном. Зайдя в туалет и ополоснув лицо, прохожу через стоянку дальнобойщиков в самый конец заправки и встаю перед выездом на трассу.

Судя по карте, я нахожусь в сердце гигантской агломерации «Регион Рейн-Рур». Как отсюда выбраться? Впереди множество развилки, я в центре колоссальной дорожной паутины. Правда, я – скорее паук, нежели муха. Но найдется ли подходящая жертва? Большинство машин, наверняка, куда-нибудь сворачивают. Хорошо бы поймать дальнобойщика, едущего прямо в Голландию! Написать табличку?

Достаю синий маркер и канцелярский файл с листами. Крупно вывожу: «NL». Засовываю листок обратно в прозрачный файл. Демонстрирую табличку выезжающим с заправки.

Притормаживает легковушка: внутри приятная пожилая пара. Едут в Голландию, город Арнем. Огромная удача: от Арнема до Амстердама останется всего с сотню километров! И никаких больше агломераций! Закидываю в заднюю дверь рюкзак и влезая сам.

Голландцы беседуют между собой и через час – уже в другой стране – высаживают меня на бензоколонке перед поворотом на свой городок. Здесь меня сразу подбирает старенький «Мерседес», заднее сиденье которого завалено частями ударной установки: барабанами, медными тарелками и хромированными стойками. Сажусь впереди и, растопырив колени, втискиваю перед собой рюкзак.

Ландшафт однообразный: по большей части поля, обсаженные одноногими великанами-ветряками. В Амстердам прибываем засветло. Барабанщик на удивление лихо проскакивает светофоры.

– Ритм – моя профессия, – объясняет он. – Город подчиняется ритму. Почувствуешь его – сможешь гнать без остановки, всегда на зеленый...

Завозит меня в самый центр города и напоследок желает:

– Have a good fuck!

Хотел, наверное, сказать «good luck»...

Амстердам встречает знакомым, вкуснейшим запахом. Сколько раз представлял себе этот город: он стереотипно рисовался мне погруженным в ароматные клубы конопляного дыма. Возможно, я опять материализую мною же сотворенный образ? Начало в любом случае многообещающее.

Полагая, что задержусь в Амстердаме, я заранее присмотрел в «Одинокой планете» дешевый хостел. По дороге, в окошке обменного пункта размениваю на гульдены один из сто долларовых дорожных чеков.

Хостел оказывается прямо посреди «квартала красных фонарей». После необходимых формальностей девушка-администратор за стойкой советует не терять бдительность и направляет на второй – мужской – этаж.

Первое, что бросается в глаза на втором этаже – табло с красной бегущей строкой: «*Не оставляйте вещи без присмотра!*» Сложив и заперев необходимые вещи в маленьком персональном шкафчике в коридоре (армейские брюки с документами и основными деньгами-чеками в карманах кладу на самое дно и заваливаю вещами), отношу рюкзак в кладовую. Там человек из администрации цепью, пропущенной через стальное кольцо в стене, соединяет мой рюкзак с другими и навешивает замок. В кладовой доставать вещи из рюкзака запрещено, ибо нельзя проконтролировать, из *чьего* рюкзака ты их достанешь. Разрешается лишь забрать рюкзак целиком. Подобные полумеры, вероятно, лучше, чем ничего.

В огромном зале с полсотни низких кроватей, на них проживает разношерстная публика. В основном молодежь, есть постарше. Имеются и потрепанные личности подозрительно-бомжеватого вида. Выбираю свободную койку и растягиваюсь на ней.

На соседней койке – маленький плотный индус моего возраста, жаждет общения. В Амстердаме уже неделю: авиакомпания, на которую он работает, раз в год выдает бесплатный билет в любую страну мира (передо мной, должно быть, отработывающий карму представитель касты работников авиакомпаний). Сговариваемся выйти в город вдвоем.

Уже стемнело, идем вдоль канала. По обеим сторонам канала – подсвеченные красным стеклянные двери и окна. За стеклами, а иногда и снаружи – возле дверей – стоят женщины неглиже. На этот раз мои представления расходятся с реальностью. Название знаменитого района – «квартал красных фонарей» – я воспринимал слишком буквально: рисовались обычные с виду улицы, освещенные красными фонарями. Внутри домов, разумеется, царит разврат, но то внутри!

Я попал на красную планету Марс. Марсианки зазывно улыбаются, а та, на которой удержишь взгляд, проявляет активность: мнет груди, сует руку себе в трусы, высовывает язык. Нормальное поведение для этой планеты.

В состоянии легкого шока глазею по сторонам, а мой маленький спутник чувствует себя рыбой в воде: подмигивает девушкам, делает им знаки, успевает перекинуться на ходу парой фраз.

– Ты... бывал у них? – спрашиваю я.

Он смотрит на меня как на идиота:

– Само собой! Каждый день!

Через некоторое время индус застревает возле тоненькой блондинки в бикини и делает знак, чтобы я не ждал. «Have a good fuck», – вспоминаю я напутствие барабанщика.

Иду в толпе таких же зевак. Программа-минимум на сегодня: курнуть. Так что у меня – какая-никакая цель. Ищу подходящий кофешоп – уникально-голландское заведение, где можно законно купить травки и там же употребить.

Несет течением. Возле уха то и дело возникает бормотание: «Гашиш, кокаин, экстази...». Мотаю головой, и бормотание прекращается, чтобы вскоре возобновиться. Зазывалы порношоу едва не хватают за рукава: «Mister! Fuck! Real fuck!..». Кофешопы на каждом шагу, но сквозь окна вижу кишашую внутри публику, и меня всякий раз пронесет мимо.

Утомившись толкучкой, сворачиваю с улицы-канала на тихую боковую улочку и вскоре нахожу еще один кофешоп: «Rusland». На витрине логотип, схематически изображающий Собор Василия Блаженного. Зашифрованный в логотипе посул блаженства, да и само название кофешопа видятся знаком.

Внутри русским духом не пахнет. Цены в меню указаны в гульденах и евро (евро уже полгода как введено в безналичное обращение, но монеты и банкноты пока не выпущены). Некоторое время изучаю ассортимент и наконец покупаю грамм марихуаны «Skunk» – «Скунс».

Нахожу свободный столик. Пока делаю косяк, подсаживается парень и тоже принимается скручивать.

– У тебя что? – интересуется он.

– «Skunk». А у тебя?

– «White Widow», – отвечает парень и предлагает: – Сперва твоего скунса, затем – мою вдову?

Взрываю и, пару раз затянувшись, передаю ему.

Это немец из Ганновера. В Амстердам приезжает на выходные – поотрываться. Его «Фольксваген-Пассат» припаркован неподалеку, в нём и ночует.

– Много тут вообще немцев?

– Тут почти все – немцы, – говорит он. – Прислушайся: все говорят на немецком.

– Думал, это голландский.

– Голландцы дома сидят, телик смотрят. Гуляют туристы.

Взрывает свой косяк и передает мне. Белая вдова знакомится со скунсом: «Очень приятно!»

– Гляди – «Ролекс»! – Немец демонстрирует запястье, но видя мой скепсис, гогочет: – Купил на блошином рынке за двадцать гульденов.

– Зачем тебе поддельный Ролекс? – удивляюсь я.

– Как «зачем»? Для девчонок!

Тоже принимаюсь ржать. Мы – два обдолбанных балбеса.

Немец берется скручивать еще, но мне уже хватит. Прощаюсь и выхожу. Закурив сигарету и овеваемый ветерком, иду, куда ноги несут. Амстердам!

Прохожу по Абрикосовой, сворачиваю на Виноградную и забредаю в совсем уже тенистый переулок. Внезапно за спиной происходит движение, меня обхватывают сзади. Намертво прижав руки к туловищу, лезут в карман. Я вижу под собой белеющую кроссовку и что есть силы – сверху вниз – бью по ней пяткой. Хватка слабеет, отскакиваю и разворачиваюсь.

Арабского вида парень, прыгая на одной ноге, яростно сквернословит. Второй – негр – глядит с испугом.

– Окей, окей! – Негр выставляет перед собой белеющие в темноте ладони. – Давай, *браз* – просто уходи. Просто уходи.

Всё это очень смахивает на кино, особенно это «браз». Но негры тоже смотрят фильмы про негров, подражают героям, начинают говорить с гарлемским акцентом, чудесным образом превращаясь из африканских нелегалов в голливудских гангстеров.

Проверяю карманы: всё на месте. На всякий случай смотрю волком, исподлобья. Но испугаться я не успел. Негр, поддерживая араба под локоть, уводит его в темноту переулка. Я удаляюсь в противоположную сторону.

На сегодня программа выполнена (пожалуй, даже перевыполнена). Возвращаюсь в хостел, захожу в храпящую полутемную «казарму». Мой индус спит на спине, раскинув руки, почмокивая и блаженно улыбаясь.

Завтрак здесь поскромнее, чем был во Франкфурте: выдают на нос крутое яйцо, хлеб с кусочком масла и чай. За столиком знакомлюсь с израильтянином. Он живет в хостеле полгода: договорился с хозяином мыть полы в обмен на койко-место.

– Но ведь какие-то деньги нужны? – спрашиваю я (иврит пока не забыл).

– Выкручиваюсь, – отвечает израильтянин. – На днях «нашел» велосипед, продал.

– В смысле...

– Слушай, – говорит он, по-своему истолковав мою заминку, – я ведь не *иерусалимский праведник*...

– Да я и не думал осуждать! – тороплюсь заверить я. – У каждого свои пути – неизвестно еще, куда меня мои заведут...

На блошином рынке покупаю на десять гульденов три трубочки для воскурения конопли: каменную, деревянную и металлическую. Сажусь на скамейку, чтобы тут же и воскурить.

Подходят полицейские. Игнорируя меня, расталкивают лежащего на соседней скамейке смуглого человека, вынуждая его сесть.

– Скоро мы здесь снова пройдем, – терпеливо, словно перед ними ребенок, объясняют полицейские. – Вас к этому времени здесь быть не должно.

Человек что-то мычит, кивает и, как только полицейские уходят, вновь заваливается на скамейку.

К вечеру набираюсь решимости и отправляюсь в «квартал красных фонарей» – исполнять завет привезшего меня в Амстердам барабанщика. Мною движет любопытство. В первую очередь любопытство.

Долго хожу мимо «витрин», пытаюсь выбрать. Это непросто: во-первых, ассортимент слишком велик. Во-вторых, женщины так безобразно себя ведут, что становится гадко, и, едва задержавшись, всякий раз двигаюсь дальше.

Наконец останавливаюсь возле азиатки – китайки или, возможно, тайки. В отличие от остальных, девушка не кривляется, а смотрит на меня, просто и приветливо улыбаясь. Довольно высокая, в красном белье.

– Сто гульденов, – отвечает она. – Орально – пятьдесят.

Гульден – примерно полдоллара. Решаюсь на пятьдесят гульденов. Вдобавок любопытно, как она будет справляться: обычно подобная развлекуха затягивалась до бесконечности. Хотя она же профессионал...

Закрыв стеклянную дверь, девушка задерживает портьеру. Комната подсвечена красным, и в воздухе густой, словно бы тоже *красный* запах от курящихся по углам ароматических палочек. Я не вполне понимаю, что делать: ситуация совершенно новая. Не разговаривать же с ней, не спрашивать, как ее зовут? Да и за разговоры я ей не платил. И мне за разговоры не платят...

Она ненавязчиво руководит, и я в результате полностью раздеваюсь и сажусь на кровать. Она же снимает только лифчик. Щелкаю резинкой трусиков, но она мотает головой, садится рядом и, пока я глажу ее по плечам и аккуратной груди (кожа удивительная на ощупь, гладкая и одновременно бархатистая, словно не кожа, а специальное покрытие: вероятно, какая-то мазь...), надевает презерватив.

Работает старательно (помогая, впрочем, руками), и всё заканчивается довольно быстро. Быстрее, чем ожидалось. Профессионализм! Поднявшись, она деликатно отходит в сторону, указав на мусорное ведро под туалетным столиком. Я выбрасываю презерватив и торопливо одеваюсь, ощущая неловкость оттого, что задерживаю занятого человека. Сказав «спасибо», выхожу на улицу и втыкаю в рот сигарету.

На свежем воздухе хорошо, только у сигареты – неувовимо-резиновый привкус...

Днем снова брожу по городу, а вечером отправляюсь исследовать ночную жизнь. Я не собираюсь следовать примеру индуса: никаких проституток... По крайней мере сегодня.

Подкуриваюсь из остатков «скунса» – иначе весь этот красный уличный демонизм приедается, словно это уже *моя* планета, привычная стихия. Скунс плотным облаком заволакивает мозги, и мир обретает загадочность, жить становится интересно.

На мостике через канал зависаю возле патлатого англопоющего гитариста. Текст приблизительно следующий:

*Я сижу на наркоте,
Наркота сидит на мне,
И пускай я весь в говне,
Но пока что не в тюрьме...*

Поет от души и похож на многих моих знакомых из прошлого и, вероятно, будущего. Ощущаю эмпатию, мгновенно рисую себе его жизнь и отчего-то завидую. В чём же между нами разница?

Подобно мне, он отказался от «нормальной» жизни, и шарится теперь по странам и городам. Но я сделал это *сознательно*: знал, от чего отказываюсь и что выбираю. Его же попросту «закрутило-понесло». Живет наверняка на каком-нибудь сквоте (в Европе полно сквотов). А между тем что-нибудь подобное Лифте – целому городу-сквоту – никому здесь и во сне не привидится. Я рассматривал возможность жизни в Лифте (было и такое), но сознательно отказался.

Парень этот – патлатый, я – стриженный (хотя уже отросло, так что самое время определяться: отращивать дальше или состригать). Но если даже отращу *хаер*, то именно «отращу» – сознательно. А он его, скорее, «отпустил» – то есть и не думал специально отращивать, не принимал решений. Я – прежде чем сегодня подкуриться, решил: так надо – пускай жизнь станет интересней. Одну трубочку дунул – пока хватит, а то потеряю нормальность свою пресловутую, патологическую! А он косяки с утра до ночи долбит, пока всё не закончится. Проснется – бежит покупать. Впрок покупать не станет – только чтобы на сегодня хватило: будет день, будет и травка. Песню написал – подсознание выплеснул и дальше живет, не зная забот, как Божьей твари и подобает.

А мне приходится принимать решения. Или ждать, пока решение на меня снизойдет. Это мучительно! Отсюда и зависть. А с другой стороны... Какова его перспектива? Пройдет от силы десятков лет, и парень сторчится. Или наоборот (еще хуже!), станет добропорядочным членом общества – экономистом или, скажем, музыкантом. А я? Сможет ли мой *сознательный* путь завести меня дальше? Как далеко в этой жизни можно зайти? А, главное, куда? В каком направлении? Задумчивая, однако, сегодня травка...

*Тюрьма, говно и наркота
За мною ходят неспроста...*

Хорошая песня. Кидаю в шляпу гульден и двигаю дальше.

Вновь красные окна и двери. Возле одной стоят две юные полуголые подружки и трещат на голландском (вероятно) языке, не обращая ни на кого внимания. Это дает возможность остановиться и поглазеть на них без того, чтобы они тут же начали приставать.

Очень разные: одна – стройная блондинка с нордическим лицом, другая – смуглая, словно бы турчанка или арабка легкой, приятной для моего глаза полноты... Я замечен, и девушки принимаются делать жесты: мол, кого из нас выберешь?

У меня другие планы, я вообще не собирался никого выбирать! Но раз уж так поставлен вопрос... Почему-то не уйду, а действительно начинаю прикидывать, кого бы предпочел. Словно это не я, а кто-то другой. Это – похотливый скунс во мне!

Поочередно рассматриваю каждую. Больше нравится черненькая: круглолицая, улыбчивая – в моем вкусе. Блондинка же непроницаема, с каменным лицом. Но я выбираю ее! Не знаю почему. Может, след тянется из моей (совсем недавней еще) прошлой жизни? Может, мне на роду написано выбирать блондинок?..

Хуже того: скунс и вся здешняя атмосфера настолько завоняли мне мозги, что у меня раздвоение, и одна из моих личностей намерена произвести на девушку впечатление. Вторая же личность не представляет, как (а главное, зачем?!) первая собралась производить впечатление на проститутку. Но я над собой не властен.

Вслед за Блондинкой оказываюсь в помещении, внутри еще пара распахнутых дверей. Заходим в одну из комнат, и девушка почему-то оставляет дверь открытой. Пока раздеваюсь, по коридору мимо двери проходит Брюнетка со своим клиентом.

Блондинка снимает трусики и остается в лифчике. Хочу снять и лифчик, но она бесцеремонно отстраняет мои руки. Не спорю, чтобы не сбивать настроение. После недолгих умелых манипуляций, она надевает мне презерватив, дополнительно смазывает и ложится на спину, раздвинув и согнув ноги. Пристраиваюсь сверху и пытаюсь хотя бы погладить ее по плечу (кожа оказывается той же бархатистой фактуры, что у вчерашней азиатки: похоже, они и вправду чем-то намазываются).

– Без рук! – говорит Блондинка, и это ее первые ко мне слова.

Непосредственно перед проникновением она кладет два пальца правой руки – средний и указательный – себе на промежность, так что пальцы оказываются по обе стороны влагалища. Теперь, как бы ни старался, я не смогу войти на полную глубину.

Упершись руками в кровать, сосредоточенно двигаюсь. Из соседней комнаты Брюнетка что-то кричит, Блондинка (из-под меня) отвечает, и они начинают перекрикиваться через стенку. Не прекращаю ритмично двигаться.

Как только кончаю, Блондинка что-то выкрикивает, и заходит Брюнетка. Она смотрит на меня – голого посреди комнаты, воюющего с презервативом – и между ними продолжается оживленный разговор. Брюнетка хохочет, поглядывает в мою сторону. Говорят обо мне? Пожалуй, много чести. Хотя, нет:

– Сколько времени тратишь в день на прическу? – спрашивает Брюнетка по-английски.

– Нисколько, – говорю я и смотрю в настенное зеркало: небольшая, в общем-то, шапка моих отросших волос по-дурацки распадается спереди надвое. Пятерней пытаюсь зачесать назад, но волосы снова разваливаются на стороны. К чёрту! Завтра же иду стричься и возвращаюсь к привычному «ежику» – *хаеру* не бывать!

– Клёвый причесон! – откровенно издевается Брюнетка. Она хохочет, Блондинка ухмыляется.

Выхожу на улицу. Да, «произвел впечатление» – нечего сказать... Вот блядство!

Испанец из хостела подвизается на ремонтах. Поговорил обо мне с прорабом, и в понедельник отправляемся на объект.

Дошел я до такой жизни, осознав, сколь быстро истаивают мои капиталы. Регулярный, почти ежедневный обмен чеков на местную валюту нервирует, почва колеблется. Даже если жить без излишеств, а тратить только на необходимое: дешевое жилье и насущный хлеб, пачки

моих денег еле хватит на год городской жизни. А сейчас сентябрь, зима на носу – на природе не поживешь. И про Париж не забыто.

Важно понять, смогу ли я в принципе заработать. И если с работой выгорит, попробую жить «одним днем»: всё заработанное целенаправленно спускать, до последней копейки. Иначе застарелая привычка экономить неизбежно возьмет свое. Никакого накопительства, и, разумеется, никаких долгов и обязательств. Основной же капитал (оставшиеся девять тысяч) не трогать: балласт необходим для спокойствия. Буду жить «одним днем» и, возможно, перестану наконец думать о деньгах. Надоело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.